
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (112). Ноябрь, 2010

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (112). November, 2010

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYÜNTAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Жуков А. Ю., Ляля Е. В.*
 ГИС «Электронный каталог населенных мест Карелии XV–XXI вв.» 7
- Никонов С. А.*
 Промысловые становища Кандалакшского Прецистенского монастыря на Мурманском берегу во второй половине XVI – первой трети XVIII века 16
- Тереженков Л. Е.*
 Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и Гражданской войне в Карело-Мурманском регионе 23

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Окунева Е. Г.*
 «Третья эра» музыки в Финляндии: авангард и электроакустическая музыка 28

ПЕДАГОГИКА

- Панченко Т. В.*
 Теоретические и практические аспекты информационного обеспечения педагогических дисциплин 32
- Гаврилова А. Н.*
 Причины недостаточной сформированности иноязычной письменноречевой компетенции в условиях неязыкового вуза 38

СОЦИОЛОГИЯ

- Павлов А. П.*
 О природе и механизмах формирования этоса 44

ФИЛОЛОГИЯ

- Лелис Е. И.*
 Разные виды подтекста в рассказе А. П. Чехова «Студент» 47
- Недбайлик С. Р., Стихин А. Г., Павлов В. О.*
 О функционально-семантических аспектах использования отсубстантивных синтаксических скрепов в дискурсно-текстовых высказываниях (на материале современных английского и французского языков) 53
- Уренская В. В.*
 Проблема имени собственного в эпическом тексте: оригинал и переводы 56

- Тарасова Н. А.*
 Новое имя в черновых набросках к «Дневнику писателя» за 1877 год Ф. М. Достоевского 59
- Тарасов Ф. Б.*
 «Ризы кожаные» и «брачные одежды»: о преображении человека у Достоевского 66

ФИЛОСОФИЯ

- Волков А. В.*
 Биологические корни человеческого познания 71

ЭКОНОМИКА

- Рябова Л. А.*
 Новая северная парадигма России: проблемы формирования и социальные приоритеты 79
- Михель Е. А., Морозова Т. В.*
 Институциональный подход к анализу трудовой эмиграции 88
- Евстифеев Ю. М., Рудаков М. Н.*
 Дезинтеграционные тенденции развития интегрированных компаний 93

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бороздина Я. А.*
 Культурное сотрудничество в Совете Баренцева Евроарктического региона 98
- Секретарева Т. М.*
 Двусторонний подход к правам человека в сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений 101

РЕЦЕНЗИИ

- Пономарева Т. А.*
 Рец. на кн.: Маркова Е. И. Родословие Николая Ключева 107

ПАМЯТЬ

- Севандер С.*
 Памяти учителя – Н. Н. Толстой 109

Юбилей

- К 85-летию со дня рождения
 М. И. Шумилова 111
- Научная информация** 113
- Информация для авторов** 115
- Contents** 116

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Учредитель: ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 23.11.2010. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 115 экз.) Изд. № 228.

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УДК 004.9(913+930.2)

АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЖУКОВ

кандидат исторических наук, заведующий сектором истории Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН

zhukov@krc.karelia.ru

ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА ЛЯЛЛЯ

заведующий сектором проектирования и разработки ГИС отдела ГИС Регионального центра новых информационных технологий, Петрозаводский государственный университет

lyallya@psu.karelia.ru

ГИС «ЭЛЕКТРОННЫЙ КАТАЛОГ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ КАРЕЛИИ XV–XXI ВВ.»

Статья посвящена описанию разработанного в рамках проекта РГНФ электронного каталога населенных мест, существовавших на территории Карелии с XV века до наших дней, базирующегося на сведениях письменных и картографических исторических источников.

Ключевые слова: геоинформационные системы, историческая картография, история поселений, история Карелии, населенные пункты

Разработка электронного каталога населенных мест Карелии велась в рамках проекта РГНФ в 2006–2008 годах. Ей предшествовала многолетняя работа по изучению и поиску источников исходной исторической и архивной картографической информации. Идея создания такого ресурса возникла в связи с потребностями многих исследователей в области истории и других гуманитарных наук в картографической обработке их научного материала и с теми проблемами, с которыми столкнулись специалисты при реализации данной потребности. Практически все исследовательские данные привязаны к территории, а первичная информация – к населенному месту. Названия этих мест приводятся по различным источникам, и идентифицировать их бывает непросто. Поэтому при обработке материалов, особенно массовых, большая часть времени уходила не на сам анализ данных, а на определение местоположения населенных мест на географической карте и привязку анализируемых данных к ним.

С начала 1990-х годов историки приступили к созданию отдельных описательных каталогов населенных мест России. Сошлемся на «Историю сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв.» [5]. Данное научно-популярное издание состояло в рамках задуманного большого проекта «Энциклопедия российских деревень» Научного и культурно-просветительского общества, поддержанного со стороны Российской академии наук Научным советом по исторической демографии, Институтом российской истории РАН, а также Аграрным институтом Российской академии сельскохозяйственных наук. В издании прослежена история отдельных населенных пунктов, доживших до наших дней или вошедших в состав городов. Но географическое местораспо-

ложение избранных поселений изложено в работе вербально, без привязки к точной топографической карте. Кроме того, идентификация поселений поставила перед авторами ряд существенных трудностей. Так, со всей очевидностью встала проблема отсутствия научно-справочного картографического аппарата, который мог бы содействовать идентификации поселений.

Для решения указанной проблемы необходимо было создать средство, базирующееся на источниках исторической информации, которое позволит быстро осуществлять поиск населенного места на карте и будет содержать все варианты его названий, историю административной принадлежности, географические сведения о его местоположении.

Накопленный к этому времени в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и в Петрозаводском государственном университете опыт работы с исторической, в том числе картографической, информацией, опыт разработки информационных систем на базе ГИС-технологий, наличие специалистов, технических и программных средств позволили успешно реализовать задуманный проект.

Задачей проекта стало создание информационного ресурса, максимально объединяющего в себе различную по содержанию, датировке, структуре и форме представления историческую информацию по поселениям, существующим или когда-то существовавшим на территории Карелии. Разработанная информационная система получила название «Электронный каталог населенных мест Карелии XV–XXI вв.».

Источниковая составляющая системы базируется на различных исторических документах. Это писцовые и переписные книги, документы исторической статистики, данные специальных

исследований, картографические источники. Подробный обзор источников информации, использованных при создании каталога, приведен в статье Е. В. Лялля «ГИС “Электронный каталог населенных мест на Европейском Севере России XV–XX вв.”» [7].

Основным объектом разрабатываемого ресурса является поселение (или населенное место), имеющее собственное название, сведения о котором зафиксированы в одном или нескольких исторических документах. По каждому населенному месту, занесенному в каталог, можно получить подробные сведения: в каких источниках это населенное место упоминается, какие данные о нем приводятся в документах, под какими названиями оно было зафиксировано, где оно расположено на карте. В настоящее время в каталоге содержится информация о 4760 поселениях.

Разработанный для пользователя интерфейс позволяет выполнять операции по поиску объектов, построению различных выборок, отображению информации на карте, проведению идентификации объектов и др. Каталог может пополняться новыми объектами. Может расширяться и база источников информации. Картографический модуль, включенный в состав системы, позволяет работать с современной топографиче-

ской картой, а также загружать исторические картографические документы.

Электронный каталог открывает новые возможности для исследователей – историков, краеведов, топонимистов, этнографов, архивистов и других специалистов, работающих с информацией, требующей территориальной привязки.

«Электронный каталог населенных мест Карелии XV–XXI вв.» является сложной многокомпонентной системой, включающей в себя информацию, различную по виду, структуре, датировкам, собранную из различных источников. Они различны по содержанию сведений, по составу населенных мест и по способу представления информации. Тем не менее авторы системы попытались сделать интерфейс пользователя по возможности удобным и понятным для всех, кто решит воспользоваться им в своей работе (рис. 1).

Основной принцип отбора документов для включения в состав электронного каталога – непрерывный временной охват. Временные разрывы между документами не превышают полусотни лет. Несмотря на большое разнообразие источников, данные могут быть импортированы в систему путем перевода их в унифицированные формы и выполнения операций по загрузке.

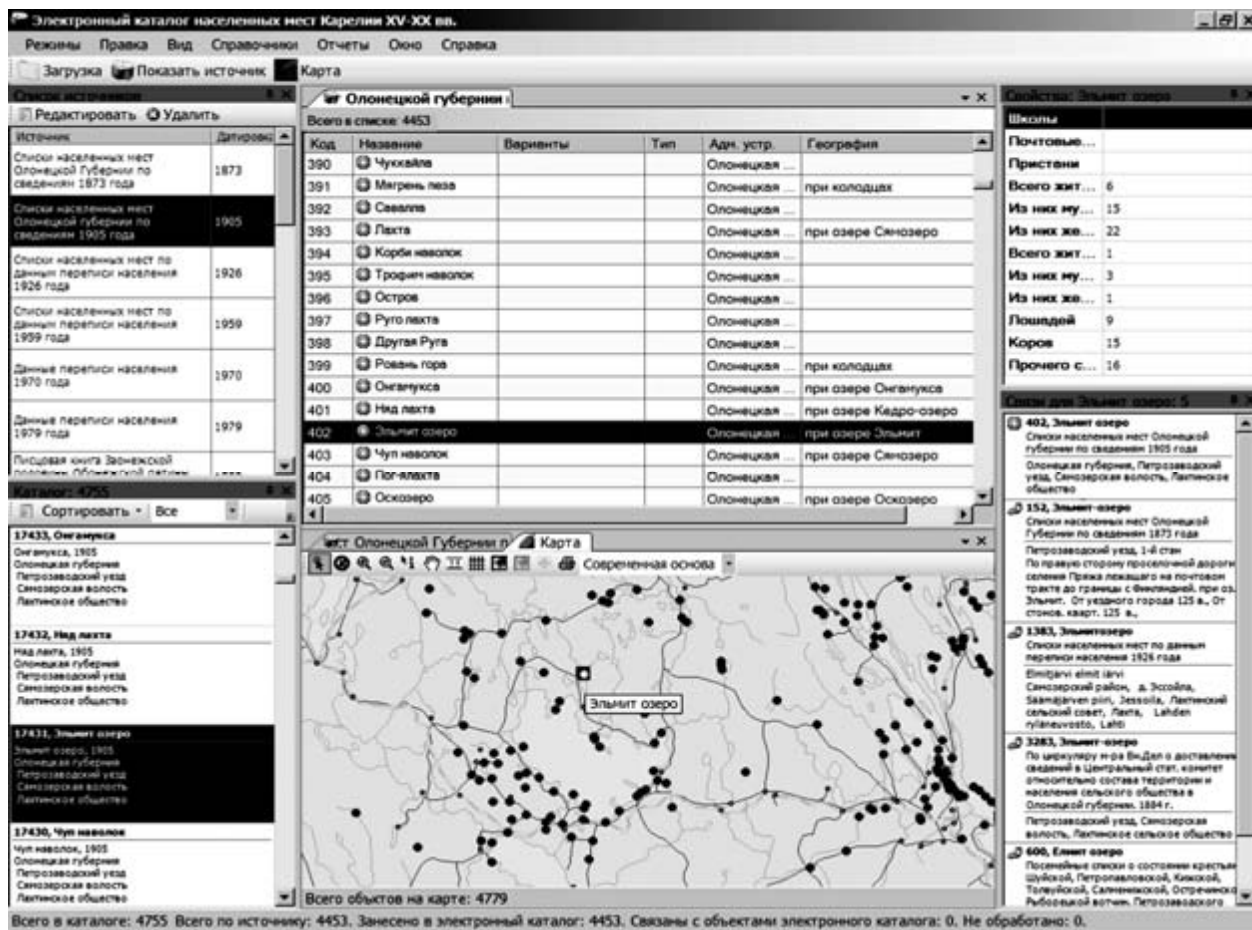

Рис. 1. Основной экран «Электронного каталога населенных мест Карелии XV–XXI вв.»

Учитывая неоднородный состав документальной базы, все данные были разделены на две группы. Первая группа – это сведения, необходимые для идентификации и локализации объектов. К ним относятся название населенного места на момент его переписи, его идентификационный номер, варианты названий, указанные в источнике, статус населенного пункта, сведения по административно-территориальному подчинению, сведения о географической привязке к местности. Эта информация является наиболее важной для идентификации населенного места в электронном каталоге, а также для локализации его на карте.

Другая группа – дополнительные сведения, отражающие историю развития населенного пункта. Это сведения о жителях, землях, крестьянских хозяйствах, ремеслах и др. Она служит только для получения дополнительных тематических сведений, составления исторической справки по населенному месту и для тематического анализа, в том числе и картографического. Основные принципы построения базы данных и процесс идентификации населенных мест в электронном каталоге описаны в статье Е. В. Ляля «Применение ГИС-технологий для пространственно-временной локализации населенных мест по различным источникам исторической информации. Топонимический материал в “Кодификаторе поселений Карелии”» [8].

Все источники исходной информации, загруженные в каталог, могут быть открыты для просмотра на экране. Основная информация представлена в виде таблицы. Дополнительную информацию можно просмотреть через окно свойств.

Работая с каталогом, выбирая из него объекты, пользователь может видеть на экране весь спектр информации, загруженной в базу данных и связанной с выбранным объектом. Он может видеть все источники, в которых объект упоминается, информацию о нем, которая имеется в этих источниках, а также где он размещается на карте.

Инструментальная часть интерфейса пользователя включает в себя команды меню и инструментальные кнопки, позволяющие выполнять все необходимые действия с информацией каталога. Пользователь может работать с информацией, уже загруженной в каталог, или загружать в него новые источники при наличии у него таковых. Записи новых источников могут связываться с объектами каталога, или в каталог могут добавляться новые объекты, что позволяет постоянно пополнять информацию каталога.

Одна из основных функций каталога – это фильтрация данных, позволяющая осуществлять отбор данных, удовлетворяющих определенному условию. Кроме выборки по определенному условию можно создать безусловную выборку, поместив объекты каталога в выборку «Избранное». Получение выборок позволяет ограничить

список объектов каталога, исходя из задач, стоящих перед исследователем.

Разработанная система позволяет выводить на печать необходимую информацию. Это может быть список объектов выборки или всего каталога в целом или подробная историческая справка об объектах каталога. Эта функция будет полезна при подготовке материалов для издания или для экспедиционных исследований.

Основой для создания списочного состава населенных мест электронного каталога, а также источниками информации для разработки атрибутивной базы данных являются документы исторической статистики. В состав информационной системы вошли такие важнейшие источники массовых сведений, как писцовые книги 1563 года (с частичными сведениями предыдущей переписи 1496 года), 1581/82 года, 1584/85 года, 1615/16–1617/18 годов, 1628–1631 годов; переписные книги 1646/47 и 1678 годов; «ревизские сказки» (переписи-«ревизии») XVIII–XIX веков; списки населенных мест Олонецкой губернии 1873 и 1905 годов; церковные книги записей гражданского состояния; переписи населения (с конца XIX по начало XXI века); похозяйственные книги.

Кроме них материалами каталога стали сведения из Национального архива Карелии: «Список о числе крестьян, в окладе состоящих, с показанием перемен с 1838-го по 1842 годам о волостях и обществах по новому их разделению», «Список населенных мест Олонецкой губернии (Повенецкий уезд). 1847 г.», «По циркуляру министра Вн. Дел о доставлении сведений в Центральный стат. комитет относительно состава территории и населения сельского общества в Олонецкой губернии. 1884 г.» и другие документы.

Переписи и списки населенных мест за разные периоды времени содержат сведения различной структуры и информационного содержания. Так, например, в писцовой книге 1563 года поселения даны по территориям боярщин (бывших и существовавших к переписи вотчин новгородской и местной знати, новгородского архиепископа и монастырей). Причем вначале зафиксированы населенные и запустевшие деревни, которые существовали в перепись Ю. К. Сабурова 1496 года, затем – возникшие к переписи середины XVI века, и, наконец, к самому «письму» 1563 года. В свою очередь, данные боярщины распределены под владельческими рубриками: «оброчные» великого князя, архиепископа, монастырей, поместные, вотчины своеземцев. В результате даже по признаку владельческой принадлежности мы не имеем доверенного бумаге последовательного описания населенных мест. Лишь в пределах каждой боярщины можно угадать принцип занесения поселения в перепись: в соответствии с маршрутом писца. В последующих переписях дефиниция «боярщина» в целом исчезает, благодаря чему перечень поселений приобретает более стройный вид, но группирование по признаку

владельческой принадлежности сохраняется. К тому же в XVII веке запустевшие деревни давались списком, отдельно от «живущих» поселений. И вплоть до XIX века мы не имеем последовательного списка населенных пунктов в пределах каждого из районов («погостов»). Впрочем, и далее перечисление поселений зачастую далеко от требований переписей населения XX века. Так, в списке населенных мест 1873 года населенные пункты перечислены в соответствии с их расположением по дорожным трактам, существовавшим на тот период. В этих списках объектами административного устройства являются уезды Олонецкой губернии и станы. Волостного деления в них не содержится. Списки 1905 года организованы в соответствии с административно-территориальной принадлежностью и делением территории на уезды, волости и общества. Списки 1873 и 1905 годов являются наиболее массовыми и подробными. Они содержат статистические данные по численности и составу населения, сельскому хозяйству, образованию, церковным учреждениям, промышленным и ремесленным организациям и другие сведения, дающие представление о статусе и значении населенного места.

По структуре и форме представления информации документы также отличаются друг от друга. Так, документы, созданные на основе материалов различных переписей и содержащие наиболее полный состав населенных мест, обычно представлены в уже структурированном табличном виде. Другие документальные источники (такие, как писцовые книги) содержат подробное многолетнее описание населенных мест, земель, жителей в форме текста. Такие документы требуют дополнительного исследования и разработки на их основе самостоятельной структуры. К третьему типу документов относятся материалы специальных тематических обследований, например «Материалы обследований кустарных промыслов 1905 г.» и «Списки торговых заведений 1900 г.». Они не содержат полного состава населенных мест исследуемой территории, но дают дополнительную информацию о населенных местах, вошедших в состав этих документов. Такая разнородность документов потребовала от авторов разработки технологии первичной обработки данных и подготовки их к загрузке в систему. Этому был посвящен доклад А. Ю. Жукова и Е. В. Ляля «Геоинформационная модель поселенческой структуры территории Карелии на материалах писцовых книг и других массовых источников XV–XX вв.» на XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков», проводимой Федеральным архивным агентством и Российским государственным архивом древних актов [3].

Один из наиболее важных процессов при работе с историческими документами – идентификация населенных мест, которые в них упоминаются. От качества идентификации зависит

достоверность информации, заложенной в базу данных электронного каталога.

Идентификация населенных мест по историческим документам сводится к установлению связей между объектами электронного каталога и записями источников исходной информации и выполняется на основании сведений, содержащихся в источнике. Пространственная локализация населенных мест осуществлялась по современным топографическим картам территории Карелии и историческим картографическим документам XVIII–XX веков. Кроме того, в процессе идентификации и пространственной локализации объектов электронного каталога использовалась и информационная система «Топонимия Карелии», разработанная в рамках проекта РГНФ № 05-04-12420в (руководитель – И. И. Муллонен) и содержащая электронную картотеку топонимов Карелии и электронную карту, на которой топонимы автоматически привязываются к местности.

Процесс идентификации населенных мест, входящих в состав исходных источников информации, не всегда однозначен. Довольно часто встречаются повторяющиеся названия, например «Алексинская» или «Андреевская». «Алексинская» встречается в списках 1873 года дважды, название «Андреевская» зафиксировано 8 раз. В таких случаях одного названия населенного места для его идентификации бывает недостаточно, поэтому приходится обращаться к уточняющим сведениям по административно-территориальной принадлежности поселений или близлежащим географическим объектам.

Связывание объектов дает возможность получить сведения по выбранному объекту каталога, имеющиеся во всех источниках исходной информации, загруженных в базу данных. Неоднородность информации, содержащейся в источниках, дает возможность получить дополнительные сведения об особенностях населенного места и его истории.

Для упрощения операций поиска и отбора данных в системе предусмотрена функция фильтрации данных. Можно задавать фильтр в одну или несколько строк, добавляя необходимые условия выбора. Кроме того, можно ограничить выборку, задав условие отображения только связанных объектов или только несвязанных объектов источника.

Система включает в себя геоинформационный модуль, который позволяет на карте Европейской части России автоматически определить местоположение населенного места, выбранного из каталога. В то же время по объекту, выбранному на карте, однозначно определяется объект электронного каталога. Процессы подготовки картографических материалов для включения в состав каталога и отработки технологических моментов работы с ними описаны в статье Е. В. Ляля [9]. Базовой картой разработанной ГИС является цифровая карта Карелии масштаба 1:1000000. Дополнительно к этой карте разрабо-

тан слой поселений, на котором размещаются поселения, входящие в состав каталога, и слой уездных и волостных границ Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии. Кроме векторных карт в системе используются и растровые изображения исторических картографических документов. Основным из них является «Специальная карта Европейской части России конца XIX века» масштаба 10 верст в 1 английском дюйме.

Процесс пространственной локализации населенного пункта сводится к определению местоположения населенного места на географической карте. Эта операция выполняется благодаря картографическому слою электронного каталога, содержащему все населенные пункты, местоположение которых было определено.

Используемые картографические источники позволили создать карту волостного деления Олонецкой губернии на начало XX века (рис. 2). Эта карта вошла в состав 2-го тома энциклопедии «Карелия» [6].

Исходя из потребностей пользователя, на карту можно добавлять административные границы современной Карелии или границы Олонецкой губернии по состоянию на 1905 год. Карта снабжена набором инструментов. Они находятся на инструментальной панели, располо-

женной в верхней части окна карты. Это увеличивающая и уменьшающая лупа, линейка для измерения расстояний, инструменты выбора объектов на карте, инструмент для получения информации об объектах карты, ладошка для перемещения карты в окне. Эти инструменты позволяют сделать работу пользователя с картой комфортной: удобно сфокусировать изображение в окне карты, оптимально настроить ее масштаб, сориентироваться по расстояниям в окне карты, получить информацию не только об объекте электронного каталога, но и о любом объекте карты, находящемся рядом с ним.

Геоинформационный модуль позволяет картографировать новые объекты, добавляемые в каталог, местоположение которых определено. Для операции картографирования существенную помощь оказывают старые картографические документы. Это «Специальная карта Европейской части России конца XIX века», «Планы генерального межевания Олонецкой губернии» конца XVIII века и другие источники. Местоположение большинства объектов, занесенных в электронный каталог, было определено именно по этим картам. Листы карты 10-верстки (как ее часто называют) покрывают практически всю территорию Карелии. Они могут быть загружены на электронную карту.

Рис. 2. Волостное деление Олонецкой губернии в 1905 году

У пользователя системы есть возможность оформления и управления картографическим изображением. Он может на каждом слое задать свои параметры настройки, выбрать стиль оформления объектов, подписать их. Пользователь может сделать слой карты видимым или невидимым, доступным или недоступным, изменяемым или неизменяемым. Подготовленную карту можно напечатать.

Возможности электронного каталога позволяют исследовать закономерности формирования поселенческой структуры территории, а также проследить историю населенного места за период, охватывающий несколько веков. Такое исследование помогает выявить закономерности развития поселенческой структуры территории, а также проследить пути миграции населения и освоения земель Карелии. Процесс идентификации оказался наиболее сложным для средневековой поселенческой структуры по сравнению с той, что существовала в наиболее развитом виде в XIX – первой половине XX века. Сама по себе данная работа носит исследовательский характер и может быть решена только в ходе специальных научных изысканий, которые опираются не только на представляемый ныне каталог, но и на всю совокупность сохранившихся исторических сведений. Тем не менее отправной точкой являются массовые сведения, введенные именно в геоинформационную систему каталога.

Выявление искомым закономерностей в развитии поселенческой структуры Карелии было

проведено с помощью тщательного изучения трех показательных для Олонецкой губернии территорий – Сямозерской волости, Водлозерского погоста и окрестностей Петрозаводска.

Первый район – это территория бывшей Сямозерской волости Олонецкого погоста, которая занимала административное порубежье Заонежских погостов Новгородского уезда и погостов и волостей Корельского уезда, а в XVII веке она же являлась приграничной волостью Олонецкого уезда России и Кексгольмского лена Швеции. Затем в XVIII – начале XX века волость под названием Салмеженской вновь стала разграничивать административные границы Олонецкой губернии и Великого княжества Финляндского, а в 1918–1940 годах оказалась российской волостью на границе с Финляндской Республикой. Наконец, со второй половины XX века старинная волость вернулась к положению территории на административной границе Пряжинского и Суоярвского районов Карелии, то есть потеряла приграничный статус и, кроме того, лишилась своего единства, будучи поделенной между этими районами. На обширной территории средневековой Сямозерской волости нам удалось идентифицировать 99 поселений, существовавших в XV–XVII веках и ставших основой для последующего развития поселенческой структуры. Результаты этих исследований опубликованы в монографии «Сямозерье: история, быт, культура» в главе «Сямозерье в XIV–XVII вв.» [2].

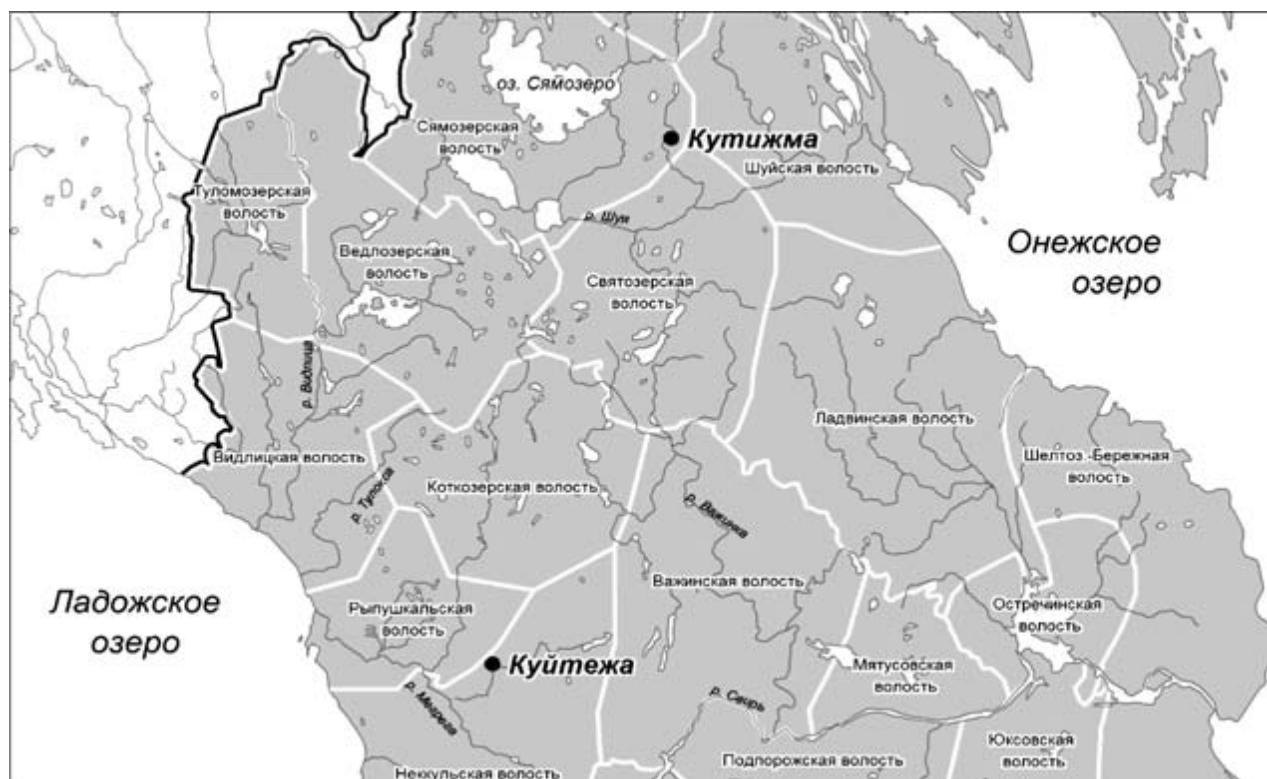

Рис. 3. Карта-схема Куйтежа – Кутижма

Рис. 4. Фрагмент карты Генерального межевания земель 1792 года территории Водлозера

Наблюдения за эволюцией поселенческой структуры в целом и судьбой каждого из сямозерских селений в отдельности, а также обнаруженные долговременные общинно-хозяйственные и приходские отношения позволили нам прийти к выводам о конкретных путях и этапах заселения волости в Средние века и в начале Нового времени, о поддержании переселенцами этнических связей с местами проживания своих предков, и одновременно – о зарождении в Сямозерье и на более южной Олонецкой равнине этнической группы карелов-ливвиков, объединившей старожилов-вепсов и карелов, мигрировавших сюда из Корельского уезда (в XVII веке – он же Кексгольмский лен). Пример продолжавшихся связей сямозерцев с вепсской прародиной изложен в статье [3]. Работа над данными темами потребовала от нас обращения не только к писцовым материалам по Сямозерью, но и к содержащимся в каталоге сведениям по Олонецкому району, а конкретнее – по прилегающим к руслам рек Мегрега, Видлица и Тулокса территориям (рис. 3). Приходская структура сямозерцев и их ближайших соседей поддерживала как старинные отношения этнического родства и хозяйственно-общинной близости, так и миграционные потоки, позволяя переселявшимся карелам интегрироваться в старинные сямозерские общины.

Второй важный район, который подвергся столь же тщательному обследованию, находится на самом востоке Карелии, на ее границе с архангельским Каргопольем. В древности это Водлозерский погост, который с конца 1560-х годов и по 1802 год был разделен между Заонежскими погостами Новгородского (а с 1649 года – Олонецкого) уезда и Каргопольским уездом. С 1802 по 1920 год бывший Водлозерский погост вновь

был объединен в составе Пудожского уезда Олонецкой губернии; на Водлозере складывалась этнолокальная группа русских-водлозеров. Ранее, в новгородское Средневековье, район имел важное коммуникационное значение как путь новгородцев в свои двинские владения через знаменитый Кенский волок, которым, собственно, и ограничивалось с востока первоначально единое Водлозерье. Наконец, с 1920 года земли бывшего Кенского волока вошли в архангельский Каргопольский район, а большая часть бывшего Водлозерского погоста (широкое побережье оз. Водлозера) осталась в составе Пудожского района Карелии. Теме Водлозерья был посвящен доклад А. Ю. Жукова [1].

Обращаясь к материалам каталога по Водлозерью, мы прежде всего хотели проиллюстрировать один из выводов историографии о логике взятия в опричнину отдельных северных черносошных районов (уездов, погостов, волостей и даже их частей). Отечественная историография стоит на выводе о выгоде контроля важных коммуникационных районов для опричной казны. Как пример обычно приводится опричное разделение Водлозерья, а именно описание в опричнину Кенского волока. Но в ходе исследования мы пришли к неожиданному выводу: сам волок остался в Земщине, а в опричный удел был взят совсем другой маршрут – «контрабандный» (то есть беспошлинный) путь, проторенный богатым Кирилло-Белозерским монастырем к Белому морю. В Водлозерье он шел по восточному берегу озера и далее по р. Илекса, выходя на кряж Ветряный пояс, откуда реки (Нюхча и др.) текли уже к Белому морю. На Илексе встала опричная таможня, а водлозерские крестьяне, жившие по восточному побережью Водлозера, оказались в Опричнине. Кстати, первоначально опричный статус привел к быстрому росту населения восточного Водлозерья.

Другой важный вывод, к которому мы пришли, касался собственно поселенческой структуры Большого Водлозерья. Примерно с середины и во второй половине XVII века его несколько десятков деревень исчезли, но одновременно появились большие селения, которые благополучно дожили до XX века. На Севере, в том числе на Водлозере, из-за погодно-климатических условий сравнительно мало мест, где можно успешно вести сельское хозяйство (а районы постоянного продуктивного выращивания зерна практически отсутствовали вовсе). Выживать помогали промыслы, главным образом рыболовный. Материалы каталога показывают, что первоначальные водлозерские деревни возникали не повсюду в погосте, а концентрировались лишь в отдельных местах на берегу озера, а новые большие селения были из числа именно этих деревень (рис. 4). Они издревле стояли в данных микрорайонах, но не запустели, в отличие от большинства других мелких деревенек, находившихся поблизости. Иными словами, «новые»

деревни были укрупненными старыми деревнями, в которые съезжались окрестные крестьяне, по каким-то причинам забрасывавшие свои старые соседние поселения. При этом немногие паханные угодья в каждом из микрорайонов продолжали обрабатываться. Такой процесс был характерен для Центральной России XVII века и связан с аналогичным укрупнением поместных и вотчинных деревень, когда помещики и монастыри предписывали своим крестьянам съезжаться в избранные деревни.

На Водлозере же ни поместного, ни крупного монастырского землевладения не имелось (Кирилло-Белозерский монастырь лишь пользовался трассой, но не владел водлозерскими землями и деревнями, а местные пустыни Юрьевогорская и Рагнозерская были «безвотчинными»). Следовательно, имелась другая, общая для всех причина укрупнения деревень. Можно предположить, что это создание всероссийского рынка, для функционирования которого были необходимы не только рынки сбыта и коммуникации, но и большая концентрация производителей. Конкретно на Водлозере речь шла о товарном путинном рыболовном промысле, для развития которого требовалось действовать сообща, большими коллективами ловцов. Наличие таких артелей обеспечивала новая структура укрупненных поселений как в западном, так и в восточном (бывшем опричном) Водлозерье. По исследованным писцовым материалам, в том числе содержащимся в нашей геоинформационной системе, она сложилась как раз к середине – второй половине XVII века.

Третьим важным районом, обследованным нами при помощи геоинформационной системы и писцовых материалов каталога, является район г. Петрозаводска и его окрестностей – земли бывшего Шуйского погоста Великого Новгорода. Этот погост занимал центральную часть Обонежской Карелии. Потребность в его детальном описании возникла в ходе работы над монографией «История Петрозаводска: власть и горожане» [5], которая создавалась в рамках большого совместного проекта историков Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Петрозаводского государственного университета по программе Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории». Задача заключалась не только в том, чтобы кратко описать историю петрозаводских мест от возникновения на безлюдных берегах р. Лососинки Петровского завода и поселения в 1703 году до города, ставшего крупнейшим в Карелии. В исследовании нам потребовалось ответить на важный проблемный вопрос: почему завод и поселение возникли уже в ходе Северной войны именно в данном районе? По логике вещей, крупнейшее в России пушечное-оружейное предприятие, каким сразу стал Петровский завод, нужно возводить в обжитом месте, в котором уже имеется развитая

производственная инфраструктура. В самой Карелии было такое место в 50–60 верстах к северу, на Заонежском полуострове: там успешно действовали 5 железоделательных заводов, выпускавших военную продукцию для действующей армии. У будущего Петрозаводска не имелось крупных месторождений железной руды (ее везли с Толвуи, то есть с того же Заонежского полуострова, и из-под Андомы на южном берегу Онежского озера); к заводским работам было приписано почти все население Олонецкого уезда. Иными словами, необходимо было объяснить «нелогичность» решения Петра I создать предприятия в самый разгар Северной войны на безлюдных берегах р. Лососинки, не имевшей, как казалось ранее, основ фабрично-заводской инфраструктуры. Именно писцовые материалы каталога позволили нам решить поставленную проблему, которой посвящена глава «Шуйский погост: предыстория Петрозаводска» в упомянутой выше монографии о непростых взаимоотношениях власти и общества на примере истории города [1].

Оказалось, что издревле ближайшие окрестности будущего города были привлекательны для крестьян. По р. Шуя вплоть до ее устья (река впадает в Петрозаводскую губу Онежского озера, тогда – в Салмилахту) стояли деревни Виданской волости Шуйского погоста. Вдоль же онежского берега от Кондопоги до Деревянного, в том числе в устье и низовьях Шуи, находились и деревни Кондопожской волости того же погоста. Таким образом, район будущего города находился как бы в перекрестье поселенческих и хозяйственных интересов двух главных общин погоста, именно здесь их деревни и хозяйственные угодья располагались чересполосно. Более того, со времен Великого Новгорода данный район облюбовала и знать Великого Новгорода, монастыри и местные своеземцы, создав здесь в XIV–XV веках густую сеть вотчин на основе сложившегося общинно-родового деления вепских первopоселенцев и подселавшихся к ним русских.

Данный этнический аспект также раскрывается при изучении сведений каталога. Наименования деревень и других географических объектов не оставались неизменными. Со временем они видоизменяли форму звучания и написания, причем не произвольно, а в строгом соответствии с этнической принадлежностью населения, проживавшего в деревнях и владевшего местными угодьями. Анализируя с помощью ГИС топонимию, удалось выявить этапы заселения Западного Прионежья вепсами, русскими и, наконец, карелами с XIII по XVII век, то есть задолго до строительства завода и поселения при нем. Для нас особенно ценным материалом стала архаичная уже в XVI веке номенклатура и форма древнейших названий, зафиксировавшая следы первоначального вепского заселения района и первых новгородских поселенцев в XIII–XIV веках.

Третий аспект предыстории города связан с транспортной инфраструктурой. Оказалось, что именно район в устье Шуи со времен Великого Новгорода являлся главным коммуникационным центром всей Обонежской Карелии, куда сходились важнейшие пути – как водные, так и сухопутные. Также имелись выходы в центральные области страны, главным образом к Новгороду и в Южное Приладожье, то есть как раз те маршруты, которые прямо вели к основному театру боевых действий у Финского залива и в Прибалтике на первом этапе войны.

И наконец, выявленный с помощью писцовых материалов каталога этнический аспект имел своим следствием важнейшее обстоятельство: приходившие особенно интенсивно в XVII веке в Западное Прионежье приграничные приладожские карелы являлись носителями железоделательного промысла, в том числе кустарного производства огнестрельного оружия. В Карелии Шуйский погост стал одним из главных районов развитого сельского железоделательного промысла (так называемая сельская «рассеянная мануфактура»). Изделия шуйских кузнецов через скупщиков большими партиями поступали в систему складывавшегося как раз в данное время всероссийского рынка. Поэтому Петр I и выбрал главный коммуникационный район Карелии, имевший развитое сельское хозяйство и

готовые кадры кузнецов, в качестве места для строительства крупнейшего в России пушечно-оружейного завода.

Таковы конкретные выводы, которые мы получили в ходе исследований, выполненных при помощи «Электронного каталога населенных мест Карелии».

Анализируя опыт применения Электронного каталога для проведения исследований, описанных выше, можно сказать, что работа над его созданием позволила выявить и включить в научную работу многочисленные источники исторической информации, до настоящего времени неиспользуемые и неопубликованные. Интеграция сведений по многочисленным историческим источникам в единой системе, несмотря на различие в содержании, структуре и форме представления информации, позволяет быстро получить подробную историческую справку о населенном месте, определить его местоположение, получить список источников, в которых оно упоминается.

Разработанный совместными усилиями историков и специалистов в области информационных технологий Электронный каталог населенных мест дает ученым гуманитарных направлений новый мощный инструмент и позволяет перевести процесс их исследований на новый качественный уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуков А. Ю. Водлозерский погост Новгородского и Олонецкого уездов: XVI – первая треть XVIII вв. // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Республика Карелия, Водлозерский национальный парк, 4–9 августа 2008 г.). М.: Энциклопедия российских деревень, 2008. С. 347–377.
2. Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2008. С. 41–106.
3. Жуков А. Ю., Ляля Е. В. Геоинформационная модель поселенческой структуры территории Карелии на материалах писцовых книг и других массовых источников XV–XX вв. // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков» / Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив древних актов. Археографическая комиссия РАН, Северное отделение археографической комиссии. М.: Древлехранилище, 2008. С. 131–137.
4. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории, 2008.
5. История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. / Отв. ред. К. А. Аверьянов. М., 1992–1993. Вып. 1–3.
6. Карелия: Энциклопедия. Т. 2. Петрозаводск: Издательский дом «ПетроПресс», 2009. С. 312–313.
7. Ляля Е. В. ГИС «Электронный каталог населенных мест на Европейском Севере России XV–XX вв.» [Электронный документ] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛИМИК (ISSN 1819-9399). 2006 г. http://illmik.onego.ru/news/New_Results/D70335D1-E2EC-47D1-91EF-C8905A9405C2.html.
8. Ляля Е. В. Применение ГИС-технологий для пространственно-временной локализации населенных мест по различным источникам исторической информации. Топонимический материал в «Кодификаторе поселений Карелии» // Материалы симпозиума «Финно-угорская ономастика в ареальном аспекте» / ИЯЛИ КНЦ РАН. Петрозаводск, 2007. С. 155–161.
9. Ляля Е. В. Применение технологий геоинформационных систем для работы с историческими картографическими произведениями // Сборник статей по материалам Всероссийской заочной научной конференции «Проблемы исторической демографии и исторической географии» / Отв. ред. Ю. А. Поляков. М.; Н. Новгород: НООНО «Кабинет методов краеведческой работы и развития Нижегородской агломерации», 2008. С. 137–143.

УДК 94(470.2)16/17 (045)

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный педагогический университет
snikonov-77@mail.ru

ПРОМЫСЛОВЫЕ СТАНОВИЩА КАНДАЛАКШСКОГО ПРЕЧИСТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ НА МУРМАНСКОМ БЕРЕГУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается проблема участия Кандалакшского Пречистенского монастыря (Кольский уезд) в промысле рыбы на Мурманском берегу Баренцева моря в XVI – XVIII веках. Выявлено, что Кандалакшский монастырь на рубеже XVI–XVII веков выступал самым крупным владельцем среди монастырей Поморья, промысловых становищ на Мурманском берегу. Попытка власти провести секуляризацию церковного имущества стала одной из причин упадка монастырского рыбного промысла на Мурмане в первой трети XVIII века.

Ключевые слова: Мурманский берег, становища, промысел, покрут, монастырь, Кольский острог, Кандалакшский монастырь

Возникший в 40–60-е годы XVI века мурманский рыбный промысел ежегодно привлекал к побережью Баренцева моря тысячи промышленников из разных частей Кольского Севера и Поморья. Сюда же устремились и монастыри, получавшие немалую выгоду от торговли рыбой (преимущественно треской) и морским зверем на рынках Севера Московского государства. Одним из первых в этот богатый рыбой прибрежный район Кольского полуострова пришел Николо-Корельский монастырь, который уже в 1550-е годы нанимал здесь покрученников-поморов для участия в промысле трески [23; 148].

Позже здесь стали обзаводиться своими промысловыми становищами и монастыри, возникшие на Кольском Севере в XVI веке, – Троицкий Печенгский и Кандалакшский Пречистенский.

Как уже отмечалось в специальных исследованиях, одними из первых Мурманский берег стали осваивать выходцы из Кандалакшской волости, давшие в том числе и начало новому поселению на слиянии рек Кола и Тулома – волости Коле (после строительства укреплений в 1583–1584 годах – Кольский острог) [25; 10], [24; 78]. Вслед за кандалакшскими крестьянами на Мурманский берег пришли и монахи местного монастыря.

Подробное описание промысловых становищ Мурманского берега содержится в писцовой книге Кольского уезда 1608–1611 годов Алая Михалкова. Мурманский берег составлял протяженную прибрежную полосу Баренцева моря, тянущуюся от Варангер-фьорда на западе до м. Святой Нос на востоке. Территориально Мурманский берег делился на две части – Мурманский конец (тянулся к западу от Кольского залива до Варангер-фьорда) и Русский конец (тянулся к востоку от Кольского залива вплоть до р. Йоканьги) [14; 65]. Здесь, на обоих концах Мурманского берега, возникали промысловые становища – комплексы жилых и хозяйственных построек, на которые каждую весну съезжались промышленники из разных

частей Поморья. В их числе были и представители Кандалакшского монастыря.

По данным писцовой книги Алая Михалкова, на западном и восточном побережьях Баренцева моря действовали 50 становищ (21 – на Мурманском конце, 29 – на Русском конце Мурманского берега) [15; 28–29]. Выходцы из Кандалакши (крестьяне и пречистенские старцы), согласно писцовой книге, вели промысел на 10 из 21 становища Мурманского конца [15; 29]¹.

Каждое становище включало в себя целый комплекс жилых и хозяйственных построек, служивших местом проживания, хранения промысловых снастей и судов, а также обработки (сушка и соленье) добытой во время промысла рыбной продукции промышленникам-поморам. Более поздние источники (конца XVII – середины XVIII века) позволяют нагляднее представить эти жилищно-хозяйственные комплексы, строившиеся поморами на всем протяжении северной и полярной полосы России (Мурман, Шпицберген и Приполярная Сибирь). Так, в описи промыслов Холмогорского архиерейского дома на Мурманском берегу, составленной в июне 1704 года, содержится подробнейшее описание двух становищ – Веселкиной губы и Поршнихи, куда каждую весну и лето направлялись промышленники, добывавшие рыбу для потребностей холмогорского владыки [13]. Становище Веселкина губа включало в себя избу с сенями и поварней (к поварне также примыкали сени), 2 амбара, сарай и скию. Здесь же, на становище, находились и 5 промышленных судов (по всей видимости, карбасов) [13; 136].

Становищу архиерейского дома ничуть не уступало по количеству хозяйственных построек и становище Крестного Онежского монастыря, также одного из регулярных «участников» мурманского рыбного промысла с середины XVII столетия. Монастырю здесь принадлежало становище Гаврилово. Так, из «караульной роспи-

си» имущества становища, составленной в августе 1753 года и представляющей собой подробное описание становища и хранящихся здесь промысловых запасов и непортящихся продуктов, переданных под караул лопарям Воронежского погоста до начала промыслового сезона, можно получить представление о количестве жилых и хозяйственных построек Гаврилова. На становище, как следует из «рописи», находилась жилая изба («стан») с примыкавшими к ней сенями и поварней, рядом со станом был амбар, где хранились хлеб и промысловые снасти. Здесь же стояли келья (для «приказного» старца), баня, сушильня (место для просушки рыболовных снастей) и 3 амбара [11; 18–18 об.].

Данные письменных источников, которые могут быть увеличены, подкрепляются и материалами археологических изысканий. Несмотря на то что на побережье Баренцева моря еще не проводились планомерные и масштабные археологические исследования, позволяющие получить «материальное» представление о мурманских становищах XVI–XVIII веков, существующие в науке пробелы могут быть восполнены сравнительными данными. Аналогичные мурманским становищам жилые и хозяйственные постройки строились в тот же период русскими поморами (в том числе и выходцами с Кольского Севера) на Шпицбергене (русский «Груммант»). Как показывают археологические изыскания последних лет, поморские становища на Шпицбергене включали жилые постройки (наиболее распространенными были двухчастные – жилая изба и сени), построенные без фундамента и имевшие внутри помещения каменную или кирпичную печь. К промысловым избам примыкали, порой соединяясь друг с другом с помощью сеней, хозяйственные строения (амбары и т. п.) и бани. В банях стояли большие печи-каменки [22; 63–64, 71, 81–82].

Таким образом, становища имели достаточно удобную жилую и хозяйственную структуру, приспособленную к нуждам ведения промысла в суровых условиях Крайнего Севера.

Представив общую характеристику промысловых становищ Мурманского берега, обратимся к непосредственной теме нашего исследования.

Если опираться только на сведения писцовой книги Алая Михалкова, то можно прийти к заключению, что промысловые строения пречистенских старцев находились исключительно на западном берегу Мурманского берега: в становищах Кегор, Лавышево и Лок-наволоке [9; 427]. Все три становища локализованы на территории полуострова Рыбачий [15; 28].

В первом из названных становищ кандалакшские монахи не являлись полными собственниками промысловых построек, а выступали в качестве совладельцев. На становище Лавышево монахам принадлежала лишь ¼ хозяйственных и жилых построек. Совладельцами старцев выступали посадский человек Кольского острога Конан Ребуев (ему принадлежала ½

строений) и стрелец того же острога Иван (владевший ¼ частью становища) [9; 427]. На этом же становище монастырь имел еще одно строение (изба и ския²), которое полностью ему принадлежало [9; 427].

Уже в середине XVII века пречистенскими старцами была приобретена еще одна часть хозяйственных построек на становище Лавышево. В период между 1657/58 и 1659/60 годами (точная датировка вклада источником не поясняется) кольским стрельцом Назаром Антоновым сыном была передана 1/3 часть хозяйственных построек становища [1; 207]. От этого же вкладчика в монастырь поступила и какая-то часть становища Куванды (о чем ниже). В связи с этим нельзя не отметить, что оба вклада были получены кандалакшским старцем Иваном, известным по другим источникам этого периода как приказчик Кольской монастырской службы.

На втором становище, Лок-наволоке, совладельцем хозяйственных построек выступал уже не весь Пречистенский монастырь, а только один его старец – Иосиф. Этот монах также не был единоличным владельцем построек, а распределялся ими совместно с неким Бориской Малым [9; 427]. Выскажем предположение, которое, к сожалению, невозможно проверить источниками, что Иосиф в данном случае владел частью недвижимого имущества не столько как представитель монастырской корпорации, сколько как частное лицо.

Вопрос о времени приобретения кандалакшскими старцами становищ на западном берегу Мурманского берега может быть разрешен при обращении к записям вкладной книги монастыря.

Так, в августе 1592 года в качестве вклада в монастырь передал свой «живот» Федор Валчак. Значительную часть вклада составляли орудия промысла и недвижимость – «полизбы да 2 ские» в Лок-наволоке, а также «в остроге чулан в Кольском» [1; 34 об.]. В том же становище располагались хозяйственные постройки еще одного монастырского вкладчика – Ильи Анкудинова. Свой вклад, состоявший из «пол-избы, да полсеней, да полвежи» на становище Лок-наволоке, Илья передал в Пречистенскую обитель в 1592 году [1; 39 об.].

Напомним, что писцовая книга на становище Лок-наволоке фиксирует лишь одну хозяйственную постройку, принадлежавшую монастырю, да и то не целиком, а как совладение с промышленником Бориской Малым. Возможно, в промежутке между 1592 и 1608 годами (временем писцового описания Мурманского берега) монастырь уже успел продать эти постройки каким-то другим промышленникам.

В числе промысловых построек, полученных Кандалакшским монастырем в качестве вклада в конце XVI века, были и хозяйственные строения в становище Лазарево. Так, в 1590 году (позднее августа) Матфей Иванов сын передал в качестве вклада треть избы в Лазаревом становище [1;

27 об.]. Спустя два года (17 августа 1592 года) им же была передана, видимо, оставшаяся треть избы в том же становище вместе с судовыми и рыболовными снастями [1; 34]. Надо отметить, что писцовая книга Алая Михалкова уже не фиксирует промысловых построек кандалакшских старцев в становище Лазарево. Среди владельцев одной избы, располагавшейся на этом становище, книга называет некоего Ваську Бородину и кандалакшанина Федьку Новодеревенского [9; 427]. Последний известен как монастырский вкладчик. Зная это обстоятельство, можно высказать предположение, что принадлежащая Федору Новодеревенскому часть промысловой избы была приобретена им у Пречистенского монастыря после 1592 года.

Писцовая книга Алая Михалкова знает и владения монастыря на становище Кегор (изба и ския) [9; 428], являвшимся в XVI–XVII веках центром международной торговли на Крайнем Севере Московского государства [24; 76–77], [15; 88–89]. К сожалению, такой источник, как вкладная книга, не позволяет прояснить обстоятельства и время приобретения части этого становища Кандалакшским монастырем.

Вкладная книга дает возможность выявить и другие становища побережья Мурман, на которых владельцами жилых и хозяйственных построек также выступали кандалакшские старцы.

В августе 1592 года пол-избы в становище Гридино передал в монастырь Юрий Карпов сын Керечанинов [1; 35 об.]. Спустя почти 15 лет, по данным писцовой книги Алая Михалкова, здесь уже не было построек, которыми бы владели кандалакшские старцы. Но при этом на становище промышляли 9 крестьян из Кандалакшской волости [9; 427].

Еще одним приобретением на западе Мурман, в становище Май-наволоок, стали изба, ския, вежа с елуями и полкухами³, полученными монастырем в качестве вклада 1 апреля 1601 года от корелянина Г. М. Пукалова. Помимо названных промысловых построек им же была передана в монастырь вкладом треть амбара в Кольском остроге [1; 61 об.].

В связи с последним случаем нельзя не отметить следующего: писцовой книге 1608–1611 годов известны два становища с наименованием «Май-наволоок» – «меньшой» и «большей» [9; 428]. Эти становища располагались рядом. Запись о вкладе поясняет, что жилые и хозяйственные постройки были переданы монастырю Г. М. Пукаловым именно на «меньшом становище» Май-наволоок. К моменту проведения переписи А. Михалковым в 1608 году на «меньшом» Май-наволоке не было ни одного промышленника. По этой причине московскому писцу было «распрошаты некого» о том, кто выступал собственником жилых и хозяйственных строений на становище в прежние годы [9; 428].

Вкладом в монастырь передал половину своих промысловых построек и кандалакшский кре-

стьянин Андрей Павлов сын Чумак. Первоначально, в июне 1610 года, он в качестве вклада дал судно с рыболовной снастью, а спустя год, в 1611 году, уступил монастырю и «пол-избы в Лок-наволоки» [1; 84 об.]. По данным писцовой книги, Андрей Чумак еще числился среди промышленников Лок-наволока, на котором он владел избой и скийей совместно с другим крестьянином Кандалакши Бахты Микулиным сыном Тупиковым [9; 427]. Очевидно, что вклад поступил в монастырь уже после того, как было завершено описание Кольского острога и промысловых становищ Мурманского берега в 1608 году.

Одно из наиболее поздних приобретений, зафиксированных вкладной книгой на Мурманском берегу, на становище Лок-наволоок, было сделано в 1635 году. На этот раз в качестве вкладчика выступил один из старцев самой Пречистенской обители монах Иона Широкий, передавший родному монастырю незначительную (в сравнении с предшествующими вкладами) часть своих прав на распоряжение промысловыми постройками. Вкладная запись определяет их как «в-ызбе шестая доля» [1; 148 об.–149].

Возможно, в период после составления писцового описания Алая Михалкова Кандалакшский монастырь приобрел полностью либо частично становище Куванцы, также находившееся в районе полуострова Рыбачий. О кратком периоде распоряжения названным становищем Кандалакшским монастырем сообщает указная грамота царя Михаила Федоровича (от 8 августа 1629 года), предписывающая кандалакшским старцам вывезти со становища «избы» и воспрещающая производить на нем лов рыбы. До настоящего времени этот документ, по всей видимости, не сохранился. О грамоте сообщает одна из поздних описей имущества и документации Троицкого Печенгского монастыря, составленная в 1757 году [16; 698]. В конце XIX века с этим документом был знаком церковный историк о. Никодим (Кононов), оставивший его краткое описание в одной из глав своей работы, посвященной истории Трифонова Печенгского монастыря, где содержался перечень документов монастырского архива [18; 18–23]. Монастырский архив был восстановлен в конце XIX века благодаря активной просветительской деятельности настоятеля Печенгского монастыря (возрожденного в 1886 году) игумена Ионафана.

В кратком описании царской грамоты, составленной о. Никодимом (Кононовым), содержится одна немаловажная деталь, не отразившаяся в описи монастырского имущества 1757 года, – дело по спорному вопросу между Кандалакшским и Печенгским монастырями рассматривалось кольским воеводой Григорием Зловидовым [18; 21].

О каком именно становище Куванцы идет речь, со всей определенностью сказать трудно. Дело в том, что, согласно писцовой книге 1608–1611 годов, на западном берегу Мурман было

три становища с одноименным названием – Лопские Куванцы, Средние Куванцы и Третьи Куванцы [9; 426]. Несмотря на это, мы полагаем, что писцовое описание Мурмана и несохранившаяся грамота 1629 года содержат определенные географические ориентиры, которые могут позволить локализовать становище. Так, согласно писцовой книге, на становище Лопские Куванцы промышляли «печенские крещенные лопари» [9; 426]. В царской грамоте 1629 года указывалось на то, что кандалакшские монахи должны были вывезти свое имущество, в том числе из Мотовской губы [16; 628]. Таким образом, спорным для двух «местных» монастырей Кольского уезда стало именно становище Лопские Куванцы.

Как бы то ни было, в период между 1657/58 – 1659/60 годами уже упомянутый ранее кольский стрелец Назар Антонов сын помимо 1/3 становища Лавышево передал монастырю и какую-то часть становища Куванцы [1; 207]. Правда, на этот раз уже невозможно точно сказать, о каком именно становище идет речь. Одно, как кажется, не должно вызывать сомнений: этим становищем не могли быть Лопские Куванцы, чьим собственником выступал Печенгский монастырь.

Помимо становищ на западном берегу Мурмана, у Кандалакшского монастыря были немногочисленные хозяйственные постройки на восточном побережье Баренцева моря. В писцовой книге Алая Михалкова нет никаких упоминаний об этих становищах. Единственным источником, из которого известно об их существовании, остается вкладная книга монастыря. Так, в 1598/99 году в качестве вклада в монастырь сумлянин Иван Емельянов сын передал избу в становище Опасово [1; 52]. По данным писцовой книги 1608–1611 годов, здесь находилось 5 хозяйственных построек (изб и ский), одна из которых принадлежала Печенгскому монастырю [9; 429].

В апреле 1601 года избу в становище Карпово вкладом монастырю передал корелянин Г. М. Пукалов [1; 61 об.]. Напомним, что от этого же вкладчика пречистенские старцы получили и долю хозяйственных построек в становище Майнаволоок. Становище Карпово относится к одному из наиболее мелких становищ Мурманского берега. Писцовая книга Алая Михалкова фиксирует здесь только одну хозяйственную постройку, принадлежавшую двинянину Васьеке Аврамову [1; 430].

Таким образом, верхняя хронологическая планка, отмечающая начало приобретения монастырем хозяйственных построек на становищах Мурмана, относится к осени 1590 года, а нижняя приходится на период между 1657/58 – 1659/60 годами. Если исходить из предположения, что ранее 1590 года монастырь на Мурманском побережье не располагал собственными хозяйственными постройками (источников, подтверждающих обратное, в нашем распоряжении нет), то начало участия Пречистенской обители в освоении рыбного промысла Мурмана относится

уже к тому времени, когда последний активно действовал и развивался.

Хозяйственная деятельность монастыря на Мурманском берегу во многом обеспечивалась монастырской службой в Кольском остроге. Не останавливаясь специально на этом вопросе, отметим, что первые признаки регулярного присутствия кандалакшских монахов в Коле могут быть отнесены к рубежу 70–80-х годов XVI века⁴.

Напомним, что к моменту окончания писцового описания западного побережья Мурмана монастырь в качестве совладельца располагал правами на промысловые постройки в трех становищах – Лок-наволоке, Лавышеве и Кегоре. Полученные Пречистенской обителью в качестве вкладов права на распоряжение промысловыми постройками в других становищах (Гридино, Лазарево, Май-наволоок) еще до 1608 года оказались утраченными. Причин, толкнувших монастырь к продаже этих хозяйственных строений другим промышленникам (возможно, кандалакшанам), мы не знаем. Не знаем, к сожалению, мы и того, какие из промысловых строений на Мурманском берегу сохранились за монастырем на протяжении всего XVII века, а какие были приобретены вновь или же проданы на сторону. Отсутствие специальных описаний Мурманского берега за вторую четверть и вторую половину XVII века (переписные книги Кольского уезда не фиксировали промысловые становища по той причине, что они не являлись местами постоянного проживания) препятствует исследованию проблемы развития монастырских рыбных промыслов на Мурманском берегу в период после Смуты.

Тем не менее ряд поздних источников, на анализе которых мы остановимся далее, указывает на то, что в начале, а также во второй четверти XVIII века на становищах Лок-наволоок и Лавышево монастырь по-прежнему продолжал вести хозяйственную деятельность.

Серьезным испытанием для мурманских становищ монастыря стала эпоха петровских преобразований. Известно, что в 1704 году морские промыслы двух местных монастырей Кольского уезда передаются на откуп промышленникам. Особую роль в деле прекращения хозяйственной деятельности кольских монастырей на Мурмане сыграл архиерейский сын боярский М. И. Окулов, обративший внимание власти на неэффективность ведения промыслов местными духовными организациями и желательность их передачи в казну. Царская грамота от 12 марта 1704 года так объясняла потребность передачи промыслов Кандалакшского монастыря откупщикам: «...братства-де в том монастыре всего десять человек престарелых; а теми-де их промыслами опромышляют при том монастыре стоящие волостные крестьяне и всякую корысть получают себе, а в нашу-де великого государя казну с тех промыслов ничего не платят...» [12; 125–126]⁵. Распоряжение Петра I имело для мо-

настырского хозяйства губительные последствия: более чем на десятилетие кандалакшские монахи остались без части угодий как в Кандалакшской волости, так и на Мурманском берегу. Только в 1720 году распоряжением Коммерц-коллегии монастырь получил право вернуть свои угодья обратно (см. ниже).

Мурманские станы, промысловое имущество Кандалакшского монастыря в 1704 году были описаны и изъяты в казну. Составлением этой описи занимался упомянутый ранее архиерейский сын боярский Михаил Окулов. Данная опись («ропись») сохранилась в материалах дела по челобитной игумена Павла Колянина, рассматривавшегося в Коммерц-коллегии в апреле 1720 года [10]⁶. «Роспись» включает в себя сведения о предметах промысла, а также о хозяйственных и жилых строениях, необходимых для ведения промысла стоявших в Кольском остроге и в становищах Мурманского берега [10; 5–8 об.].

Особенность хозяйственной деятельности Кандалакшского монастыря на Мурмане, как можно судить об этом по «рописи», заключалась в том, что в качестве основной базы хранения промысловых «запасов» и содержания рыболовных судов использовались не сами станы на Мурмане, как это было в случае с другими участниками промысла из числа духовных феодалов, а монастырское подворье в Коле. Так, по «рописи», здесь монастырь держал семь промышленных судов «со всею деревянною снастью: с веслами со стырями, и со пундами и с тягами железными» [10; 5]. В качестве основного места хранения промысловых снастей использовались два амбара «о дву житях»⁷. Помимо этого, одна из хозяйственных построек – «большой сарай» – сдавался монастырем в аренду «государевым промышленникам» для засола рыбы. Как следует из показаний приказчика Кольской службы монастыря старца Питирима, амбар сдавался в аренду («кортому») к моменту составления «рописи» уже 15 лет. Сумма «кортомы» составляла 3 руб. в год. Деньги так и не были выплачены монастырю, а общая сумма задолженности составила к 1704 году 45 руб. [10; 8 об.].

На Мурманском берегу монастырю в это время принадлежали два становища – Лавышево и Лок-наволоок. Первое становище включало в себя два стана «с сеньми, и с поварнями, и сальными погребями, и с сараями, и с тесовыми клетками». Здесь же были поставлены елуи и палкухи, предназначенные для просушки рыбы [10; 8].

Второе становище – Лок-наволоок – было оборудовано значительно лучше. Так, помимо двух жилых станов, здесь стояли два «анбара больших» с хранящейся в них «деревянною сальною и рыбною посудой» [10; 8 об.]. В становище стояла и келья «теплая» с сеньями. Последнее указывает на то, что именно становище Лок-наволоок использовалось в качестве основного местопребывания приказными старцами, ведавшими организацией промысла на Мурмане.

Общая стоимость промыслового имущества, включая строения в Коле и на Мурманском берегу, в 1704 году при составлении «рописи» была оценена в 925 руб. 19 алт. 5 ден. [10; 8 об.].

Деньги за изъятое имущество, согласно игумену Павлу, монастырю так и не были выплачены. Понесенные убытки игумен хотел возместить за счет восстановления выплаты руги монастырю, которую обитель перестала получать из таможенных и кабацких доходов Кольского острога с 1689 года [10; 3 об.–4]. И это даже несмотря на то, что именно тогда монастырю была выдана ружная жалованная грамота от 20 января 1585 года, подтверждавшая более раннюю грамоту, дарованную еще Федором Ивановичем.

Изменения, произошедшие в промысловом хозяйстве монастыря на Мурмане после изъятия у монастыря предметов промысла и хозяйственных строений на побережье Баренцева моря, не заставили себя долго ждать. Монастырь по-прежнему сохранил за собой двор в Коле, но организовывать полноценные выезды на прибрежный промысел уже не мог. Экономических возможностей Пречистенского монастыря в начале 1720-х годов хватало только на то, чтобы отправлять на Мурманский промысел один карбас. Вырученные от продажи рыбы (трески и палтуса) деньги, по словам кандалакшского игумена Павла Колянина, шли на покупку «хлебных запасов» в Архангельске [7; 1 об.].

Упадок хозяйства на Мурмане в немалой степени был связан и с нерадивостью монастырского руководства. Приход к власти игумена Павла Колянина способствовал частичному возобновлению активной промысловой деятельности Кандалакшского монастыря на Мурманском берегу.

Нами уже отмечалось, что источники более позднего времени содержат достаточно мало данных о мурманском промысле монастыря [19; 140–141]. Но не так давно удалось выявить новые свидетельства присутствия Кандалакшского монастыря на мурманском берегу в первой трети XVIII века.

Так, нами были обнаружены два списка описи монастырского имущества, составленной в 1710 году игуменом Павлом Коляниным [2], [5]. Второй, видимо, более поздний список содержит продолжение к основному тексту, куда включены сведения о приобретенных игуменом Павлом предметах церковного и хозяйственного имущества. Так, в январе 1713 года в Кольском остроге для морского промысла была приобретена шнякa стоимостью 5 руб. [2; 20 об.]. В 1714 и в 1715 годах были куплены в Коле еще две шняки «для Мурманского промысла» [2; 20–21 об.].

Некоторые черты повседневной жизни на становищах Мурмана промышленников Кандалакшского монастыря проступают и в двух челобитных, составленных наместником иеромонахом Пахомием и поданных на рассмотрение Холмогорскому архиепископу Варнаве в 1728 году и Герману в 1732 году [3].

Итак, согласно первому документу, в промысловый сезон 1728 года монастырь понес серьезные материальные потери со стороны как приезжих промышленников, так и собственных наемных работников. Тогда, по словам наместника, крестьяне Соловецкого монастыря (выходцы из Сумского посада), возглавлял которых Павел Черемной, разбили «анбарные кровли и двери повозили с собою, а иное прижгли нагло» [3; 1]. Это произошло на становище Лавышево (в источнике – Лаушево), где монастырь держал хозяйственные и жилые постройки. Свидетелями этих бесчинств, по признанию иеромонаха Пахомия, выступали крестьяне Кандалакшской волости, промышленявшие на монастырь там же⁸.

В тот же сезон монастырь столкнулся с новой неприятностью. Нанятые обителью на монастырскую ладью промышленники из числа крестьян Кандалакши⁹, получив «наемные деньги» за промысел и необходимые съестные припасы, по словам наместника, судно «на Мурманское не провадили», в то время как сами «неведомо где ходили, хлеб и припасы все издержали» [3; 1 об.]. Этими же промышленниками была наполовину растрчена и отпущенная для промысла соль. Учиненный промышленниками срыв промыслового сезона поставил монастырь на грань финансового кризиса, поскольку в тот год, по словам иеромонаха Пахомия, обитель должна была вернуть архангелогородцу Гавриле Попову взятые в займы в 1727 году деньги на покупку хлеба [3; 1 об.].

24 сентября 1728 года в Архангельске был допрошен соловецкий крестьянин Павел Черемной, обвиняемый кандалакшским наместником Пахომием. В своих показаниях крестьянин свидетельствовал о том, что весной 1728 года промыслял рыбу на сойме кандалакшского крестьянина Якова Падурникова в районе становища Опасово, а летом – на судне сумлянина Василия Махилева в районе становища Лавышево [3; 2–2 об.]¹⁰. На последнем становище, как показывал обвиняемый, он жил в избе кандалакшского крестьянина Левина (его имя Павел Черемной не помнил). Рядом с избой, по свидетельству П. Черемного, стоял стан Кандалакшского монастыря, но сам обвиняемый «монастырского стана не розсекал, и анбарных кровлей и дверей не возил, и не имал, и ничего не жег» [3; 2 об.]. Крестьянин ссылался на свидетельства кандалакшских крестьян, работавших в тот сезон на монастырском промысле [3; 2 об.].

Позже показания дал еще один участник промысла, ставший очевидцем тех событий. Этим свидетелем выступил кандалакшский крестьянин Иван Ржаников, упоминавшийся в прошении наместника Пахомия. И. Ржаников так описывал происходящее на монастырском становище: промышленник Сергей («а чей сын и прозвания не знает») снял доски с кровли, унес дверь с амбара и «разбил» поварню. Украденное

имущество было использовано для нужд амбара промышленника Алексея Голодного [3; 3].

Спустя 3 года после этих событий случилось еще одно происшествие, также нанесшее ущерб монастырскому промыслу на Мурмане. В своей новой челобитной уже знакомый нам наместник Пахомий жаловался архиерею на иеромонаха Печенгского монастыря Иосифа, который летом 1731 года в Кольском остроге взял на время «промышленное судно» (ладью) Кандалакшского монастыря и отправился на нем в Архангельск [4; 1]. Здесь, в губернской столице, ушлый иеромонах продал чужое судно, а деньги присвоил себе. Лишившись ладьи, по словам челобитчика, «рыбной промысел остановился, и в монастыре чинится великое оскудение» [4; 1–1 об.]. Челобитная содержала и другие обвинения, связанные с незаконным присвоением и удержанием церковных предметов Кандалакшского монастыря печенгским иеромонахом¹¹.

Таким образом, несмотря на изъятие предметов промысла и конфискацию станов, с начала 1720-х годов Кандалакшский монастырь вновь смог восстановить ведение промысла на Мурмане. Не исключено, что в качестве промысловой базы использовалось не только становище Лавышево, упомянутое в челобитной наместника Пахомия, но и Лок-наволоок, известный в качестве монастырского стана по «росписи» 1704 года.

Подводя итог, отметим, что даже не имея в своем распоряжении комплекса хозяйственной документации мурманского промысла Кандалакшского монастыря и используя для его характеристики разрозненные и отрывочные данные разнородных источников, можно сделать некоторые выводы. В начале XVII века монастырь выступал одним из самых крупных владельцев станов (полностью и частично) на Мурманском берегу. И это даже несмотря на то, что станы восточного побережья Мурмана к началу составления писцовой книги Алая Михалкова уже были утрачены монастырем.

Ко времени изъятия у монастыря станов и промыслового имущества в 1704 году монастырь располагал двумя станами на полуострове Рыбачьем. В сравнении с другими духовными корпорациями Поморья, также действовавшими на Мурманском берегу, хозяйственный потенциал местного монастыря ничуть не уступал пришлым обителям, поскольку «пришлые» монастыри располагали на побережье 1–2 станами, чье устройство мало чем отличалось от устройства станов Кандалакшского монастыря.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (тематический план № 1.3.10) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-43101а/С).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В процентном соотношении кандалакшанам, по подсчетам И. Ф. Ушакова, принадлежало 15 % мест на становищах Мурмана [24; 68, прим. 1].
- ² Ския (скея) – амбар для хранения трески и другой рыбы [20; 157].
- ³ Елуи – приспособления для сушки на открытом воздухе соленой рыбы и рыболовных снастей, состоящие из столбов с поперечными жердями; палкуха (палтуха) – жердь, на которой сушат рыбу и рыболовные снасти [17; 43, 107].
- ⁴ Именно для этого времени вкладная книга монастыря фиксирует вклады, которые можно связать с промысловой деятельностью кандалакшских старцев на Мурманском берегу. Так, в 1583/84 году один из вкладчиков – Семен Ус передал монастырю «судно удобное на Мурманском (море. – С. Н.) да и с парус[ом] и со всею снастью» [1; 11 об.]. Тогда же некий Миня «сам промышлял весну на Мурманском». Последнее подразумевало участие вкладчика в работах на монастырь [1; 11].
- ⁵ Представленные в царской грамоте сведения о монашеской братии Пречистенской обители не во всем точны. Так, согласно описи монастырского имущества, составленной в декабре 1705 года кандалакшским строителем Пахомием, в монастыре жили 8 монахов [6; 17].
- ⁶ Краткие сведения об этом деле без упоминания о «росписи» промыслового имущества опубликованы в «Описании документов и дел архива святейшего Синода» [8; стлб. 56].
- ⁷ Житя (житница) – помещение, предназначенное для хранения чего-либо [21; 205].
- ⁸ Среди названных наместником кандалакшских крестьян были следующие: Алексей Чамовых, Савва Денисов, Петр Полежаев и Иван Ржаников [3; 1].
- ⁹ Наместник называет следующих крестьян Кандалакши, участвовавших в промысле на Мурмане: Иван Лукоянов (кормщик), Федор Шишмолин, Филипп Кялмин «с товарищи» [3; 1 об.]. В лице «товарищей», которых наместник монастыря не называет поименно, как следует думать, выступали те крестьяне (см. предыдущее примечание), которые видели разорение становища и упомянуты как в прошении иеромонаха Пахомия, так и в показаниях жителя Сумского посада Павла Черемного. Таким образом, промышленная артель Кандалакшского монастыря в 1728 году включала в себя 7 человек.
- ¹⁰ Любопытно, что в показаниях Павла Черемного название становища Лаушево звучит несколько искаженно и, видимо, передает распространенное произношение этого топонима в среде промышленников берега Поморья, откуда и происходил сам обвиняемый. Становище промышленник называет то Лабажево, то Лабажова, поясняя при этом, что «в челобитье (наместника Пахомия. – С. Н.)... написано Лаушево, и про то он становище не знает, толко он и протчие промышленники называют Лабажево» [3; 2 об.].
- ¹¹ Так, согласно наместнику Пахомию, иеромонах Иосиф, будучи еще в сане дьякона, взял в Кандалакшском монастыре церковные сосуды («жалованные императорского величества») и стихарь. Изъятие церковных вещей производилось со ссылкой на некий «приказ» архиерейской казны, который не был предъявлен в письменном виде, и с целью восполнить утраты Печенгского монастыря в церковном имуществе, понесенные в результате пожара. Впоследствии церковные сосуды были заложены «купецкому человеку» из Каргополя Поликарпу Негодяеву, у которого их пришлось выкупать кандалакшскому наместнику. Судьба же стихаря и «промышленного судна» для иеромонаха Пахомия так и осталась неизвестной [4; 1–1 об.].

ИСТОЧНИКИ

1. Вкладная книга Кандалакшского Пречистенского монастыря // Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 900.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 31. Оп. 3. Д. 228.
3. ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1765.
4. ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1979.
5. ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 2168.
6. ГААО. Ф. 1025. Оп. 3. Д. 27.
7. ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 442.
8. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. I. № 82/21.
9. Писцовая книга 1608–1611 гг.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 1. Д. 81.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 201.
12. Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI–XVII вв. (СМИКП). Л., 1930. № 74.
13. СМПКП. Л., 1930. № 76.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

14. Барбашева З. И. Некоторые итоги изучения природы резистентности организма и механизмов ее изменения // Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939. Т. I. 144 с.
15. Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (К истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М.: Научный мир, 2006. 144 с.
16. К истории Трифоно-Печенгского монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. 30 декабря. № 24.
17. Меркурьев И. С. Живая речь Кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 124 с.
18. Никодим (Кононов), иером. Преподобный Трифон, просветитель лопарей, Печенгский чудотворец, и церковно-историческое значение основанной им обители. СПб., 1898.
19. Никонов С. А. Хозяйственное устройство и промысловая деятельность Кандалакшского монастыря в XVI – первой четверти XVIII вв. // Ученые записки Мурманского государственного педагогического университета. Сер. «История». 2009. Вып. 9.
20. Подвысоцкий А. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1885. 197 с.
21. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 320 с.
22. Старков В. Ф., Державин В. Л., Захаров В. Г. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. III. Жилищно-хозяйственные комплексы. М.: Научный мир, 2007. 152 с.
23. Ушаков И. Ф. История Кольского Севера с древнейших времен до 1917 года: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1978.
24. Ушаков И. Ф. Кольская земля // Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Мурманск, 1998. Т. 1.
25. Ушаков И. Ф., Дашинский С. Н. Кола. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. 192 с.

УДК 94(47) «1917/1991»

ЛЕОНИД ЕВГЕНЬЕВИЧ ТЕРЕЩЕНКОВ

аспирант кафедры отечественной истории исторического
факультета, Петрозаводский государственный университет
tereshenkov@list.ru

РАБОТА КАРЕЛЬСКОГО ИСПАРТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КАРЕЛО-МУРМАНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматривается работа Карельской историко-партийной комиссии (Испарта) при Областном комитете ВКП(б) в 1932–1937 годах с точки зрения ее значения как первого этапа изучения революции 1917 года и Гражданской войны в Карело-Мурманском регионе.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Гражданская война, Испарт, Карелия

Принципы практического применения прошлого были предметом рефлексии работников Испарта на всем протяжении его существования с 1920 по 1937 год. Но особенно плодотворным в этом отношении был начальный этап работы (1920–1924), который можно по некоторым позициям продлить до первого революционного юбилея 1927 года. В этот период намечается несколько точек зрения на предмет «применения прошлого»: взгляды М. С. Ольминского и Н. Н. Батурина о необходимости работать с живыми творцами революции [13], мнение М. Н. Покровского о необходимости написания классово ангажированной истории революции [12], представление В. И. Невского об истории русского освободительного движения как истории складывания пролетарских масс и обретения ими классового сознания [19]. Важна также точка зрения Н. А. Рожкова о необходимости контекстуализации освободительного движения через изучение истории России XIX века вообще [19]. Практическую плоскость взглядам М. С. Ольминского и Н. Н. Батурина пытался придать Л. Д. Троцкий в «Уроках Октября», продвигая идею Испарта как военной академии, изучающей революцию [21].

Историко-партийная работа в Карелии имела свои внутренние закономерности, которые предопределили хронологические вехи ее развития. Она начинается, когда по постановлению Карельского областного комитета РКП(б) формируется первый состав Каристпарта и принимается решение начать подготовку сборника по истории революционного движения в Карельской трудовой коммуне (КТК). Для этой цели в июне 1923 года на заседании президиума обкома было утверждено бюро из старых партийных работников. В его состав вошли активные участники рабочего движения и борьбы за установление советской власти в бывшей Олонецкой губернии: В. М. Парфенов, И. А. Данилов, И. Ярвисало, В. В. Пономарев, Н. Т. Григорьев, кандидатами являлись И. Г. Власов и Л. Г. Гершанович [1; 91 об.].

Работа по подготовке сборника требовала серьезной поддержки со стороны участников

революционного движения и Гражданской войны на местах. Для этого Каристпарту было необходимо дать подробную информацию об основных целях и направлениях своей работы, прежде всего используя возможности периодической печати. В четвертом номере «Красной Карелии» за 1923 год была опубликована статья Л. Г. Гершановича «О задачах Испарта», в которой отмечалось, что «не все товарищи на местах знают, что такое Испарт. Между тем Испарт, т. е. отдел Областного комитета РКП(б), занимающийся собиранием и обработкой материалов по истории нашей партии, Гражданской войны и Советского строительства, производит работу большого воспитательного и практического значения» [2; 23].

Начавшаяся в Карелии историко-партийная работа имела свои уникальные особенности. Она теснейшим образом оказалась связана с разрешением национального вопроса в республике и задачами экспорта революции в Северную Европу. В ходе революционных событий 1917–1922 годов были заложены несколько конструирующих географических проектов для региона между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем.

Финское национальное движение XIX века сформировало представление об ирредентной территории финского народа – Восточной Карелии. Финское национальное движение, запертое в границах Великого княжества Финляндского административной и таможенной границей, не могло проводить сколько-нибудь заметную экспансию на территорию своей ирредентии. Ситуация меняется на рубеже XIX–XX веков, когда в ряде уездов Архангельской губернии начинает складываться национальная карельская торговая буржуазия. Именно она становится первым проводником ирредентистских идей в карельской среде. Свою лепту в укрепление географических позиций финского ирредентизма внесли и «красные финны», участники гражданской войны зимы – весны 1918 года в Финляндии. После поражения в гражданской войне именно они

встали у истоков национального самоопределения карел при создании КТК в 1920 году.

Кроме того, важным фактором переориентации транспортных потоков стало строительство в годы Первой мировой войны Мурманской железной дороги. Новая транспортная артерия серьезно изменила характер коммуникации и направление потока людских миграций в регионе. Петроград как важнейший политический центр стал ближе, а Архангельск начал утрачивать свое доминирующее положение, так как водный транспорт быстро стал вторичным по отношению к железнодорожному. Наличие Мурманской железной дороги во многом предопределило географию интервенции на Севере России в направлении с севера на юг: из Мурманска через Петрозаводск к Петрограду.

В этой обстановке сосуществования нескольких географических проектов и делается первая попытка развернуть историко-партийную работу в Карелии. Однако инициативы 1923–1924 годов остались невостребованными. Одной из немногих мемуарных публикаций начального периода историко-партийной работы в Карело-Мурманском регионе, которая вобрала в себя мысли поколения вершителей революции и победителей Гражданской войны о необходимости коммеморации и запечатления роли отдельных бойцов, явились воспоминания А. Белобородова «Товарищ Спиридонов» [11] о комиссаре отряда рабочих-путиловцев и воинов-интернационалистов, опубликованные в журнале «Карело-Мурманский край».

Возникает вопрос: почему период становления Истпарткомиссии в Карелии проходил с таким трудом, почему образ революции и Гражданской войны так медленно формировался, а организация истпартактива, на который можно было бы опираться в повседневной деятельности, оказалась крайне сложным делом? Повидимому, одной из веских причин этого стало нарастающее политическое влияние «красных финнов» и актуализация Финляндской революции в Карельской автономии в ущерб революции Октябрьской [19].

О подобном политическом повороте мы можем судить прежде всего благодаря такому корпусу источников, как материалы «Конференции красногвардейцев, красных партизан и подпольщиков», состоявшейся в 1930 году к десятилетию создания КТК. Ее материалы были изданы в 1932 году отдельным сборником к другой знаменательной дате в истории Карельской автономии – десятилетию отражения так называемой «Карельской авантюры», организованной финляндскими правыми кругами в 1921–1922 годах [11].

В 20-е годы XX века на волне активного панфинского нацистроительства на территории Карелии, безусловно, доминировала «финско-карельская» точка зрения [12], [7]. Деятельность Каристпарта ответственные работники карельской автономии старались проводить параллельно

но с деятельностью комиссии по истории Финляндской революции. Провести в жизнь данную установку должен был прежде всего И. А. Ярвисало – первый секретарь объединенного Карельского обкома, назначенный также председателем Каристпарта.

Финское влияние отчетливо ощущалось и в историко-революционной секции созданного в 1930 году Карельского научно-исследовательского комплексного института (КНИИ). Вышедший в 1932 году в Ленинграде на русском и финском языках сборник «В боях за Советскую Карелию» [12] представлял собой, по сути, итог первого этапа изучения истории революции и Гражданской войны на территории Карелии.

Структурно сборник подразделяется на три части: редакционную, материалы конференции красных партизан и участников Гражданской войны, а также отдельные воспоминания, собранные членами редакционной коллегии на финском языке. Редакционная часть, в свою очередь, включает три раздела: редакционное вступление, предисловие Г. Ровио [20] и пространную статью Тойво Антикайнена, посвященную событиям 1918–1922 годов в Карелии и отчасти в Финляндии [7].

Особое внимание в названных работах, как и в сборнике вообще, уделяется финскому фактору в ходе Гражданской войны в Карелии. Подробно рассматривается позиция маршала Г. Маннергейма и шовинистически настроенных финляндских кругов по отношению к Советской России. Особо подчеркивается важная роль немногочисленных вооруженных формирований «красных финнов» на фронтах 1918–1920 годов. Поход лыжного отряда Петроградской интернациональной военной школы под командованием Т. Антикайнена рассматривается как главный фактор успеха в ходе зимней кампании 1921–1922 годов. Вместе с тем редакционная часть сборника являлась безусловным успехом в исследовании Гражданской войны на Севере России. В статье Т. Антикайнена впервые показаны все события периода революции и Гражданской войны на территории Карелии в виде подробного, хронологически выстроенного нарратива. Влияние периодизации истории Гражданской войны в Карелии, заложенной данной статьей, прослеживается во всех последующих работах карельских историков.

Два раздела сборника посвящены материалам конференции красных партизан и участников Гражданской войны, а также воспоминаниям о событиях в Беломорской Карелии в 1921–1922 годах.

Ранний этап изучения истории революции и Гражданской войны в Карелии имеет все характерные черты своего времени: преимущественное внимание к военным событиям Гражданской войны в ущерб описанию политического контекста того периода, вне поля зрения осталась история борьбы за Советы, особо выделялся финский фактор в карельских событиях. Однако на

последующую историографическую традицию он оказал ошутимое влияние. Наиболее востребованной оказалась периодизация истории Гражданской войны в Карелии [14], [8].

Таким образом, специфика историко-партийной работы в Карелии была во многом связана с тем, что регион превратился в территорию борьбы двух проектов «воображаемой географии». Территория современной Карелии виделась разным участникам революционного процесса либо как часть РСФСР, либо как Карельская автономия, либо как часть Великой красной Финляндии и плацдарм для осуществления такого замысла [9].

Окончательное организационное оформление и основной период деятельности Карельского Истпарта пришлось на 1932–1937 годы. В это время в центре истпарта работа стала постепенно сворачиваться, в Карелии же только начинали проводиться активные организационные мероприятия и оформляться основные направления деятельности. Подобное несовпадение имеет свое объяснение. К этому времени уходит на второй план идея реэкспорта революционной волны из Карелии в Финляндию. Перестает быть первостепенной задача последовательного интернационалистско-революционного решения национального вопроса. Революция (как Российская, так и Финляндская) окончательно, во всех своих формах, становится фактом истории. В общероссийском контексте датой, отделившей повседневность от истории, было десятилетие Октября в 1927 году. На местном уровне вряд ли можно выделить какое-либо значимое событие, которое в этот период являлось бы своеобразным водоразделом в практике историко-партийной работы, но к 1932 году революция впервые была осознана широкой партийной общественностью как факт истории.

Перед Карельским Истпартом тогда стояли взаимосвязанные задачи, которые дополняли и обуславливали друг друга. Было необходимо сформировать политически корректную историческую память о минувших событиях революции, Гражданской войны и иностранной интервенции.

Следовательно, в задачи Карельского Истпарта на своем уровне входила выработка такой модели истории местной партийной организации, которая демонстрировала бы абсолютную закономерность развития революционного движения в крае, показывала весь спектр объективных причин, приведших к революционным преобразованиям и установлению советской власти в Карелии, успешному развитию Автономной Советской Республики под руководством ВКП(б) [3; 33, 64].

Включение центральных Истпартов в состав системы Института Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) и последовавшая затем реорганизация местных Истпартов серьезно отразились на деятельности и составе карельской организации.

В повестку заседания бюро Карельского обкома ВКП(б) 15 мая 1932 года был включен вопрос о Каристпарте. После обсуждения было принято постановление, в котором подчеркивалось, что «в соответствии с директивами ЦК и Ленинградского ОК ВКП(б) о составлении истории Гражданской войны и истории заводов, особенно учитывая указания т. Сталина о поднятии изучения истории партии на должную высоту, Бюро ОК ВКП(б) признает необходимым создать при Карельском ОК ВКП(б) комиссию по изучению истории Карельской партийной организации, революционного движения, истории Гражданской войны и заводов (сокращенно – Истпарт) на правах отдела ОК ВКП(б)» [3; 6]. Это означало, что деятельность Карельского Истпарта вступала в новый этап, на котором предстояло не просто активизировать работу, но сделать ее частью социалистического строительства в республике.

Были предприняты серьезные изменения в кадровом составе работников Истпарта. Бала создана комиссия из 15 человек, ее председателем назначили Г. Ровио. В комиссию входили: И. П. Гришкин, О. Вильми, В. П. Латтунен, Л. М. Летонмяки, И. А. Данилов, А. В. Иванов, В. М. Парфенов, В. И. Машезерский, А. П. Ковалелис, Я. Виртанен, И. С. Петров, В. П. Фомин, З. Денисов, Н. Т. Григорьев [3; 4]. Для утверждения на секретариате обкома И. П. Гришкину поручалось подготовить смету и положение о Каристпарте.

Несмотря на то что Каристпарт официально возглавлял Г. Ровио, основная работа ложилась на плечи ученого секретаря комиссии В. И. Машезерского [13]. От него требовался не только профессионализм историка, но и навыки административной работы, умение общаться с людьми, вовлекать их в историко-партийную работу.

Для успешной реализации поставленных задач предусматривалось, что в своей работе Каристпарт должен опираться на районные Истпарткомиссии, на партийный архив, центральный архив Карельского научно-исследовательского института, краеведческий музей, ОК ВЛКСМ и другие организации. Таким образом, очерчивался круг непосредственных партнеров Каристпарта, которыми он руководил, осуществляя экспертизу выявленных, собранных и систематизированных документальных материалов и подготавливая их к публикации. Под непосредственным руководством Каристпарта находились все партийные архивы и соответствующий отдел Центрального архива АКССР. Истпарткомиссия устанавливала порядок хранения партийных архивов и пользования ими.

Для достижения намеченных целей Карельскому Истпарту предстояло осуществить на деле сложную многогранную работу по строительству низовых организаций Истпарта и формированию массового актива, без которого невозможно было осуществить приоритетные задачи. Преж-

де всего Каристпарт должен был создать, а затем опираться на развитую сеть районных Истпартов. Согласно «Положению об Истпарткомиссии при Карельском ОК ВКП(б)», утвержденному секретариатом ОК ВКП(б), каждый райком создавал соответствующий отдел аналогично тому, как это делалось на республиканском уровне.

Президиум Каристпарта стремился в кратчайшие сроки создать в районах республики Истпарткомиссии, подобрав в их состав «вполне проверенных и работоспособных товарищей» [4; 3]. На эту работу отводился всего один месяц: с середины апреля до середины мая 1933 года. За это время необходимо было подобрать людей, которые могли профессионально выполнять поручения, составить развернутый план работы и начать его осуществлять. После утверждения состава комиссий на Бюро РК сведения о ее персональном составе с обязательным указанием партстажа всех ее членов передавались в Каристпарт. К концу 1933 года в Карелии насчитывалось 17 Райистпарткомиссий [4; 32].

Подобная работа не могла быть проделана в сроки, определенные Карельским истпартом. Истпартработа носила характер партийного поручения, а следовательно, осуществлялась исключительно на безвозмездной основе в свободное от основной работы время. Загруженность же рядового партийно-советского работника низшего звена была весьма значительной. Нередко руководящие работники выполняли до пяти партийных поручений одновременно. Ответственный секретарь Каристпарта В. И. Машезерский, обращаясь в Отдел местных Истпартов ИМЭЛ, акцентировал внимание на том, что «все работники Райистпартов до настоящего времени ведут эту работу в порядке партнагрузки. Опыт, хотя и короткий, показал, что при таком положении работа крайне медленно развивается. По мнению Каристпарта, необходимо было бы в каждом районе иметь одного платного работника – секретаря Истпарта, который бы организовал в районе эту работу». В. И. Машезерский просил сообщить, «имеется ли возможность ИМЭЛ оказать финансовую помощь и какую в организации истпартработы в Карелии» [3; 34]. Однако, сославшись на трудности с бюджетированием, ИМЭЛ эту просьбу не поддержал, отметив, что любая историко-партийная работа является партийной нагрузкой [3; 33].

Значительной проблемой в работе райистпарткомиссий была текучка кадров. Выхавшие на учебу работники, являвшиеся членами Истпартктивов, после ее окончания нередко назначались в совсем другой регион Советского Союза, и в КАССР не возвращались. Это зачастую приводило к нарушению преемственности в работе членов Истпарткомиссий на местах и утрате накопленного опыта. Та работа по архивированию материалов, которая отчасти выполнялась в 1920-е годы, прерывалась иногда на продолжительный срок, а сами архивные собрания утрачивались [5; 16, 132].

Народный следователь Пудожского района и по совместительству председатель райистпарткомиссии, разясняя причины неудач в порученном ему деле, писал В. И. Машезерскому: «Работа нашей комиссии действительно отсутствовала. Это объясняется отчасти недооценкой этой работы низовыми ячейками и нашим активом, отчасти тем, что мы, два члена комиссии, я и Куделин, имели до сих пор большие нагрузки как по основной, так и партийно-общественной работе. Для меня... эта работа еще затрудняется и тем, что я не местный человек: в Пудожском районе я работаю с 1931 года только. Третий член хотя и активный, но почти неграмотный и больной. Причем как Куделин, так и Федоров имеют багаж исключительно по Гражданской войне. Ветеранов по советской, профсоюзной и другим областям в районе очень мало» [6; 8].

Не лучше обстояло дело и в Кемском Истпарте. Ответственный секретарь – военком, финский эмигрант О. В. Кумпу и еще один член коллегии – заведующий культпропом И. В. Левков – были людьми чрезвычайно занятыми по роду своих основных занятий. Председателем назначили члена партии с 1918 года В. Н. Степанова, но из-за слабого здоровья он находился на инвалидности. В результате по объективным причинам работа проводилась с нарушениями установленных сроков и часто срывалась [3; 17], [4; 8].

Такое состояние кадрового вопроса на местах, отсутствие мало-мальски квалифицированных архивариусов явились полной неожиданностью для партийного руководства. Бюро Каристпарта пыталось в духе времени решить все проблемы кавалерийским наскоком. В. И. Машезерскому как ответственному секретарю приходилось в многочисленных приказах и обращениях в райкомы на протяжении 1933–1935 годов требовать максимальной концентрации сил на историко-партийной работе. Он видел все трудности, с которыми сталкивались на местах, но осознавал, что необходимо наверстывать упущенное в 1920-е годы и фактически в считанные месяцы не только провести всю организационную работу, но и получить первые результаты сбора партийной документации и воспоминаний ветеранов революции. Понимая, что в деле создания сети районных Истпартов его личная инициатива и упорство как ответственного секретаря имеют серьезное значение и могут переломить ситуацию, В. И. Машезерский пытался максимально наладить связь с районными комиссиями и заставить их выполнять поручения. Это со всей очевидностью подтверждает стилистика распоряжений и писем, которые он неустанно рассылал по районам Карелии.

Однако развернуть успешную работу одними инструкциями и распоряжениями было невозможно, поэтому В. И. Машезерский создает сеть корреспондентов и вовлекает в работу по написанию воспоминаний даже тех участников революционных событий, которые в 1930-х годах

уже проживали и работали в Одессе, Чернигове, Ташкенте, Москве и Ленинграде. При личных встречах и в переписке с ними он обсуждает структуру текстов, дает советы, редактирует. Как показывают материалы, у него складываются товарищеские, доверительные отношения со всеми своими корреспондентами. Он смог объединить единой целью многих активных участников революции и Гражданской войны на Севере.

В силу превратностей исторического процесса прямое политическое использование революционного опыта, кодифицированного в системе Истпарта, не оказалось востребовано. Однако работа историко-партийных комиссий заложила основы для дальнейшего развития историографии советского периода в соответствии с духом дисциплинарных представлений исторической науки.

ИСТОЧНИКИ

1. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 216.
2. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 209.
3. НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 1.
4. НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 2.
5. НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 40.
6. НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Антикайнен Т. О гражданской войне в Карелии // В боях за советскую Карелию. Л.: ОГИЗ, 1932. С. 7–31.
8. Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 41–49.
9. Балагуров Я. А. Борьба за советы в Карельском Поморье. Петрозаводск: Карелия, 1973. 160 с.
10. Барон Н. Региональное конструирование Карельской автономии // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 279–309.
11. Белобородов А. Товарищ Спиридонов // Карело-мурманский край. 1925. № 6. С. 5–6.
12. В боях за советскую Карелию. Л.: ОГИЗ, 1932. 224 с.
13. Вокруг истпартовской работы // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 282–310.
14. Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911–1914 гг.). Вып. 1. М., 1921. 192 с.
15. Кангаспуо М. Финские коммунисты и мечты о великой красной Финляндии 1918–1924 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.historica.ru/index.php?showtopic=6836&st=0>.
16. Каупала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 309–338.
17. Кораблев Н. А. В. И. Машезерский – историк карельского края // Краевед. Петрозаводск, 2007. С. 120–125.
18. Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917–1918). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957. 207 с.
19. Протоколы Всероссийского совещания работников Истпарта // Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 3–40.
20. Ровио Г. От редакции // В боях за советскую Карелию. Л.: ОГИЗ, 1932. С. 2–5.
21. Троцкий Л. Д. Уроки Октября: с приложением критических материалов 1924 года. СПб.: Лениздат, 1991. 366 с.
22. Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Карелия, 1973. 338 с.

УДК 008.001.

ЕКАТЕРИНА ГУРЬЕВНА ОКУНЕВА

кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки и композиции, Петрозаводская государственная консерватория им. А. К. Глазунова
okunevaeg@yandex.ru

«ТРЕТЬЯ ЭРА» МУЗЫКИ В ФИНЛЯНДИИ: АВАНГАРД И ЭЛЕКТРОАКУСТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА

В статье рассматривается история становления электроакустической музыки в Финляндии. Рассказывается о первых электронных композициях и их создателях, о конструировании новых инструментов, появлении первых студий электронной музыки. В статье также прослеживается постепенное изменение общественных взглядов на электронную музыку в Финляндии. Ключевая роль в формировании электроакустической музыки отводится финскому авангарду.

Ключевые слова: авангард, электроакустическая музыка, компьютерная музыка, финская музыка, электроакустические музыкальные инструменты

Электроакустическая музыка¹ – одна из наиболее радикальных новаций музыкального искусства XX века. Ее появление на рубеже 1940–50-х годов было связано с освоением все время расширяющихся границ звукового пространства, с поисками новых типов звучаний. Характерно высказывание одного из лидеров музыкального авангарда второй половины XX века Карлхайнца Штокхаузена: «Возможности электронной музыки заключены в звучаниях и в связях звучаний, единственных в своем роде и свободных от ассоциаций: она заставляет нас поверить, что мы никогда прежде ничего подобного не слышали» [1; 39]. Новизна была столь ошеломляющей, что Х. Штукеншмидт провозгласил наступление новой, третьей эры музыки² (см. [8]).

Электронная музыка возникла в период так называемого второго авангарда, поэтому во многих странах эти явления воспринимались как рядоположные. Так, финский музыковед Микко Хейниё (Mikko Heiniö) отмечал, что в Финляндии электронная музыка считалась «побочным продуктом сериализма» [3; 180], а Эрkki Салменхаара (Erkki Salmenhaara) подчеркивал, что она использует схожие с сериализмом методы [7; 20].

Интерес к электроакустической музыке в Финляндии возник во второй половине 1950-х годов³. Собственных лабораторий в стране тогда еще не было, и многие композиторы уезжали учиться за рубеж. Например, Хенрик Отто Доннер (Henrik Otto Donner, р. 1939) изучал электронную музыку в студии «Siemens» в Мюнхене и в Билтховене (Голландия), где, кстати, и создал первое финское сочинение для магнитофонной ленты⁴ «Esther» (1963). В конце 1950-х годов Эрик Бергман (Erik Bergman, р. 1911) посещал Миланскую студию. В 1955 году Мартти Вуореньюри (Martti Vuorenjuri, р. 1932) побывал в Кёльнской студии электронной музыки (Kölner Funkhaus Studio für elektronische Musik), где подружился с Карлхайнцем Штокхаузенем⁵. После

этой поездки он загорелся мыслью создать в Финляндии похожую исследовательскую лабораторию, однако его идеи не нашли понимания.

Поначалу музыканты создавали электроакустические композиции на студии «Yleisradio»⁶, которая тогда еще не имела отдельной электронной студии, но располагала рядом технических приборов и устройств, необходимых для радиопостановок. В частности, это были генераторы синусоидных звуков и шумов, резонирующие устройства, фильтрующие и смесительные приборы, устройства типа темпофона, при помощи которых можно было изменять ускорение ленты и высоту звука.

Первая финская электронная студия появилась на базе Хельсинкского университета. В ее создании немалую роль сыграл Эрkki Куренниemi (Erkki Kurenniemi, р. 1941). Будучи физиком по образованию, Куренниemi еще в молодые годы увлекся идеями музыкальной электроакустики. Интерес был так велик, что заставил его перейти в область музыки, и из ассистента кафедры ядерной физики он стал «добровольным ассистентом» [4; 562] кафедры музыковедения Хельсинкского университета. Куренниemi очень рано стал мечтать о создании настоящей электронной студии, и в начале 1960-х годов ему представилась возможность построить лабораторию в Хельсинкском университете. Студийная аппаратура была большей частью самодельной и включала в себя магнитофоны, генераторы синусоидных звуковых волн, шумовые и пульсирующие генераторы, четырехканальный звуковой стол, устройство для струнного эха, кольцевой модулятор⁷.

Первой пробой пера в области конкретной музыки стала оригинальная «акустическая композиция» Мартти Вуореньюри «A Brave New World» («О дивный новый мир», 1958). Импульсом к ее сочинению послужил одноименный роман-антиутопия Олдоса Хаксли. Материалом

являлись записанные на пленку голоса театральных актеров, читающих роман. Вуоренъюри настаивал, чтобы чтение было аэмоциональным. Такое решение объясняется тем, что «воображаемый мир в “A Brave New World” Хаксли отличался механистичностью, так что Вуоренъюри хотел устранить из голосов человеческий характер» [5]. Трансформация материала производилась с помощью различного оборудования, в частности посредством «zeitwandler» («временного преобразователя») из Германии. Манипуляции с материалом позволили переделать речь в звуковые эффекты (сирену «скорой помощи», шум морских волн, гудение вертолета и т. п.).

К середине 1960-х годов в Финляндии возникло уже значительное количество электронных сочинений. Некоторые из них навсегда вписались в историю финской музыки. Так, «Три электронных этюда» (1960) Бенгта Йоханссона (Bengt Johansson, 1914–1989) стали первой финской электронной композицией⁸, а «Sounds I» («Звуки I», 1963) Рейо Юркияйнена (Reijo Jyrkiäinen) – первым сочинением конкретной музыки⁹. Магнитофонный коллаж Доннера к фильму Эйно Руотсало «Kaksi kanaa» («Две курицы», 1962) считается первой электроакустической киномузыкой. Пьеса Эрkki Салменхаары «White Label» («Белая этикетка», 1967) одной из первых появилась в грамзаписи. В Концерте для двух магнитофонов и оркестра (1964) Готфрида Гресбека (Gottfrid Gräsbeck, р. 1927) магнитофонная лента впервые соединялась с симфоническим оркестром.

Активному продвижению электронной музыки в первую очередь способствовала деятельность общества «Финской музыкальной молодежи» («Suomen Musiikkinuorisoy»). В это объединение, созданное в 1957 году по инициативе Матти Раутио (Matti Rautio, 1922–1986) и Сеппо Нумми (Seppo Nummi, 1932–1981), входили композиторы, критики, исполнители, музыковеды, литераторы. Общество занималось пропагандой авангардного искусства: музыканты устраивали концерты из сочинений Кейджа, Штокхаузена, Булеза, Пуссёра и др., критики активно выступали в печати с рецензиями, композиторы создавали эпатазирующие слушателей композиции. Члены «Финской молодежи» пытались преодолеть консервативность вкусов публики и привить новейшие достижения на финскую почву.

Электронная музыка заставила композиторов по-новому взглянуть на возможности сочинения. В технической музыке нашел отражение необычайный интерес авангардистов к феномену звука, а общая установка на новаторство стимулировала поиски и изобретение нового, неведомого доселе звукового материала. Некоторые из музыкантов под влиянием электронной музыки стали разрабатывать возможности традиционного звучания оркестра и добиваться разнообразных тембровых эффектов. Так, в произведении Эрkki Салменхаары «Pan ja kaiku» («Пан и эхо»)

используются микрофоны, однако не с целью усиления звука, а для создания впечатления эха и пространства. Сам композитор так характеризовал свое сочинение: «“Пан и эхо” своего рода – исследование звука. <...> В сочинении... концертное пространство использовано в качестве формообразующего компонента: звук тарелок, “эхо”, слышится из помещенных в задней части зала громкоговорителей, и его воспроизведение регулируется по предписанной шкале. Громкоговоритель является, следовательно, тоже “живой” музыкой» [6; 10]. Весьма интересна и «Элегия II» для двух струнных квартетов Салменхаары. Произведение начинается с одного звука, который поочередно издается различными струнными инструментами в одном и том же регистре, но с разной артикуляцией и динамикой. Далее в «Элегии» постепенно разрастается объем звукового пространства, достигая сонорного эффекта. Внимание композитора, таким образом, сконцентрировано на свойствах музыкального звука, который интересует его и как единственный тон, и как звуковая масса.

Поиски новых типов звучаний зачастую приводили к созданию новых инструментов. Такова «Composition for Ferrophon» («Композиция для феррофона», 1963) того же Салменхаары. «Идею строительства феррофона, – писал композитор, – я получил из одного современного американского сочинения, механизм демонстрации которого состоит из частей старого автомобиля, собранных висящий под потолком мобиль. В действительности именно этот мобиль был “произведением”, композицией; он производил определенный звук с определенной вероятностью. Такого же, хотя и немного проще, положение феррофона: сам по себе он является “произведением”. В этой связи стоит упомянуть, что известный корейский композитор-авангардист Нам Юн Пайк полностью отказался от традиционной работы над произведением и сосредоточился исключительно на строительстве новых инструментов. Материал создает форму, форма консеквентна материалу: уже выбор/строительство инструментов обуславливает качество музыки» [6; 11].

Феррофон представлял собой большую металлическую пластину, по которой музыкант скреб тростями, щетками и прочими объектами, за счет чего возникали жесткие и неприятные звуки. Салменхаара сам исполнил свое сочинение. Эрик Тавастшерна, бывший на премьере, нашел, что зрелище, производимое музыкантом, «было в каком-то смысле символичным», поскольку, «когда он яростно колотил по закрытой двери, напоминающей звуковую раму, когда он следил за вибрацией колеблющегося железного листа, он стоял, словно о чем-то вопрошая» (цит. по: [3; 172]).

В 1963 году «Финская музыкальная молодежь» на Неделе культуры в Ювяскюля организовала концерты, на которых прозвучала электронная музыка молодых финских композиторов

авангардистов. В программу были включены «Esther» Доннера, «Sounds I» Юркияйнена, «White Label» Салменхаары и «On-Off» Куренниemi.

Результатом деятельности общества стала стремительная смена умонастроений, произошедшая за каких-нибудь шесть лет. В 1957 году в «Студенческой газете» были опубликованы мнения десятка критиков и музыкантов относительно электронной и конкретной музыки. Большинство из них полагало, что подобная музыка уместна лишь в кинофильмах или годится для радиопостановок, а Юко Куннас иронично отметил, что ее интересно делать «машинистам паровоза или кучерам» (цит. по: [3; 179]). Однако в начале 1960-х годов уже многие финские композиторы верили, что все последующее развитие современного искусства будет неразрывно связано с электроакустической музыкой. В 1963 году журнал «Рондо» проводил анкетирование среди композиторов, музыковедов и писателей. Один из вопросов звучал так: «Будущее электронной музыки?» Почти все опрошиваемые проявили редкостное единодушие, хотя отвечали музыканты с довольно несхожими эстетическими позициями. Так, молодой авангардист Эрки Салменхаара видел за электронной музыкой большое будущее, ибо «по отношению к источникам звука у нее есть колоссальные и всё возрастающие возможности. Приходят компьютеры, чтобы доказать (и уже доказывают) преимущество электронной музыки перед иной, освобождая композитора от рутинной ручной работы. По истечении 50 лет мы не сможем думать о композиторском обучении без электронной музыки...» [2; 13]. Композитор иронично относился к использованию традиционных оркестровых инструментов: «Именно на этапе 60-х годов начинается период сильного художественного и технического подъема электронной музыки. В то же время от этого кажется, что традиционные звуковые возможности начинают приходить к концу. Современная музыка обращается с инструментами часто против их природы. (Мы не пользуемся средствами передвижения, имеющими 300-летний возраст; как могла бы скрипка, достигшая своего совершенства для исполнительской практики 1600-х годов, соответствовать сегодняшним требованиям?)»¹⁰ [2; 13].

Композитор старшего поколения Эйнар Энглунд считал электронную музыку неотъемлемой частью авангардизма, и хотя к этому явлению он относился неприязненно, видя в нем декаданс современного искусства, тем не менее соглашался, что «акустические явления, порожденные электронной музыкой, все же интересны», и в этом отношении он верил «в художественно плодотворное и плодоносное развитие пространства этой музыки» [2; 10].

Помимо конкретной и электронной музыки финские композиторы занимались также сочинением компьютерной музыки, которая возникла в Финляндии сравнительно рано, в начале 1960-х

годов. Первым финским произведением в этой области была «Тема с вариациями» Сеппо Мустонена (1962), созданная для электронно-вычислительной машины Elliot 803. В 1967 году «Yleisradio» совместно с EMS-студией Стокгольма организовало семинар «Электроника и музыка» в Отаниemi, где прозвучало танго Маркку Нурминена «Помнишь ли это лето?», написанное для компьютера IBM 1130.

Большое значение для развития компьютерной музыки имели технические разработки Эрки Куренниemi. До конца 1960-х годов он занимался в студии Хельсинкского университета, пока не основал собственную компанию «Digelius Electronics Ltd». Среди электронных и компьютерных инструментов, сконструированных Куренниemi, наибольшую известность получили синтезаторы серии DIMI¹¹. Первым инструментом был DIMI-A (1969), который «контролировался и исполнялся при помощи “электрического пера”» [5; рис. 1]. Для этого прибора, в частности, создано сочинение «Mix Master Universe» (1973)¹².

Об устройстве данного прибора Хейниё пишет так: «DIMI состоял из 11 модулей: 1) два звуковых генератора, которые производили тоны хроматической гаммы в границах одной октавы; 2) два частотных распределителя, на которых генераторные звуки транспонировались на восемь октав; 3) два силовых регулятора; 4) две группы фильтров; 5) два избирателя, к которым можно присоединить вслед за генераторами три модуляторных круга, и 6) общая вибратор-секция для генераторов. На DIMI играли, соприкасаясь металлическими палочками с поверхностью стола, образующего стекловолнистую плиту, на котором располагались металлические клавишные панели. Модуль выбирался в соприкосновении определенной панели с левым изгибом, и он регулировался на панели правого изгиба. Секция записи являлась воображаемым “магнитофоном”, на котором пленка проигрывалась с определенной скоростью (48 возможностей) или прокручивалась в обоих направлениях (пластинки в форме звездочек справа) и на котором можно “записывать” или удалять (панели R и E)» [3; 186].

DIMI-E («electroencephalophone», 1970) посредством электродов, присоединенных к голове человека и считывающих электрические импульсы мозга, переводил душевные эмоции в звуки; DIMI-S («saxophone», 1971) был снабжен датчиками, прикрепленными к руке, «считывая электрические возможности из кожи» [5]. В 1971 году Куренниemi создал видеосинтезатор DIMI-O. Инструмент был устроен так, что все движущиеся изображения могли преобразовываться в музыку. Для демонстрации возможностей DIMI-O Куренниemi организовал концерт, на котором жесты дирижера симфонического оркестра и движения танцора «переводились» посредством этого инструмента на язык электронной музыки.

Инструменты, сконструированные Куренниemi, охотно использовали и другие музыканты. Так,

например, на построенном им цифровом аппарате DISCO созданы сочинения Осмо Линдемана (Osmo Lindeman, 1929–1987) «Механическая музыка для стереофонической ленты» (1969) и «Tropicana» (1970). Для DIMI-A написана музыка к анимационному кинофильму «Sähkölintuutarha» («Электронный сад птиц», 1974) – совместный проект Юкка Руохомяки и архитектора Марьи Вестеринена, а для композиции «Ennen iltaa» («До вечера», 1978) Руохомяки использовал синтезатор DIMI-6000. Этим же инструментом воспользовался Отто Романовски (Otto Romanowski, р. 1952) в песне «Two Dreams» («Два сна», 1975).

К концу 1960-х годов изучение и обучение электронной музыке было поставлено на профессиональный уровень. С 1969 года в Финляндии стали проводиться курсы электронной музыки. В том же году «Yleisradio» основало «отделение экспериментальной музыки», переименованное в 1973 году в «экспериментальную студию». В 1972 году Осмо Линдеман начал преподавать электронную музыку в Академии Сибелиуса. Все это способствовало необычайно интенсивному развитию электроакустической музыки в Финляндии, росту и укреплению ее значимости в Центральной Европе¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термин «электроакустическая музыка» стал употребляться с конца 1950-х годов. Он охватывает собой такие понятия, как «конкретная музыка» (то есть музыка, в которой вместо нотации используются зафиксированные на магнитофонную пленку и обработанные музыкальные звуки, а также звуки окружающей среды), «электронная музыка» (музыка, возникшая синтетическим путем с помощью электронного оборудования), «компьютерная музыка» (музыка, процесс создания которой основан на формальных алгоритмах и специальных программах).
- ² Первой и второй эрами были соответственно эпохи вокальной и инструментальной музыки.
- ³ По словам Микко Хейниё, понятия «электронной» и «конкретной» музыки появились в финской печати в середине 1950-х годов. Хотя разница между ними ощущалась, все же в Финляндии поначалу под электронной музыкой понималась как собственно электронная, так и конкретная музыка, при этом доминирующей долгое время оставалась последняя.
- ⁴ Эта разновидность электроакустической музыки получила название «music for tape» (магнитофонная музыка).
- ⁵ По приглашению Вуореньюри Штокхаузен приезжал в Финляндию три раза: в 1958, 1961 и 1962 годах. Его визиты способствовали популяризации электроакустической музыки. В первый же проезд он продемонстрировал свое знаменитое электронное сочинение «Песнь юношей», получившее весьма теплый прием в Хельсинки и Турку. В главной газете страны «Helsingin Sanomat» («Хельсинкские известия») была напечатана статья «Мысли об электронной музыке», в которой Штокхаузен рассуждал о том, что подготовило почву для появления электронной музыки (более подробно см.: [3; 179]).
- ⁶ Появление электронной музыки заставило по-новому взглянуть на образование композитора. Характерно замечание Микко Хейниё: «В финской магнитофонной музыке в действительности с самого начала прослеживаются две линии, одну из которых представляют композиторы, получившие традиционное образование, а другую – звукооператоры радио, начавшие сочинять музыку. Грубо говоря, первые были увлечены электроникой, а вторые конкретными звуками...» [3; 177]. В начале 1960-х Тауно Пилькянен не без иронии писал, что «в электронной музыке нотный ключ заменится гаечным ключом, а профессору композиции лучше перевестись в техническое училище» [3; 177].
- ⁷ Более подробно см.: [3; 185].
- ⁸ Сферой интересов Бенгта Йоханссона, работавшего звукооператором на радио, была именно электронная музыка, сочинение которой, по его словам, «является полностью технико-математическим и предполагает владение высшей математикой, а также значительное знание электроакустики и фонетики» (цит. по: [3; 181]), тогда как конкретная музыка нужна лишь в радиопостановках для создания эффектов.
- ⁹ Формально первой в этой области была, конечно, композиция Вуореньюри «A Brave New World», но из-за проблем с авторскими правами впервые она прозвучала лишь в 1966 году.
- ¹⁰ Преклонение перед электронной музыкой длилось недолго. В конце 1960-х Салменхаара уже говорит о ее недостатках. Главный из них он видит в том, что ей свойственны черты некоторой механистичности, не хватает элементарных «человеческих ошибок», художественных деталей, которые на первый взгляд кажутся непоследовательными, но отличают индивидуальное искусство от механического алгоритма электронных композиций (см.: [7; 29]).
- ¹¹ DIMI – Digital Music Instrument (Цифровой музыкальный инструмент).
- ¹² Произведение написано в соавторстве с Юкка Руохомяки (Jukka Ruohomäki, р. 1947).
- ¹³ Об этом свидетельствует ряд примечательных фактов. В 1965 году Штокхаузен включил в цикл своих радиопередач для WDR (Westdeutscher Rundfunk) «Три Электронных этюда» Бенгта Йоханссона, а в 1966-м транслировал по этому радио «Idiopostic 2» Юрккяйнена. Электронная песня Линдемана «Ритуал» в 1972 году была признана лучшей, получив первый приз на международном конкурсе ISCM (Международное общество современной музыки) в Италии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штокхаузен К. Электронная и инструментальная музыка // XX век. Зарубежная музыка. Вып. 1. М.: Музыка, 1995. С. 39.
2. Avant-gardismi: rappiota vai tulevaisuuden musiikkia? // Rondo. 1963. № 1. С. 8–13.
3. Heiniö M. Aikamme musiikki, 1945–1993. Porvoo: WSOY, 1995. 568 s. (Suomen musiikin historia 4).
4. Heiniö M., Jalkanen P., Lappalainen S., Salmenhaara E. Suomalaisia Säveltäjiä. Helsinki: Otava, 1994. 574 s.
5. Kuljuntausta P. ON/OFF – From Ether Sounds to Electronic Music [Elec-tronic resource]. URL: <http://www.kiasma.fi/on-off/essay.html>.
6. Salmenhaara E. Pan ja kaiku. Sävellys ferrofonille // Kirrko ja musiikki. 1964. № 4–5. С. 10–11.
7. Salmenhaara E. Das musikalische Material und seine Behandlung in den Werken Apparitions, Atmospheres, Aventures und Requiem von György Ligeti. Helsinki, 1969. 203 s.
8. Stuckenschmidt H. Die dritte Epoche // Die Reihe: Information über serielle Musik. Band 1: Elektronische Musik. Wien: Universal Edition, 1955. С. 17–19.

УДК 371.69:004.3

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАНЧЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики,
Мурманский государственный педагогический университет
t.v.panchenko@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В статье раскрыты теоретические аспекты создания информационной образовательной среды. Описан опыт разработки коллективом преподавателей и студентов электронных ресурсов по педагогике.

Ключевые слова: информационная образовательная среда, педагогика

Современный этап развития общества характеризуется переходом к инновационной модели развития науки, техники и технологий. Инновационная деятельность нашла свое отражение в теории и практике педагогической науки: в создании образовательных учреждений новых типов, в разработке и введении элементов нового содержания образования и новых образовательных технологий, систем и средств обучения и др. Концепция инновационного обучения базируется на технологическом подходе, что объясняется логикой развития современного информационного общества, основой развития которого являются информационные и коммуникационные технологии – ИКТ (А. П. Ершов, А. А. Кузнецов, П. И. Образцов, А. И. Ракитов, А. Я. Савельев и др.). Внедрение ИКТ в образовательный процесс может стать основой для становления принципиально новой формы непрерывного образования, опирающейся на детальную самооценку, поддерживаемую технологическими средствами, и мотивированную результатами самооценки самообразовательную активность человека (С. Л. Атанасян, П. И. Образцов, А. М. Романов и др.). При этом первостепенное значение приобретает развитие потребностей и умений человека не только самостоятельно добывать и обновлять профессионально и лично необходимо знания, но и осуществлять этот процесс непрерывно на протяжении жизни. Для этого необходимо не только создание педагогически спроектированного образовательного пространства и информационно-образовательной среды современного вуза, но и устойчивая профессиональная направленность личности.

Информационное образовательное пространство определяется как пространство осуществления личностных изменений людей в образовательных целях на основе использования современных информационных и телекоммуникационных технологий [2]. Одним из его структурных компонентов выступает образовательная среда – многоаспектная целостная, социально-психологическая реальность, обеспечивающая совокупность психолого-педагогических условий, современных технологий и программно-методических средств обу-

чения, построенных на основе современных ИКТ, предоставляющих необходимое обеспечение познавательной деятельности и доступ к информационным ресурсам (А. А. Андреев, С. Л. Атанасян, И. Г. Захарова, В. В. Рубцов, А. В. Шумакова и др.). Направления развития виртуального пространства и компоненты виртуальной образовательной среды исследованы М. Е. Вайндорф-Сысоевой, А. А. Карасевым, И. В. Холодковой, А. В. Хуторским и др. Формирование информационной образовательной среды требует разработки электронных образовательных ресурсов (Л. С. Зазнобина, Л. Х. Зайнутдинова, Ю. И. Капустин, В. М. Монахов, В. В. Щербаков и др.). Поэтому информатизация, призванная сыграть особую роль в повышении качества образования, понимается и как создание педагогически спроектированной информационно-образовательной среды учебного заведения, и как процесс интеллектуализации деятельности обучающего и обучающегося, как погружение человека в новую интеллектуальную среду (Н. В. Апатова, И. Г. Захарова, К. К. Колин, Е. С. Полат и др.).

Гуманистическая методология подразумевает отказ от технологического создания электронной среды образования как набора информационных элементов и видит в проектной деятельности творческий акт, эстетическую деятельность, цель которой – создание среды, способной смоделировать кругозор развивающейся личности за счет включения в сферу ее непосредственного взаимодействия (диалога) произведений культуры различной модальности [3]. В этом случае речь идет о создании креативной информационной образовательной среды (К. Г. Кречетников, В. А. Назаров, С. А. Назаров и др.) и личностно ориентированных электронных образовательных ресурсов, предусматривающих не только обучение, но и творческое развитие личности. Так, возможности педагогического проектирования электронных образовательных ресурсов и мультимедийных систем как среды педагогического творчества, выявлены С. Л. Атанасян [2], В. В. Гура [3], Н. Г. Семенов [7] и др. Психолого-педагогические проблемы использования ИКТ глубоко исследованы

В. П. Беспалько, В. П. Зинченко, Н. Г. Семенов, О. К. Тихомировым и др. Так, описан комплекс психолого-педагогических требований к мультимедийным обучающим системам лекционных курсов: опора на взаимосвязь сенсорно-перцептивного, вербально-логического и представленческого уровней когнитивного процесса; синкретичность и избыточность учебной информации и др. Отдельно выделено психологическое требование эмоциональной регуляции учебно-познавательной деятельности на основе активизации ведущих познавательных эмоций: удивления, любопытства, любознательности, уверенности, увлеченности и др. Установлено, что мультимедийные обучающие системы обладают большим эмоциональным зарядом и способствуют развитию креативного потенциала обучаемых и обучающихся [7].

И все же возможности формирования профессиональной педагогической направленности личности в информационной образовательной среде исследованы недостаточно. Большинство исследований не учитывают специфику информатизации сферы высшего педагогического образования, одной из важнейших задач которого выступает оказание помощи будущему учителю в построении своей индивидуальной стратегии образования с учетом мотивационно-ценностной сферы, ядром которой является направленность личности. Профессиональная педагогическая направленность – это важнейшее, интегративное свойство личности, которое проявляется во всех сферах профессиональной жизнедеятельности учителя и определяет его способность к самообразованию, профессиональному развитию и др. (К. Афанасиадис, С. Л. Братченко, В. В. Ерин, В. И. Жернов, Г. Б. Луганская, Л. И. Нугис, М. И. Станкин и др.). Будущий педагог должен не только освоить современные информационные технологии, но и обрести систему профессионально необходимых свойств и качеств (прежде всего – устойчивую профессиональную направленность). Именно это позволит ему осуществлять педагогическую деятельность, эффективно используя технологии и средства информатизации в профессионально направленном образовательном процессе. Такой подход позволит обучаемым не только накапливать знания и приобретать необходимые навыки, но и развивать все компоненты профессиональной компетентности.

В ракурсе исследуемой проблемы принципиальными представляются: модель информационной образовательной среды, отражающая специфику и направления информатизации высшего педагогического образования, разработанная С. Л. Атанасян [2]; концепция информационно-технологического обеспечения учебного процесса, созданная В. И. Писаренко [6], и концепция системы смешанного (комбинированного) обучения Ю. И. Капустина [4]. Концепция информационно-технологического обеспечения учебного процесса основана на интеграции компетентного, технологического, коммуникативного и

профессионально ориентированного подходов. Концепция системы смешанного (комбинированного) обучения, нацеленная на развитие компетентности будущих специалистов, подразумевает интеграцию образовательной, профессиональной и социальной сред, множественность способов взаимодействия и форм обучения (индивидуальные и групповые, реальные и виртуальные). Концепция предусматривает органичное сочетание традиционного и дистанционного обучения и создание единого образовательного пространства, основанного на единстве трех ключевых подходов к обучению, среди которых, наряду с андрагогическим и контекстно ориентированным, выделяется личностно ориентированный подход. Он нацелен на развитие способностей обучающихся (мыслительных, творческих, коммуникативных, рефлексивных и др.), а также на формирование смысловой мотивационно-ценностной составляющей личности, то есть ее направленности. Система смешанного (комбинированного) обучения требует организации интегрированной информационно-образовательной среды. Ее компонентами являются образовательные сайты, электронные методические материалы, пригодные для самостоятельного изучения, системы автоматизированного контроля качества освоения дисциплины и др. Таким образом, интеграция, комбинирование обучения с использованием преимуществ различных технологий – это один из путей повышения качества подготовки специалистов.

Использование информационных технологий в рамках гуманитарного цикла получает все большее распространение. Так, имеется экспериментальный опыт разработки программных комплексов – электронных ресурсов по направлению «Педагогика», способных объединить информационное, техническое и учебно-методическое обеспечение. Среди них – web-сайт «Введение в педагогическую деятельность» [9], электронные гипертекстовые учебно-методические пособия «Введение в педагогическую деятельность» [8], «Теория обучения» и др. Содержание теоретической составляющей данных ресурсов соответствует государственному стандарту высшего профессионального образования (ГОС ВПО) и адресовано студентам, обучающимся по направлению «Педагогика», но может быть полезно преподавательскому составу вузов и всем, кто интересуется теоретическими и прикладными аспектами профессиональной педагогической деятельности и внедрением новых информационных технологий в процесс преподавания учебных дисциплин педагогического цикла.

При создании данных ресурсов учитывался ряд целевых ориентиров. Так, информативность и комплексность предполагала сочетание текстовой информации, ее графического сопровождения, системы гиперссылок и обратной связи и др. Интеграция ИКТ в образовательный процесс позволяла совершенствовать и наращивать структуру и содержание представленных ресур-

сов. Для стимулирования самообразования обучающихся, а также в целях повышения мотивации к выполнению научно-исследовательской работы данные ресурсы содержат электронные версии статей студентов, опубликованных в сборниках научно-практических конференций. Управляемость предусматривала возможность планирования организационных форм обучения с учетом индивидуальных особенностей студентов и объема учебной нагрузки и возможность использования данных ресурсов для самостоятельного изучения, для работы в аудитории и при дистанционной форме обучения. Гуманизация педагогических отношений проявлялась в реализации личностно ориентированного подхода к обучению. Активизация учебной, научно-исследовательской и самостоятельной работы студентов достигалась путем организации учебного процесса в соответствии с разными уровнями усвоения материала, заложенными в данных ресурсах. Развитию у студентов умений прогнозирования результатов своей учебной деятельности способствовало наличие разноуровневых заданий. Доступность заключалась в отсутствии необходимости специальной подготовки пользователя: наличие удобной навигации, системы гиперссылок, поисковой панели и указателя ключевых слов и др.

Раскроем функциональное назначение, структуру и особенности использования данных электронных ресурсов.

Web-сайт «Введение в педагогическую деятельность» разработан коллективом авторов-составителей – преподавателя и студентов Мурманского государственного педагогического университета (МГПУ) в ходе освоения программы «Intel – обучение для будущего». Руководитель проекта – кандидат педагогических наук, доцент Т. В. Панченко (содержательное наполнение сайта, создание презентаций), авторский коллектив – студенты В. Н. Марков, В. А. Блинов и Д. Л. Клышов (дизайн, макет, техническая поддержка). Web-сайт представляет собой гиперссылочную систему простого дизайна. Содержание учебной дисциплины представлено в виде пяти модулей, отражающих главные разделы курса («Педагогическая профессия», «Педагогическая деятельность», «Личность педагога», «Методология, методы и логика педагогического исследования», «Профессиональное становление педагога»). Структура каждого модуля включает: презентации Microsoft Power Point (тезисное изложение тем лекционного курса, усвоение которых обеспечивает базовый уровень обученности); конспекты лекций (основные, дополнительные и развивающие сведения, а также ссылки на источники информации); разработки практических занятий; пополняемую хрестоматию; методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов и разработки тем данного курса; методики исследований; тематические глоссарии и др.

Дополнением и логическим продолжением созданного web-сайта являются электронные гипертекстовые учебно-методические пособия (ЭГУМП) «Введение в педагогическую деятельность» [8] и «Теория обучения», представляющие собой гиперссылочные системы, выполненные в инструментальной среде HTML Help Workshop.

Структура ЭГУМП «Введение в педагогическую деятельность» содержит 2 блока («Ориентировочный» и «Учебный»), в каждом из которых расположены несколько разделов. Так, в разделе «Справочная информация» содержатся сведения об авторе-составителе, пояснительная записка, требования ГОС ВПО, описание объема и содержания разделов дисциплины, а также виды учебной деятельности. Раздел «В помощь студенту» содержит материал, ориентированный на различные уровни обученности и самостоятельности студентов: как перечень тем рефератов, список литературы, так и тематические глоссарии, ссылки на образовательные ресурсы и др. Раздел «Подготовка к зачету» раскрывает основные направления подготовки к итоговой форме контроля, включает требования к уровню усвоения содержания дисциплины и варианты примерных тестовых материалов.

Структура учебного блока также структурирована. Так, раздел «Аудиторная работа студентов» содержит конспекты лекций и разработки практических занятий. Данный материал имеет унифицированную структуру (тема, план, вопросы для обсуждения, задания для самостоятельной работы и литература для подготовки к занятию). Доступность лекционного материала обеспечивает возможность самостоятельной подготовки студентов, работающих по индивидуальному плану, к сдаче зачета. Раздел «Самостоятельная работа студентов» содержит подробные разработки тем для самостоятельного изучения, структура которых включает план, тематические тестовые материалы и вопросы для самоконтроля, задания для самостоятельной работы, список литературы и глоссарии. В разделе даны методические рекомендации по организации самостоятельной работы, предусмотрена возможность консультации с преподавателем по электронной почте.

Работа по электронному учебно-методическому пособию «Теория обучения» (автор-составитель – Т. В. Панченко) предполагает последовательное изучение студентами отдельных самостоятельных, но взаимосвязанных модулей (информационных и учебных), каждый из которых включает несколько компонентов. Так, учебные модули («Теоретические основы обучения», «Содержание образования», «Формы, методы и средства обучения», «Виды обучения», «Инновации и технологии в образовании») содержат гиперссылки на лекционный материал, который изложен на двух уровнях, полном и углубленном; подробную разработку практических

занятий и тем для самостоятельного изучения; тематические глоссарии и блоки самоконтроля. Студенты, желающие более глубоко изучить «Теорию обучения», имеют возможность ознакомиться с расширяющим блоком учебного материала (в виде гиперссылок на дополнительные страницы электронного учебника), а также провести исследование по предложенным методикам. Для студентов, испытывающих учебные затруднения, предусмотрена «Подсказка» – при наведении курсора на выделенные понятия открывается окно с трактовкой их содержания.

Анализ образовательных результатов студентов (2006–2009 годы) показывает, что применение разработанных ресурсов повышает эффективность обучения, поскольку вовлекает студентов в образовательный процесс и легко интегрируется в единое информационное пространство современного вуза. Использование потенциала возможностей разнообразных типов программных средств и информационных технологий способствует совершенствованию процесса обучения, а также повышает качество и эффективность труда преподавателя, который становится «консультационно-творческим» [1].

В целом достижения, имеющиеся в настоящее время в области применения электронных образовательных ресурсов по дисциплинам педагогического блока, обусловлены прежде всего высоким уровнем программного обеспечения (мультимедиа, гипермедиа, система Internet и др.). В связи с этим повышается необходимость формирования новых подходов к разработке электронных образовательных ресурсов, к созданию новых технологий обучения с их применением, к обучению этим методикам профессорско-преподавательского состава [7]. Необходима координация усилий как программистов, выполняющих основной объем по созданию электронных образовательных ресурсов, но зачастую не имеющих педагогической подготовки, так и специалистов в области педагогики, дидактики и методики преподавания конкретных дисциплин, которые, в свою очередь, «зачастую далеки от информационных технологий и потому не могут в полной мере использовать их потенциальные возможности» [7; 4]. В диссертационном исследовании Н. Г. Семеновой определен предпочтительный состав творческого коллектива разработчиков электронных образовательных ресурсов: ведущий педагог – специалист по дидактике; преподаватель-предметник (методист); психолог, специализирующийся в области психологии познавательных процессов и возрастной психологии; программист; web-дизайнер; звукооператор; оператор. Тем не менее опыт показывает, что заинтересованность в данном направлении проявляют и студенты. Так, в 2009 году студентами физико-математического факультета МГПУ Д. В. Коноваловым, А. И. Крайновой и Р. У. Набиевым был разработан проект «Создание образовательных программных средств».

Целью проекта являлась интеграция студентов различных факультетов МГПУ для создания педагогических, практико ориентированных электронных ресурсов, которые можно применять в различных предметных областях как в ходе педагогической практики, так и в самостоятельной педагогической деятельности. Студенты физико-математического факультета МГПУ уже имеют успешный опыт создания педагогических программных средств, но ранее подобные проекты являлись краткосрочными. Поэтому проект «Создание образовательных программных средств» направлен на включение студентов в процесс формирования единого информационного пространства современного вуза, интеграцию студентов физико-математического факультета и других кафедр университета с целью обеспечения долгосрочного сотрудничества и установления межпредметных связей. Научная значимость проекта состояла в обобщении и систематизации научных представлений в области использования компьютерных технологий для создания педагогических программных средств. Практическая значимость заключалась в разработке практических рекомендаций для студентов, направленных на использование ими в своей профессиональной педагогической деятельности информационных технологий, создание электронных образовательных ресурсов по различным предметным областям, которые могут найти применение в практике современной школы. Проектирование программного обеспечения подразумевало выработку свойств системы на основе анализа постановки педагогической задачи, моделей предметной области, опыта проектировщика и др. Ожидаемыми результатами реализации проекта выступали привлечение студентов различных факультетов к созданию педагогических программных средств, а также интеграция научной работы студентов в различных отраслях знаний и использования ИКТ. Предусматривалась разработка рекомендаций для студентов, идущих на практику, по созданию и использованию педагогических программных средств, а также отраслевая регистрация ресурсов в национальном фонде неопубликованных документов. Важнейшим направлением реализации проекта была организация и обсуждение проблем использования компьютерных технологий в образовательном процессе, связанных с определением и унифицированием требований к педагогическим программным средствам и методическим аспектам их подготовки. Не менее важной задачей выступало активное вовлечение студентов в процесс создания педагогических программных средств различной предметной направленности. Созданные педагогические программные средства должны обладать свойством открытости: при их разработке используются современные технологии (OpenSource), что позволяет легко обновлять и наращивать их структуру и содержание. Применение созданных ресурсов в реальном школьном обучении позволит учителю продемонстрировать труднодоступные для непосред-

ственного наблюдения процессы и явления с помощью математических и физических моделей; исследовать объекты, процессы и явления на различных видах практических занятий; решать задачи проектирования; обеспечить игровые формы проведения занятий и др. Это может способствовать формированию у школьников информационных и учебно-познавательных компетенций.

Реализация проекта «Создание образовательных программных средств» не требует финансирования и предусматривает четыре этапа. На первом (ориентировочном) этапе происходит обсуждение и согласование образа предполагаемого результата – будущего программного продукта: компьютерной модели процесса, обучающей, контролирующей или развивающей программы и др. Этот этап предусматривает проведение круглого стола. Для его успешной работы предполагается организовать деятельность оргкомитета, в состав которого могут войти авторы проекта, представители студенческого научного общества и преподаватели. В ходе круглого стола предполагается обсудить ряд вопросов: виды педагогических программных средств; возможности их использования в учебной и самостоятельной деятельности учащегося; подготовка материалов для создания педагогических программных средств; требования к создаваемым электронным ресурсам с точки зрения педагога (заказчика) и исполнителя (разработчика); разработка методических рекомендаций обучаемым для работы с педагогическими программными средствами; авторское право на педагогические программные средства и др.

Через определенное время заказчик получает от разработчика техническое предложение: документ, в котором перечислены требования заказчика и предложения по разработке программной системы в соответствии с требованиями, выработанными в ходе круглого стола. Приблизительно оцениваются трудоемкость работ по проекту и примерное время, которое потребуются на его осуществление. Второй этап осуществления проекта (конструктивный) заключается в непосредственной технической разработке программного продукта студентами физико-математического факультета либо студентами других факультетов, владеющими необходимыми навыками программирования. Продукт выполняется в соответствии с образом предполагаемого результата, который был выработан на ориентировочном этапе. На третьем этапе (коррекционном) проводятся тестирование программы, выявление недочетов технического характера, а также возможных несовершенств в предоставленном кафедрами (участницами проекта) материале. В случае неудачного тестирования продукт возвращается на доработку. Четвертый этап (внедренческий) предполагает апробацию

разработанного электронного ресурса в образовательном процессе школы. Это возможно осуществить как во время прохождения студентами педагогической практики, так и путем предоставления разработанного ресурса учителям или преподавателям вуза (в зависимости от целевой аудитории, на которую направлен проект). Поэтому еще одним положительным аспектом реализации проекта выступает развитие у студентов умений прогнозирования хода и результатов своей учебной и педагогической деятельности.

Диагностику успешности осуществления проекта предлагалось провести по следующим параметрам: динамика и уровни учебных достижений школьников по конкретному предмету после внедрения программного средства; уровень заинтересованности обучаемых по отношению к предмету, в рамках которого применялось программное средство; количество учителей (преподавателей), использующих программное средство в профессиональной деятельности; количество кафедр (студентов, преподавателей), заинтересованных в совместном создании программных продуктов; творческий потенциал разработанных электронных образовательных ресурсов и т. д.

Перспективы развития данного проекта – это обеспечение дальнейшей интеграции и взаимодействия студентов и преподавателей разных факультетов с целью создания и использования педагогических информационных продуктов различной предметной направленности; поддержка студенческих инициатив, связанных с использованием компьютерных технологий для создания педагогически направленных электронных ресурсов (информационных, экспертно-обучающих, тренажерных, помогающих производить расчеты, проектировать и др.).

Таким образом, приоритетные направления модернизации российского образования (непрерывность, информатизация, компетентностный подход к определению целей и содержания образования, создание принципиально новой среды обучения, основанной на применении ИКТ) могут быть реализованы путем интеграции, организации смешанного (комбинированного) обучения, использования в образовательном процессе преимуществ различных технологий и средств обучения. Применение информационных технологий является одним из факторов индивидуализации стратегии деятельности субъекта образовательного процесса, ее мотивационной, личностной регуляции. Процесс информатизации образования актуализирует разработку подходов к использованию потенциала информационных образовательных технологий для развития личности студентов, повышения уровня креативности их мышления и формирования устойчивой профессиональной направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский С. И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. М.: Высш. шк., 1980. 368 с.
2. Атанасян С. Л. Теоретические основы формирования информационной образовательной среды педагогического вуза. Воронеж: Научная книга, 2008. 200 с.
3. Гура В. В. Теоретические основы педагогического проектирования личностно-ориентированных электронных образовательных ресурсов и сред: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов-н/Д, 2007. 42 с.
4. Капустин Ю. И. Педагогические и организационные условия эффективного сочетания очного обучения и применения технологий дистанционного образования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 40 с.
5. Образцов П. И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. Орел: Орловский гос. техн. ун-т, 2000. 145 с.
6. Писаренко В. И. Система инновационного гуманитарного образования в техническом вузе: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Сочи, 2007. 49 с.
7. Семенова Н. Г. Мультимедийные обучающие системы лекционных курсов: теоретические основы создания и применения в процессе обучения студентов технических вузов электротехническим дисциплинам: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Астрахань, 2007. 35 с.
8. Электронное гипертекстовое учебно-методическое пособие «Введение в педагогическую деятельность». Автор: Т. В. Панченко. Национальный информационный фонд неопубликованных документов. Номер государственной регистрации: 50200900248 от 09.02.2009. Свидетельство об отраслевой регистрации разработки в Отраслевом фонде алгоритмов и программ № 12215 от 29.01.2009.
9. Web-сайт «Введение в педагогическую деятельность». Авторы: Т. В. Панченко, В. Н. Марков, В. А. Блинов, Д. Л. Клышов. Национальный информационный фонд неопубликованных документов. Номер государственной регистрации: 50200900247 от 09.02.2009. Свидетельство об отраслевой регистрации разработки в Отраслевом фонде алгоритмов и программ № 12214.

АННА НИКОЛАЕВНА ГАВРИЛОВА

старший преподаватель кафедры иностранных языков
технических факультетов, Петрозаводский государствен-
ный университет
sero@onego.ru

ПРИЧИНЫ НЕДОСТАТОЧНОЙ СФОРМИРОВАННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОРЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В статье обсуждаются причины низкого уровня владения иноязычной письменной речью студентов неязыковых вузов. Раскрываются лингводидактические, социокультурные и политические факторы недостаточной сформированности иноязычной письменноречевой компетенции.

Ключевые слова: лингводидактика, письменная речь, письменноречевая компетенция, социокультурные различия, контрастная риторика, письменная/устная культура, неязыковой вуз, английский язык

По данным отечественных и зарубежных ученых, овладение умениями письменной речи важно для развития интеллектуальных и интерактивных способностей человека, развития его памяти и способности мыслить абстрактно [24; 9–21], [21; 25–50]. Школа и образование в широком понимании этого слова служат основными действующими силами в передаче культурных и, следовательно, риторических и стилистических норм письменной речи, поскольку «механизм письменной речи может сложиться только под влиянием целенаправленных педагогических воздействий» [5; 200].

Иноязычная письменноречевая компетенция подразумевает способность распознавать и продуцировать адекватные жанру и цели письменные тексты с обязательным оперированием материалом логики и риторики и соответствующим выбором лингвистических средств. Студенты неязыковых вузов должны владеть достаточными письменноречевыми знаниями, навыками и умениями, позволяющими успешно осуществлять письменную коммуникацию в академической, научной и профессионально ориентированной среде. Одна из основ содержательной стороны письменноречевой коммуникативной компетенции – это умение выражать свои мысли в письменной форме, создавая при этом разножанровые типы текстов со своими специфическими лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками, тем самым успешно реализовывая письменную коммуникацию. Параметры иноязычной письменной речевой компетенции включают в себя особенности иноязычного письменного дискурса, контекста письменной деятельности, потенциальной читательской аудитории, технологии продуцирования и переработки письменного произведения.

К сожалению, можно с полной уверенностью констатировать практическую и теоретическую неразработанность парадигмы иноязычной письменноречевой компетенции в отношении

большинства выпускников неязыковых и нелингвистических вузов России. Мы считаем, что несформированность данного вида компетенции вызвана рядом объективных факторов, среди которых выделяются такие, как *политические*, а более всего преобладают *лингводидактические* и *социокультурные*.

Политической причиной несформированности письменноречевой компетенции послужил тот факт, что существовавший несколько десятилетий «железный занавес» между бывшим СССР и англоязычными западными странами вызвал отсутствие необходимости в учебной аутентичной письменной коммуникации с представителями англоязычного мира, а следовательно, и мотивации к занятиям письменной практикой. Также при существовавшем в СССР политическом строе на протяжении многих десятилетий в людей вселялся страх за сказанное (и тем более написанное) слово и недоверие к отечественной бюрократии, деятельность которой сопровождалась всевозможными «отписками» [6; 90].

Несмотря на то что письменное выражение мысли на иностранном языке представляет собой наиболее сложный и чрезвычайно востребованный в современной глобальной коммуникации вид речевой деятельности, в течение долгого времени в российской системе образования ему не уделялось должного внимания. Многие исследователи сходятся во мнении, что обучение письменной речи как в средней школе, так и в вузе носит ограниченный характер. Так, профессор А. А. Миролюбов констатирует, что в 40–50-е годы XX века было опубликовано всего лишь одно пособие по письменной речи Н. И. Тенновой, в котором предлагалось начать обучать письменной речи только в старших классах, а до этого заниматься с учениками только орфографией [11; 229–231]. В 1960-е годы вопросы обучения письменной речи разрабатывались чрезвычайно мало, письмо считали серьезным вспомогательным

средством для овладения говорением. В 70–80-е годы XX века вопросы обучения письму также не получили дальнейшего развития и существенного продвижения [11; 299–301, 385]. Выполняя «обслуживающую» другие виды речевой деятельности функцию, являясь «универсальным закрепителем» учебного материала, письменная речь на иностранном языке как самостоятельный вид речевой деятельности была практически полностью исключена из программ по иностранным языкам и как следствие – не получила должного теоретического осмысления методика ее развития на различных ступенях обучения и у различных категорий обучаемых [7]. Таким образом, в течение пятидесяти лет в отечественной системе образования наблюдалось ярко выраженное доминирование устной речи, в то время как письменная речь была наиболее неразвитым и игнорируемым видом речевой деятельности.

К сожалению, лишь небольшое количество университетов (в основной массе это языковые и лингвистические вузы и/или факультеты) выделяют письмо как отдельный предмет (аспект «письменная практика»); обычно (в лучшем случае) он объединяется с говорением или аудированием или же не преподается вовсе. Если студенты и выполняют какие-либо виды письменных работ, то внимание преподавателя более всего сосредоточено на проверке грамматических и лексических навыков, а отсутствие коммуникативной направленности и учета адресата делает обучение письменной речи неэффективным.

Однако необходимо отметить, что дисбаланс в соотношении употребления письменной и устной речи на иностранном языке начал меняться на протяжении последних двух десятилетий: в теории и практике обучения английскому языку на учебных занятиях как на уровне средней школы, так и на уровне вуза произошел поворот в сторону письменной речи. Теперь аспект «письменная практика» прочно занял свое место в программе обучения в специализированных школах с углубленным изучением иностранных языков, в лингвистических вузах и на факультетах иностранных языков и даже вошел в состав Единого государственного экзамена по иностранному языку. При этом следует отметить, что письменные задания типа «эссе» являются неотъемлемым компонентом наиболее популярных международных экзаменов по английскому языку, таких как Preliminary English Test, First Certificate in English, Certificate in Advanced English, Certificate of Proficiency in English, International English Language Testing System, Test of English as a Foreign Language и других, уже в течение нескольких десятилетий. Но при этом, согласно статистике, представленной Британским Советом в сентябре 2002 года, до 50 % русскоязычных реципиентов, сдававших экзамены на международные сертификаты, не получили требуемого документа из-за ошибок в письменной речи [19]. Это свидетельствует о том, что в

овладении иноязычной письменной речью студенты российских вузов отстают от своих зарубежных сверстников, что, в свою очередь, является показателем просчетов нашего среднего и высшего языкового образования при освоении русскоязычными носителями чужой культуры.

При этом, на наш взгляд, наиболее сложной представляется ситуация с обучением письменной практике студентов неязыковых вузов. Несмотря на профессиональные и личные потребности в этой области, выпускники вузов неязыковых специальностей в большинстве случаев не могут в результате многолетнего обучения писать на иностранном языке [16], [8; 79–84], [14; 17]. Причиной является то, что в нефилологических вузах России преподавание письменного изложения как отдельного предмета не велось. Большинство математиков, физиков и других «нефилологов» и «нелингвистов» не всегда могут успешно выполнить задания по написанию эссе (например, набрать необходимое количество баллов в письменной части экзамена TOEFL), составить успешную заявку на грант, успешно принимать участие в работе зарубежных научных конференций или обучаться в зарубежных университетах, где свободное владение письменной речью является чрезвычайно важным.

Л. Г. Кузьмина и другие исследователи отмечают повышение инструментальной ценности предмета «иностранный язык» для реализации личностных планов человека [7]. Например, он необходим для обеспечения все более расширяющихся возможностей продолжения образования за рубежом, которое, как известно, является в большей степени ориентированным на письменные формы обучения и контроля, нежели отечественное. Также все большее распространение получают компьютерные технологии, которые требуют владения письменной речью как на родном, так и на иностранном языке. Письменная речь на английском языке незаменима для общения через Интернет, которое постепенно становится неотъемлемой чертой нашей повседневной жизни, для дальнейшего продолжения образования или трудоустройства.

Однако более всего, на наш взгляд, целенаправленное обучение написанию письменных произведений осложняется *социокультурным* фактором.

Здесь следует отметить, что термин/понятие «письменная культура» может пониматься в двух значениях: во-первых, это владение нормами литературного языка в письменной форме; другое значение данного термина в рамках культурологической парадигмы – это культура страны с хорошо развитой системой письменной коммуникации, зачастую преобладающей над устной, в которой значительная часть коммуникации осуществляется письменно, и письменная традиция также служит стержнем, скрепляющим язык.

Письменная коммуникация имеет разную степень распространенности в повседневной

жизни людей в разных странах [21]. Вследствие социокультурных различий взглядов на письмо и степени владения им та или иная страна (культура) может характеризоваться как страна с доминирующей письменной или с преимущественно устной культурой. Мы считаем, что на настоящий момент российскую лингвокультуру нельзя однозначно отнести к той, которую известный американский специалист по риторике Вальтер Онг классифицирует как культуру «с глубинным проникновением письма» [23; 1], в то время как ее западный аналог (то есть англоговорящие США, Великобритания и Канады, франкоговорящие и немецкоговорящие государства), несомненно, является таковым. В. Онг как представитель англоязычной западной культуры пишет: «...на сегодняшний день мы сделали письмо неотъемлемой частью себя, частью нашего менталитета» [23; 80], ведь письменная западная культура «функционирует как по горизонтали, так и по вертикали» [3; 147]. Джеймс Э. Райнинг, Эндрю У. Харт и Роберт фон дер Остен подчеркивают, что в Америке человек часто сталкивается с необходимостью выполнять различные виды письменных работ и «письменное слово царит и в студенческой аудитории, и на рабочем месте», а первокурсники американских вузов в обязательном порядке изучают предмет «письменное изложение» или «композиция» [14; 7–8, 16, 19].

Согласно исследованиям Джудит Кадар-Фулоп, письмо расширило интеллектуальные и коммуникационные возможности человека в трех направлениях. Благодаря функции документирования письмо расширило возможности механической памяти человека (например, словари, энциклопедии и т. п.). Благодаря транзактной функции письмо увеличило возможности человека взаимодействовать с другими вне зависимости от расстояния и времени (например, влияние статутного права на общественную жизнь или банковского дела на экономику). Эпистемическая, или интерпретирующая, функция письма расширила идеаторную, или концептоформирующую, способность человека [21]. В обеих письменных культурах – и в восточной, и в западной – эти функции получили свое собственное развитие и трактовку. На наш взгляд, наиболее развитыми аспектами западной письменной культуры являются документирование и транзакция, в то время как в системе восточной письменной коммуникации эти функции недостаточно развиты.

Соответственно, все мыслимые транзакции и операции в западном мире, начиная с составления списка необходимых дел и заключения договора о покупке дома и заканчивая проведением школьных и вузовских экзаменов и заполнением контрактов найма на работу, обязательно выполняются и оформляются в письменной форме. Письмо обслуживает все сферы жизнедеятельности западного человека, поэтому в этой куль-

туре термин «without writing» имеет ярко выраженную негативную коннотацию [23; 171]: индивидуум, ограниченно использующий письменную речь, может считаться неграмотным и/или обладающим низким уровнем образования, а также имеющим низкий социальный статус. На Западе чрезвычайно распространено использование всевозможных письменных списков и таблиц, ведение личных дневников как результат «глубокого проникновения письма в ментальность» [23; 99]. Также нельзя не упомянуть так называемые картотечные или предметные карточки (index cards), без которых не обходится ни один англоговорящий профессионал, студент или любой специалист, имеющий дело с хранением и обработкой информации.

Л. Г. Кузьмина приводит в качестве примера письменного общения в бытовой сфере западного мира известную британскую традицию письменного выражения благодарности, написание поздравительных открыток по самым различным поводам, обращение с письменными запросами в различные инстанции и т. д., которые в современной отечественной культуре заменены общением по телефону. Описывая сферу деловых отношений на Западе, исследователь отмечает, что там принято написание меморандумов с предложением об изменении или улучшении чего-либо; в российском же деловом мире более распространено устное обсуждение вопросов [6; 86–87].

К сожалению, в России многие просто не включены в письменную коммуникацию или задействуют ее настолько мало, что говорить о полном разветвлении всех возможностей письма как средства коммуникации в России не представляется возможным. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, русская культура вследствие ее географического положения находится на перепутье между Западом и Востоком, но в базовых своих чертах тяготеет к Востоку [17]. Устоявшиеся традиции преимущественно устного характера коммуникации – пример одной из таких «восточных» культурных черт российской системы коммуникации.

Анализируя сферу письменной коммуникации в СССР, известный лингвист Э. П. Шубин заметил, что коммуникативные роли неравномерно распределены между членами языкового коллектива. В современном обществе индивиду приходится принимать неизмеримо больший объем информации, чем тот, который он передает сам, причем особенно резко это расхождение проявляется для письменных видов коммуникативной деятельности (сравните объем того, что мы повседневно читаем, с тем, что мы пишем). В письменной коммуникации рецептивные способности среднего индивида во много раз превышают продуктивные, ибо интенсивным продуцированием письменных сообщений занимается (по крайней мере в настоящее время) лишь небольшой процент членов языковых коллективов [20; 26, 172]. Аналогичного мнения придерживается выдающийся ученый-лингвист Е. И. Пассов, который отмечает, что

письменное общение значительно шире распространено в рецептивном плане (чтение) [13; 210]. Если говорить о родном языке в каждодневном употреблении, то мы гораздо больше слушаем, говорим или читаем, чем пишем. Таким образом, письмо не считается приоритетным навыком. Мы полностью поддерживаем мнение Б. С. Мучник о том, что настоятельная потребность в совершенствовании письменной коммуникации постоянно заявляет о себе во многих областях общественной жизни в России [12; 3].

По нашим наблюдениям, среднестатистический россиянин задействует письменную речь гораздо реже, чем англоговорящий индивидуум. Например, до недавнего времени большинство экзаменов в школах и университетах проводились только в устной форме. При приеме на работу от кандидатов также не требовалось владеть письменной коммуникацией – он осуществлялся преимущественно при помощи устных собеседований. Деловые и бизнес-транзакции также обычно осуществлялись в устной форме.

Однако следует заметить, что в последние годы намечилось движение в сторону уменьшения дисбаланса в объеме использования устной и письменной коммуникации. В частности, доказательством данного утверждения может служить тот факт, что в 2000-х годах в Российской Федерации был введен Единый государственный экзамен по многим предметам школьной программы, в котором проверка знаний выпускников осуществляется в основном в письменной форме.

Пренебрежение письменной коммуникацией на родном (русском) языке неизбежно автоматически переносится на письменноречевую деятельность на иностранном (английском) языке. «Большинство людей, владеющих иностранным языком, но проживающих на родине, в основном читают, а не пишут эссе, романы, статьи или критические отзывы на английском языке» [1; 31]. В результате, когда российским специалистам, чиновникам и ученым приходится общаться с представителями западного мира посредством письма, их письменным произведениям не хватает связности, согласованности, а иногда и просто логики. Многие британские и американские университеты испытывают значительные сложности с российскими студентами именно из-за их неумения писать.

В 1966 году Робертом Капланом был введен термин «контрастивная риторика» и положено начало одноименной науке, целью которой является описание различий между письменными стилями и стратегиями представителей различных культур. Р. Каплан определил риторiku как «выбор лингвистических и структурных характеристик дискурса с целью определенного воздействия на (читающую) аудиторию» [24].

Одним из основных педагогических положений контрастивной риторики является то, что различия между риторическими моделями подразумевают различия не между когнитивными

способностями, а между когнитивными стилями. Когда студенты – носители одной письменной культуры не пишут на иностранном языке так же, как их сверстники – носители другой иноязычной письменной культуры, то не следует считать их глупыми или неспособными к «умственным процессам высшего порядка». Им недостает знаний о соответствующих структурах иноязычной культуры, и очень часто они усваивают эти знания так же быстро, как и их сверстники – носители культуры овладевают новым для них учебным предметом [24].

К сожалению, анализ литературы показывает, что на данный момент отсутствуют работы и исследования по контрастивной риторике в русском и английском языках, в то время как существует достаточно большое количество подобных исследований по англо-испанским, англо-арабским, англо-тайским, англо-китайским, англо-японским и другим сравнительно-сопоставительным соответствиям [22; 100–102]. Незавершенность теоретической базы по данному вопросу приводит к проблемам в обучении письменной речи и ошибкам при продуцировании письменных произведений.

В исследованиях по контрастивной риторике С. Скрибнера, М. Коула и С. Б. Хита о связи культуры и письменного дискурса отмечается тот факт, что сами письменные произведения и то, как они используются и воспринимаются, различаются в зависимости от того, к какой культурной группе принадлежит человек. Данное отличие проявляется в двух аспектах: в содержании написанного и в той форме, которая применяется для того, чтобы закодировать данное содержание. Вместе эти два элемента составляют поверхностное проявление культурных различий. Также этими исследователями были выделены три других аспекта письменного дискурса. Во-первых, это функции дискурса (например, металингвистическое использование письменной речи), которые в определенной степени диктуют содержание и форму письменного дискурса. Следующим аспектом, изменяющимся в зависимости от культурной принадлежности пишущего, является когнитивная потребность дискурса, то есть, другими словами, насколько пишущему приходится «изобретать» содержание или форму письменного произведения. Третий компонент дискурса, в котором культурные вариации играют роль, определяется как прагматика дискурса. Письменный дискурс порождается в определенной социальной среде, в которой существуют правила поведения письменной культуры. Очевидно, что эти три переменные величины находятся во взаимодействии и взаимовлиянии [24]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что общие конвенциональные правила письменной речи, как правило, культурно обусловлены.

Л. Г. Кузьмина тщательно исследовала проблему социокультурных различий в письменных текстах на русском и английском языках и выделила основные социокультурные знания, овла-

дение которыми необходимо для формирования письменной речевой компетенции [6; 10]. Мы согласны с мнением ученого в том, что студентам необходимо овладеть, во-первых, знаниями об особенностях менталитета представителей западной и современной отечественной культуры в их отношении к письму и соблюдении речевого и неречевого этикета на письме. Подобные различия обусловлены тем, что партнеры по коммуникации являются представителями различных культур со своими системами ценностей, образом жизни, своими обычаями и традициями, проявляющимися в письменной форме коммуникации. Во-вторых, обучаемым следует владеть информацией о национальной специфике построения англоязычной письменной речи, которая проявляется в строго линейной организации английского письменного дискурса, в отличие от «зигзагообразной» структуры славянского типа. И наконец, студенты должны знать о социокультурных особенностях письменной речи, связанных с различиями при передаче формы письменного текста, принятой в соизучаемых культурах [6; 10].

В свете рассмотрения социокультурных различий письменных произведений небезынтесным является тот факт, что в основе письма на разных языках могут лежать далеко не одинаковые психофизиологические механизмы. Если фонетическое письмо (характерное, например, для русского языка) осуществляется при решающем участии центральных аппаратов акустического анализа (связанных с работой коры височной области), то письмо на других языках, в которых значительно большую роль играют элементы условной, а не фонетической транскрипции (например, английский язык), осуществляется со значительно большим участием иных (в частности, теменно-затылочных) систем [9; 75]. Можно сделать вывод о том, что если уже на психофизиологическом этапе порождения письменного речевого высказывания на русском и английском языках имеются серьезные межъязыковые различия, то на содержательном уровне такие различия будут не просто неизбежны, но и еще более значительными, и этот факт обязательно должен учитываться при разработке методик по формированию письменноречевой компетенции.

Как известно, вопрос о взаимоотношении культур Запада и Востока на данном этапе весьма актуален. Многие ученые ратуют за их сближение, так как справедливо видят в этом путь взаимообогащения и наиболее широкого восприятия существующих проблем [18; 12]. Через многообразие языков нам открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и дейст-

венных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия [4; 349]. Изучая иностранный язык, и в частности его письменную форму, мы не только приобретаем новое средство общения с представителями других стран, но и развиваемся интеллектуально.

В рамках лингвокультурологического подхода Т. Н. Снитко сделала вывод о том, что «западная лингвокультура представляет собой тип *Познание*; восточная лингвокультура представляет собой тип *Понимание*» [15; 35]. Нам представляется, что посредством изучения англоязычной письменноречевой компетенции и овладения ею можно изучить и освоить новую западную модель мышления, интегрироваться в новую образовательную среду, научиться четко и ясно излагать свои мысли, критически оценивать воспринимаемую информацию.

Дихотомия Восток – Запад имеет актуальную силу, способную при взаимопроникновении и взаимообогащении достичь гармонии как в пределах отдельной личности, так и в масштабах мировой культуры, поскольку «общечеловеческая, мировая культура и существует, и будет развиваться лишь как некое органическое взаимодействие многообразия и единства» [10; 134]. Однако Е. В. Борзова совершенно справедливо отмечает, что широко используемая методистами фраза «диалог культур» предполагает развитие у обучаемых «не только готовности воспринимать и понимать чужую культуру, но и вместе с тем готовность быть носителем своей культуры в общении с иностранцами посредством иностранного языка» [2]. Соответственно, изучение другой культуры не означает потерю своей собственной, напротив, понимание другой культуры помогает глубже понять и оценить родную культуру. Использование западных англоязычных письменноречевых стратегий в родном русском языке подразумевает не отказ от письменноречевых традиций своей культуры, а разумную интеграцию и комбинирование приемов и техник обеих письменных культур. Общественная роль письменной речи должна рассматриваться в ее интегративном значении для коммуникации и культуры как внутри, так и между языковыми коллективами [21].

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что расширение международного сотрудничества и развитие сферы информационных технологий привели к необходимости изменения подхода к обучению письменной речи как средству коммуникации, поэтому одной из важных проблем современной лингводидактики является преодоление факторов, мешающих формированию письменной культуры обучаемых, и разработка новых эффективных моделей формирования письменноречевой компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бази́на М. П. Английский язык как учебный предмет и средство общения. М.: ЧеРо, 1999. 112 с.
2. Борзова Е. В. Урок английского языка на старшей ступени средней школы // Современные тенденции в обучении иностранным языкам: Материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. С. 103–104.
3. Городецкая Л. А. Обучение письменной речи и культура общественной полемики: опыт США в российском образовании // Россия и Запад: диалог культур: 3-я междунар. конф. 28–30 ноября 1996 г. М., 1997. С. 146–156.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
5. Жинкин Н. И. Избранные труды. Т. 1. Язык – речь – творчество: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998.
6. Кузьмина Л. Г. Социокультурные аспекты развития иноязычной письменной речи в послевузовском образовании: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 237 с.
7. Кузьмина Л. Г. К вопросу о содержании обучения иноязычной письменной речи в средней школе // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. Вып. 1. С. 95–102.
8. Лагвешкина Г. В. Нужно ли обучать студентов неязыкового вуза письменной речи на иностранном языке? // Иностранные языки в высшей школе. 1987. Вып. 20. С. 79–84.
9. Лурья А. Р. Письмо и Речь. Нейролингвистические исследования. М.: Академия, 2002. 352 с.
10. Мамонтов С. П. Основы культурологии: Учеб. пособие / Ун-т Рос. акад. образования. 2-е изд., доп. М.: Изд-во РОУ, 1996. 271 с.
11. Миролубов А. А. История отечественной методики обучения иностранным языкам. М.: СТУПЕНИ, ИНФРА-М, 2002. 448 с.
12. Мучник Б. С. Человек и текст: основы культуры письменной речи. М.: Книга, 1985. 251 с.
13. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 278 с.
14. Райнкинг Дж. Э. Композиция: шестнадцать уроков для начинающих авторов. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
15. Снитко Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999.
16. Тер-Минасова С. Г. Новые подходы к интенсификации преподавания иностранного языка как средства международного общения // Интеграция университетов России в общемировую систему университетского образования и науки. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 167–175.
17. Тер-Минасова С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 7–16.
18. Фанян Н. Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область. Краснодар, 2000. 234 с.
19. Чуйкова Э. С. Обучение социокультурным особенностям иноязычной письменной речи студентов факультета иностранных языков: На материале дискурсивных эссе: Дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2005. 181 с.
20. Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М.: Просвещение, 1972. 350 с.
21. Kadar-Fulop J. Culture, Writing and Curriculum. Writing Across Languages and Cultures. Issues in Contrastive Rhetoric. Newbury Park, CA: Sage, 1988. P. 25–50.
22. Leki I. Understanding ESL Writers: A Guide for Teachers. Portsmouth, New Hampshire: Boynton / Cook Publishers. 1992. 151 p.
23. Ong Walter J. Orality and Literacy. Routledge, London and New York, 2002.
24. Writing Across Languages and Cultures. Issues in Contrastive Rhetoric / Ed. A. Purves. Newbury Park, CA: Sage, 1988. P. 9–21.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ПАВЛОВ

доцент кафедры социально-политических теорий Института экономики, управления и природопользования, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)
pavloff@aport.ru

О ПРИРОДЕ И МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТОСА

Успешность социальных преобразований зависит от актуализации человеческого потенциала. Этот потенциал имеет форму этосов: исторически сложившихся моральных кодексов и императивов поведения, воплощенных в стилях поведения людей. В условиях глобализации происходит трансформация сложившихся в условиях СССР и образование новых этосов.

Ключевые слова: жизненный мир, этос, социальная система, «колонизация» жизненного мира

Кардинальные преобразования в СССР и в России в конце 80-х – первой половине 90-х годов прошлого столетия не остались без внимания историков, политологов, экономистов, социологов как в России, так и за рубежом. При этом основной акцент в исследованиях делался и делается на изучении структурных макропроцессов в социально-экономической, политической, культурной областях общества как крупной социетальной системы.

В указанный период произошли сбои в механизмах воспроизводства социума. Вместе с разрушением тотальной социетальной Системы под названием СССР произошло разрушение ее базовых элементов: социальных институтов, норм, ценностей. Распад любого общества (не только СССР) обусловлен сдвигами в основных функциональных подсистемах социетального целого (системы) и в социальных структурах и практиках, которые, безусловно, связаны с системой, но не являются ее базовыми элементами. Любое общество не есть лишь социетальная система (в духе Т. Парсонса). Оно включает в себя внесистемные образования, объединенные общим названием «жизненный мир».

Тема жизненного мира достаточно тщательно разработана усилиями А. Шюца [9], П. Бергера, Т. Лукмана [1].

Жизненный мир есть своего рода первичный социальный порядок, который выполняет двойственную функцию. С одной стороны, он есть среда укоренения индивидов в социуме, некий смысловой универсум, определяющий границы реальности человеческого бытия. С другой стороны, жизненный мир участвует в конституировании и воспроизводстве общества в качестве первичного социального порядка.

На наш взгляд, «жизненный мир» обладает не только смысловыми (когнитивными), но также этическими характеристиками. Очевидно, речь идет о «реальной» практической морали, морали переживания, «эмпирической этики чувства» [5; 311]. Иными словами, жизненный мир конституируется как этос.

В переводе с греческого этос (ethos) – обычай, правила поведения. Н. Н. Козлова определяет этос как «неписаный кодекс общепризнанных правил поведения сословия, позволяющий человеку вести себя таким образом, что другие люди признают его поведение достойным» [4; 76].

Понятие этоса не имеет четкого категориального статуса. Чаще всего данное понятие обозначает структуру витальных потребностей (М. Шеллер), исторически сложившиеся социальные нравы (Н. Элиас), стиль жизни (М. Оссовская), практические нормы (М. Пригожин), институциональные императивы, обусловленные природой знания (Р. Мертон). Этос – это естественная совместность бытия-с-другими на основе принимаемых «по умолчанию» правил общежития. Это символическое место, в котором обитает человек [8; 215].

Возможно, определяющий вклад в концептуализацию этоса как социального феномена внес М. Вебер. Немецкий социолог рассматривает этос как определенную ценностную направленность человеческой деятельности. Эта ценностная направленность детерминирована религиозной принадлежностью индивидов, сообществ [2; 44–345].

Главным элементом этоса являются естественные общности, объединяющие людей не столько формальными целями, сколько потребностью находиться вместе. Эта потребность укоренена в сознании людей, вплетена в их жизнедеятельность как неотъемлемая составляющая. Мы рассматриваем этику людей как онтологическую практику, в которой этические ценности выступают непосредственной силой, побуждающей человека действовать определенным образом.

Как справедливо замечает Б. В. Марков, ценности этического человека выступают «не как продукт его желаний, а как предмет стремления, т. е. нечто онтологическое, существующее до и независимо от человека и специфики его ощущений» [5; 311].

Таким образом, этосы – это то, что естественным образом объединяет людей без всяких при-

нуждений и убеждений. Специфика понятия «этос» прежде всего в том, что это конкретно-историческое образование, а не аналитически вычленяемая познавательная модель, «идеальный тип» вроде «социального класса», «сословия», «касты». Органика этосов обусловлена тем, что они не учреждаются кем-то, а формируются самими участниками этической солидарности.

Этосы синкретичны, то есть все структурные элементы этоса не просто тесно взаимосвязаны между собой. Их связь такова, что каждый элемент всегда присутствует в других, укоренен в них. В этосах и их социальной организации нет ничего лишнего. Любой ритуал, любой обычай имеет свой смысл только в координации и соизмерении с другими ритуалами и обычаями (рутинными практиками).

В этосе нет посредничества. Сама личность есть своего рода «институт».

Можно согласиться с М. Маффесоли, который считает стремление людей «держаться вместе» «своего рода способом приспособиться, одомашнить окружающий мир, который в противном случае представлял бы собой угрозу» [6; 278]. Французский философ замечает, что «просто причинность и утилитаризм не могут объяснить склонность людей ко всякого рода объединениям. Несмотря на проявление эгоизма и частных интересов, существует нечто, что их цементирует, обеспечивает их устойчивую преемственность. Возможно, источник этой устойчивости следует искать в общности чувств» [6; 277].

Любой социальный порядок может существовать при наличии определенных ресурсов. Речь идет не только о материальном и властном (институционально-нормативном), но также об онтологическом ресурсе. Мы полагаем, что онтологический ресурс есть ресурс воли и желания большей части членов общества жить в данном обществе, поддерживать, защищать его порядок, поскольку он воспринимается как «их порядок».

«Люди этоса» не просто социальные агенты, проводники чьей-то воли. Они – социальные акторы, творцы собственной жизни. Акторы конституируют способы совместного обитания. Этосы – это естественные образования, имеющие собственную историю, собственные алгоритмы воспроизводства и развития. Важнейшая отличительная особенность этоса как понятия – его антропологическая сущность. Этосы живут постольку, поскольку в индивидах поддерживается некоторая жизненная программа, реализация которой дает возможность аккумулировать и направлять их энергетические, коммуникативные ресурсы.

Этос – сложный гомеостатический комплекс социальных действий, включающий взаимосвязанные структурные элементы.

1. Социальные акторы. Это реальные люди, поддерживающие друг в друге дух солидарности. Их объединяет потребность жить вместе в одном смысловом пространстве, ко-

торое и есть этос. Их побуждает действовать схожим образом не столько внешняя целесообразность и тем более не принудительная сила власти, сколько социокод (идентифицирующая матрица), благодаря которому они включаются в социальные отношения.

2. Этические образцы. Социальные группы, образующие этос, действуют на основе явных или неявных образцов поведения и правил их «прочтения» (социокодов). Например, для этоса буржуа характерны такие образцы действия, как «призвание» и «профессия».
3. Поведенческие комплексы. Этосы представляют собой наборы поведенческих практик, их распределение и упорядочение внутри жизненного пространства. Соответственно, за каждой практикой «закрепляется» свой жизненный локус, а также свое время. Поведенческие комплексы – это процесс первичной институционализации и социализации индивидов, включающий ряд процедур.
4. Посвящение. Посвящение есть процедура вхождения индивида в этическое сообщество, осуществляемая с помощью особых обрядов и ритуалов посвящения – инициаций. Посвящение является частью механизма включенности индивидов в социум. Включенность в этическое (этосное) сообщество означает укорененность в нем, как в своем собственном доме. Индивид становится социальным фактором, для которого все, что происходит в сообществе, является его личным делом.

Презентация и самопрезентация. Индивиды, включенные в сети отношений этоса, стремятся поддерживать друг в друге позитивный образ друг друга и своего «общего дома», корпоративный дух этоса и его членов. Атрибутами презентации и самопрезентации являются мифы, мифообразы, особый стиль поведения в рамках данного сообщества, осуществляемый на основе присущего только данному сообществу этического кодекса.

Координация. В сообществе существует разделяемое всеми его членами знание о том, что может делать каждый. Это знание часто не совпадает с формальными представлениями (например, представителей администрации) о личностных и деловых качествах членов коллектива. Например, назначенные формальные лидеры могут не обладать достаточной силой доверия у группы. И наоборот, неформальные лидеры могут пользоваться полным доверием и поддержкой.

Мобилизация (стимулирование). У мобилизации также два вектора: внутренний (направленный на коллектив) и внешний (направленный на других). Внутренняя мобилизация – создание условий, стимулов для сплоченности этоса. Внешняя мобилизация – сплочение перед вызовами других этосов или социальных институтов.

Формы реагирования этосов на такие вызовы могут быть разными. Это, например, самоизоляция (религиозные секты), бунты, конфронтация

(социальные движения и группы, находящиеся в оппозиции к власти), нетрадиционные формы, стили поведения (неформальные группы, субкультуры), диалог, сотрудничество (национальные диаспоры, сотрудничающие с властями стран, в которых они проживают).

В современном обществе этосы сталкиваются с проблемой «колонизации» их формально-бюрократическими институтами («системой»).

Юрген Хабермас, как известно, концептуализировал проблему «колонизации» бюрократической системой так называемого «жизненного мира» [7]. Жизненный мир – это «внутреннее» общество, имеющее свой взгляд на то, что происходит в социальной организации, которой оно принадлежит. По сути, жизненный мир в такой трактовке и есть этос: естественный миропорядок, воссоздаваемый самими его участниками.

«Колонизация» жизненного мира (этоса) происходит тогда, когда система отделяется, эмансипируется от него. Ее (системы) структуры становятся все более самодостаточными, утрачивая непосредственные живые связи с этическим сообществом. Однако проблема взаимоотношений системы и этоса этим не исчерпывается. Дело в том, что этос также может подменить систему, выполняя несвойственные ему функции. Например, этос в современной российской армии создает внутри себя мощный репрессивный комплекс, так называемую дедовщину. Официальная система оказывается неспособной эффективно противодействовать этой мощи.

Существуют два способа взаимодействия этоса и системы. Первый – когда системные связи возникают как результат естественной сложности (дифференцированности) этоса. Например, ранние христианские общины в процессе длительной эволюции трансформировались в иерархическую церковную организацию. С другой стороны, системные принципы навязываются извне. В таком случае чаще всего происходит внешняя системная «колонизация» – придание

этосу формально-институционального статуса. Пример тому – детские и юношеские организации (пионерская, комсомольская), которые формировались как придаток коммунистической партии в эпоху СССР.

Этосы рождаются, живут и умирают, как люди. Сроки их жизни обусловлены различными причинами. Одни этосы растворяются в «колонируемой» бюрократической Системе. Другие гибнут по причине того, что исчерпался человеческий и ценностный «мобилизационный» ресурс: нет людей, которые поддерживали бы «огонь жизни» в этосах, нет идеалов, которые цементировали бы этическую жизнь сообщества.

В динамике этосов в современном российском обществе можно выделить некоторые тенденции.

1. Разрушение традиционных этосов. Сегодня традиционные ландшафты разрушаются. Одна из причин – процессы глобализации и урбанизации, сопровождаемые разрушением традиционных укладов, включая деревенские, оттоком из деревни молодежи, старением населения, упадком традиционных ценностей, народной культуры.
2. Образование виртуальных этосов. Виртуальные этосы – прямое следствие внедрения Интернета в повседневную жизнь людей. Интернет образует множество виртуальных миров. Режим «on line» становится стилем жизни многих миллионов людей, прежде всего молодежи.
3. Динамика этосов в последние годы явно приобретает субкультурный профиль. Различные слои общества «замыкаются» в субкультурные объединения (группировки, диаспоры, секты). Благодаря субкультурам индивиды (прежде всего молодежь) стремятся восполнить, компенсировать дефицит социальной идентификации. Часто это происходит в брутальных деструктивных формах (скинхеды, религиозные секты).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996. 278 с.
4. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология: Учебник. М.: Ключ, 1998. 186 с.
5. Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Лань, 1997. 382 с.
6. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-логос. М.: Прогресс, 1991.
7. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Весна. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 448 с.
9. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕЛИС

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и его истории филологического факультета, Удмуртский государственный университет
elena-lelis@mail.ru

РАЗНЫЕ ВИДЫ ПОДТЕКСТА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»

На основе филологического толкования рассказа А. П. Чехова «Студент» прослеживается процесс формирования подтекста. Особое внимание уделено взаимодействию разных видов подтекста в художественном произведении как эстетическом целом.

Ключевые слова: подтекст, виды подтекста, художественное произведение как эстетическое целое, идиостиль

Восприятие литературного текста как эстетического целого – сложный процесс. Он представляет собой постижение читателем художественного мира автора через «мир текста» и соотнесение его с «собственным миром» [1; 107]. В этом процессе основополагающую роль играет подтекст, вслед за Л. А. Голяковой мы определяем его как «скрытый личностный смысл, который актуализируется в сознании воспринимающего текст благодаря направленному ассоциативному процессу воздействия лингвистического контекста на ассоциативный потенциал личности» [4; 85].

Смысл художественного текста как эстетического целого эксплицируется с помощью разных средств: сюжетообразующих, нарративных, композиционных, жанровых, через систему образов, художественную деталь и т. д. Но определяющую роль в формировании многоплановости и смысловой емкости художественного произведения играет языковой уровень текста.

В состав языкового материала, формирующего подтекст, входят звуковые, интонационные, ритмические, лексические и грамматические единицы, которые в проекции на целостность художественного текста приобретают статус эстетически значимых и тем самым открывают путь к глубинному смыслу. Соположенность системных связей в сильных позициях текста, контактный или дистантный повтор, столкновение противоположных по смысловому или эмоциональному заряду языковых единиц в пределах узкого или широкого лингвистического контекста порождают ассоциативно-смысловое и эмотивное поля воздействия, которые оформляются в подтекст.

В поэтике Чехова тончайшим образом уравниваются разнородные компоненты. Эту идиостилевую черту художника отмечали многие исследователи. М. М. Гиршман пишет: «Не сложность и прерывистая расчлененность, а, напротив, цельность и плавность речевого единства выходят в нем на первый план» [2; 203]. На эту особенность чеховского идиостиля указывал и

Л. Н. Толстой: «Его язык – это необычайный язык. Я помню, когда я его в первый раз начал читать, он мне показался каким-то странным, “нескладным”, но как только я вчитался, так этот язык захватил меня. Да, именно благодаря этой “нескладности”, или, не знаю, как это назвать, он захватывает необычайно. И точно без всякой воли вашей, вкладывает вам в душу прекрасные художественные образы... Его язык удивителен... Смотришь, как человек будто бы без всякого разбора мажет красками, какие попадутся ему под руку, и никакого как будто отношения эти мазки между собою не имеют. Но отходишь на некоторое расстояние, посмотришь, и в общем намечается цельное впечатление. Перед вами яркая, неотразимая картина природы... Он странный писатель: бросает слова как будто некстати, а между тем все у него живет» (цит. по [3; 98]).

Гармония разнородных компонентов характеризует и рассказ «Студент». В небольшом по объему произведении тонко и по-музыкальному точно уравниваются все эмоционально-смысловые и структурно-композиционные составляющие, формируя, с одной стороны, эстетическую целостность произведения, с другой – динамическую глубину его восприятия.

Рассказ был написан Чеховым в марте 1894 года в Ялте и через месяц напечатан в «Русских ведомостях» под названием «Вечером». И хотя при своем первом появлении он вызвал лишь единичные отклики, сразу был воспринят как дань жанру пасхального рассказа. Действительно, для осмысления мировоззренческой глубины этого рассказа, который сам Чехов любил больше всего, необходима отсылка к фоновым знаниям, играющим в филологическом толковании роль пресуппозиции.

Жанр пасхального рассказа, как известно, на протяжении долгого времени в русской литературе был достаточно популярным. Пасхальные рассказы писали Н. С. Лесков, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, Ф. К. Сологуб, И. С. Шмелев и многие другие. Среди произведений этого жанра

есть и признанные шедевры русской и мировой литературы: «Мужик Марей» Ф. М. Достоевского, «После бала» Л. Н. Толстого, «Легкое дыхание» И. А. Бунина. Поскольку пасхальный рассказ призван напомнить читателю евангельские истины, в качестве его обязательных признаков выделяются приуроченность времени действия к пасхальному циклу праздников и «душеспасительное» содержание. Как правило, его сюжеты – духовное перерождение, восстановление человека, прощение во имя спасения души, воскрешение «мертвых душ».

Все это в рассказе Чехова есть. Но есть и другое, позволившее уже современникам считать его поворотным пунктом, началом нового периода в творчестве писателя. Новизна эта заключалась в перемене миросозерцания автора: Чехов «вступил на путь аналитической проверки тех широких обобщений и принятых “норм” общественной и индивидуальной жизни, которые были выработаны предшествовавшими поколениями» [7; т. 8; 505].

Надо сказать, что «Студент» не единственный у Чехова пасхальный рассказ. Ранее были написаны «Верба», «Вор» (1883), «Святою ночью» (1886), «Письмо», «Казак», «На страстной неделе» (1886). После «Студента» появился «Архиерей» (1902). Первый из пасхальных рассказов писателя откровенно назидателен. Но уже в «Воре» А. П. Чехов «попытался отойти от жанрово-стилистических штампов, найти свой повествовательный тон» [6], который впоследствии только усиливался. Поэтому сегодня рассказ «Студент» можно рассматривать как произведение, обогатившее жанр.

В «Студенте» воплотились идиостилевые черты зрелого Чехова: интерес к личности, ощущение драматизма жизни, бессобытийность, в которой внешний сюжет заменен внутренним (автора интересуют «подробности чувств» главного героя), композиционная стройность, открытый финал, повествование «в духе» и «в тоне» героя, преобладание несобственно-прямой речи, точно выверенная расстановка композиционно значимых слов, музыкальность фразы, тщательно подобранные, объединенные и согласованные друг с другом словесные образы – все то, что способствует экспликации подтекста.

Для художественного мира рассказа важно, что в нем практически отсутствует мотивировка происходящего, а сюжетное движение представляет собой ассоциативный поток сознания главного героя – Ивана Великопольского. Психологическое состояние героя реализуется в двух стержневых мотивах, заявленных в самом начале рассказа и пронизывающих эмоционально-смысловую ткань текста. Это мотивы *тепла* – *холода*, *света* – *мрака*. Сложное взаимодействие этих мотивов организует эмоционально-смысловое пространство текста, формируя разные виды подтекста в их диалектическом единстве и многообразии, в перетекании одного в

другой: *смысловой* – *эмотивный, текстуальный* – *интертекстуальный, авторский* – *читательский, вербализованный* – *невербализованный* и др.

Эмотивный подтекст сопровождает движение внутреннего сюжета и в контексте художественного целого проявляет свойства энергетического центра, на который проецируются эстетические векторы других видов подтекста. При этом образ автора и образы героев – фигуры не равновеликие. Они обуславливают эмоционально-смысловую многозначность содержания текста, в том числе и его подтекстового среза: уровень героя дает возможность интерпретировать мир отдельного человеческого сознания; позиция автора раскрывается как намерение воздействовать на мир и преобразовывать его.

«Студент» – это рассказ о том, как восторженная, согревшаяся *теплом* любви, понимания и прощения душа главного героя Ивана Великопольского заставляет его не замечать *холода*, ощутить высокий смысл человеческой жизни, преодолеть растерянность и отчаяние, а *отсвет* костра, у которого грел руки апостол Петр, так же, как и *свет* раннего весеннего утра накануне Пасхи, прогоняет *мрачные* мысли и сомнения, даря веру в добро и красоту.

Рассказ начинается с нестройного звучания параллельно развивающихся эмотивно-настраивающих мелодий, которые эксплицируют внутреннюю растерянность и неуравновешенность состояния главного героя – студента духовной академии: «Погода вначале была *хорошая, тихая*. Кричали дрозды, и по соседству в болотах *что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку*. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе *раскатисто и весело*. Но когда *стемнело* в лесу, *некстати* подул с востока *холодный, пронизывающий* ветер, все *смолкло*. По лужам *протянулись* *ледяные иглы*, и стало в лесу *неуютно, глухо и нелюдно*. Запахло зимой» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 306].

Начало текста, отмеченное разными формами внутренней симметрии, задает ритм и эмоциональную напряженность всему рассказу. Наиболее отчетливо эта внутренняя симметрия проявляется на лексическом уровне, продуцируя противопоставление двух ассоциативно-смысловых полей, актуализирующих семы *жизни* и *смерти*: *что-то живое жалобно гудело, кричали дрозды, протянул один вальдшнеп, прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело – стемнело, некстати подул... холодный, пронизывающий ветер, все смолкло, стало в лесу неуютно, глухо и нелюдно*.

Две темы создаются и переплетением в абзаце двух различных ритмов. Ритмико-синтаксические особенности начала рассказа обуславливают не только смысловые, но и эмотивные векторы. На это первым обратил внимание М. М. Гиршман: «С одной стороны, – отмечает исследователь, – это

последовательное развертывание, расширение ритмической амплитуды с вершиной в наиболее «светлом» и протяженном фразовом компоненте: «...и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело». С другой стороны, этому противостоит все большее уменьшение ритмических единств в развертывании трех последних фраз, нагнетающих «ледяную» семантику, вплоть до последней фразы абзаца, самой короткой, с ударным обобщающим завершением: «Запахло зимой»» (курсив мой. – Е. Л.) [2; 206].

Поддерживая развитие двух параллельно развивающихся мотивов, эмоциональная напряженность сохраняется и во втором абзаце рассказа, передающем ощущение Ивана Великопольского зыбкости всего сущего и бессмысленности усилий обрести морально-нравственную точку опоры. По сравнению с началом рассказа меняется речевой регистр: на смену авторской приходит несобственно-прямая речь героя. Автор предоставляет Ивану Великопольскому самому расставлять эмотивно-смысловые акценты, трижды подчеркнув обособленность «точки зрения» героя: «Ему казалось, что...», «Студент вспомнил, что...», «студент думал о том, что...»

Тем временем холод и мрак для Ивана Великопольского стали физически ощутимы: «У него заоченели пальцы и разгорелось от ветра лицо. Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 306].

Природная дисгармония легко проникает во внутренний мир героя, смущенного потерей этико-мировоззренческой опоры, и становится знаком его душевной смуты. Показательно, что для автора неважны ее причины, его интересует только ставшее – то состояние, в котором находятся мир и герой. В структурно-смысловом отношении второй абзац рассказа – точка отсчета для внутреннего сюжета – возрождения души молодого человека, усомнившегося в Боге. Ведь, будучи студентом духовной академии, в Страстную пятницу, предполагавшую не только самое строгое соблюдение Поста, но и вообще отказ от еды, он возвращается с тяги – с охоты, которая в контексте актуализации религиозного календаря приобретает статус убийства.

Холод, мрак, пронизывающий ветер, необходимость далекого пешего пути ночью, как и мысль о том, что дома по случаю Страстной пятницы ничего не варили, и чувство голода определили настроение героя. Его самопогруженность, неясность мыслей и противоречивость чувств передают объемные синтаксические конструкции и протяженность абзаца. Эмотивно-смысловые переключки реализуют мотивы холода и тьмы и выдвигают в качестве композиционно значимой тему одиночества: *холод – все сплошь утонуло в холодной вечерней мгле – по-*

жимаясь от холода; вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо – кругом было пустынно и как-то особенно мрачно – мрак. Ощущение одиночества нарастает. Оно воспроизводится **невербализуемым подтекстом**, формируемым лабиализованными ударными и безударными звуками, графически обозначенными буквами О – Ё – У – Ю:

«ЧтО-то живОе жалобно гУдело, тОчно дУло в пУстУЮ бУтылкУ» (в первом абзаце) [7; т. 10; 306];

«И теперь, пожимаясь от хОлода, стУдент дУмал о тОм, что тОчно такОй же ветер дУл и при РЮрике, и при ИОанне ГрОзном, и при Петре, и что при них была тОчно такая же лЮтая бедность, гОлод, такие же дырявые солОменные крыши, невежество, тоска, такая же пУстыня крУгом, мрак, чУство гнЁта, – все эти Ужасы были, есть и бУдут, и оттогО, что пройДёт ещЁ тысяча лет, жизнь не станет лУчше» (во втором абзаце) [7; т. 10; 306].

Обилие лабиализованных гласных создает эмоциональное напряжение. Звуковой образ завышающего ветра рождает щемящие чувства неприкаянности и бездомья.

В сознании героя раздвигаются границы времени и пространства, и два временных плана – прошлое и настоящее – обретают статус сосуществующих во множестве переплетений, моделируя будущее и заряжая его эмоционально. Как заключительный аккорд размышлений Ивана Великопольского звучит эмотивно-вялое, модально-пассивное: «И ему не хотелось домой», – фраза, концептуальная не только в номинативном, но и в обобщенно-символическом значении, если учесть, что, с точки зрения религиозного сознания, мир – это божий дом, а отказ героя от дома может быть расценен как беззаконие и грех.

Но «точка зрения» героя на мир и на связь прошлого с настоящим кардинально меняется после встречи у костра и разговора с Василисой и Лукерьей – единственного события, происходящего в рассказе на срезе настоящего. Рассказ Ивана Великопольского о невольном предательстве Петра служит толчком для неожиданного и ошеломляющего духовного прозрения героя. В семантическом пространстве текста с его мотивами *света – тьмы, холода – тепла* слово *костер* обретает статус ключевого словообраза, проецирующего события девятнадцативековой давности на настоящее. Благодаря ему связь времен и событий становится предметно-зримой:

«– Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, – сказал студент, протягивая к огню руки. – Значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 307].

Восприятие обобщенно-символического значения слова *костер* в контексте художественного целого подготавливается ассоциативно – через использование слов с семантикой *света* и *теп-*

ла, противостоящих *мгле* и *холоду*, и через рассредоточенный повтор слова *костер* и его контекстуального синонима *огонь* в проекции на два события: встречу со вдовами и библейскую историю о Петре.

Сначала, выходя из леса на заливной луг, Иван Великопольский в пустынной и мрачной ночи увидел, что «только на вдовьих огородах около реки *светился огонь*; далеко же кругом и там, где была деревня, версты за четыре, *все сплошь утопало в холодной вечерней мгле*» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 306]. Далекий свет костра – единственная путеводная «звезда» для героя, точка притяжения во тьме и холоде долгого пути.

В следующем абзаце меняется масштаб повествования: студент подходит к костру. Детали укрупняются, вблизи все видится выпуклее и зримее: «*Костер горел жарко, с треском, освещая* далеко кругом вспаханную землю. Вдова Василиса, высокая, пухлая старуха в мужском полушубке, стояла возле и в раздумье глядела *на огонь*; ее дочь Лукерья, маленькая, рябая, с глуповатым лицом, сидела на земле и мыла котел и ложки. Очевидно, только что отужинали. Слышались мужские голоса; это здешние работники на реке поили лошадей» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 306–307].

Стоя у жарко горящего костра и грея руки, студент «посмотрел кругом *на потемки*», видимо, от холода и внутреннего напряжения, «судорожно встряхнул головой» и стал вслух вспоминать историю Петра. Интересно употребление предлога *на* вместо предполагающегося *в*: выйдя из ночи, озаренный светом костра, студент интуитивно ощущает себя «вне *тьмы*».

Показательно, что, рассказывая, студент не только непосредственно передает сюжет библейской истории, но и подробно описывает всю предысторию отречения Петра и делает это искренне, взволнованно. Для него крайне важна внутренняя мотивировка произошедшего. Иван Великопольский глубоко сочувствует Петру, на это указывают многочисленные эмоционально-оценочные слова и лексическое обозначение физического и психологического состояния апостола: «*бедный Петр истомился душой, ослабел*», «Петр, *изнеможенный, замученный тоской и тревогой*, понимаешь ли, *не выпавшийся, предчувствуя*, что вот-вот на земле произойдет *что-то ужасное*, шел след... Он *страстно, без памяти любил* Иисуса, и теперь видел издали, как его били...» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 307–308].

Далее следует подробный рассказ о том, как «развели среди двора *огонь*, потому что *было холодно, и грелись*», как Петр, испугавшись подозрительных и суровых взглядов работников, *гревшихся у огня*, трижды отрекся от Иисуса, а когда в третий раз запел петух, вспомнил слова, которые тот сказал ему на вечера: «Вспомнил, очнулся, пошел со двора и *горько-горько заплакал*. В евангелии сказано: “И исшед вон, *плакался горько*”. Воображаю: тихий-тихий, *темный-*

темный сад, и в тишине едва слышатся *глухие рыдания...*» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 308].

В поле зрения студента снова оказывается эмотивно-смысловое противопоставление *света* и *тьмы*. Прямая отсылка к тексту Евангелия является стимулом к формированию *интертекстуального подтекста*, поскольку в эстетическом пространстве Евангелия от Иоанна *свет* и *тьма* образуют устойчивый эмотивно-смысловой мотив, лежащий в основе символических противопоставлений. (В этой переключке символическую многоплановость приобретает и имя главного героя – Иван, отсылающее читателя как к апостолу Иоанну Богослову, так и к мысли о самом простом русском имени.) В первой главе Евангелия говорится, что Слово было вначале, в нем «была жизнь» и «жизнь была *свет* человека»; «И *свет во тьме светит*, и *тьма* не объяла его» (Иоанн, 1:5). «Был *Свет* истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Иоанн, 1:9). «*Свет истинный*» – это Иисус Христос, который, обращаясь к народу, говорит: «Я *свет* миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить *во тьме*, но будет иметь *свет жизни*» (курсив мой. – Е. Л.) (Иоанн, 8:12).

Тема учения, которое есть «свет миру», получает развитие в Первом соборном послании: «Кто любит брата своего, тот пребывает *во свете*, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится *во тьме*, и *во тьме* сходит, и не знает, куда идет, потому что *тьма* ослепила ему глаза» (курсив мой. – Е. Л.) (1-е Посл. Иоанна, 2:10–11).

Интертекстуальный контекст расширяет эстетические возможности слова *костер*, придавая ему символическое значение. Костер – рубеж для героя: он идет на свет костра одним человеком, а уходит другим.

На значимость лексико-семантического уровня в формировании смысловой глубины текста и его эмотивно-смысловых акцентов указывал и А. С. Собенников: «Слова “огонь”, “свет” и их производные употреблены автором десять раз, а “мрак”, “темнота”, т. е. “тьма” – семь раз. Если учесть, что “Студент” – один из самых лаконичных рассказов Чехова, то символы “света” и “тьмы” поистине становятся смысловым центром чеховского шедевра» [6]. И далее: «В контексте чеховского пасхального рассказа “тьма” – мир, не просветленный светом Христова учения. Поэтому путь Ивана Великопольского от “тьмы” к “свету” – это путь от ненависти к любви, от одиночества и чувства потерянности в мире к людям, от бездомности к дому» [6].

Такой вывод вполне органично вытекает из филологического толкования рассказа. Отметим только, что, на наш взгляд, глубина чеховского текста дает возможность считать, что рассказ ставит перед читателем нравственно-этические проблемы в масштабе гораздо более широком, чем вера и безверие.

На первый взгляд, студент духовной академии, готовящийся к службе Богу, должен был бы противостоять вдовам, крестьянкам Василисе и Лукерье. Здесь оказывается важной этимология слова «студент»: от латинского слова *studens* (*studentis*) – «усердно работающий, занимающийся» [5; 613]. Вдовы, хотя и ходили на службу («– Небось, была на двенадцати евангелиях?» – Была, – ответила Василиса»), в Страстную пятницу не отказываются от еды (когда студент подходил к костру, Лукерья мыла котел и ложки), а значит, по мнению людей глубоко религиозных, вера их недостаточно глубока.

Но спасают «заблудшего» студента именно эти женщины. Толчком к его внутреннему возрождению служит эмоциональная реакция слушательниц, а не факт рассказа об отречении Петра. Ведь сам рассказ у костра убеждал вовсе не в том, что в событиях Страстной пятницы направляющую роль играли *правда* и *красота*, а скорее – в прямо противоположном: *правда* и *красота* всегда были жертвами жестокой и непреложной необходимости, проявления человеческой слабости, ошибки, невольного предательства. Но вопреки этому внезапно обретенный новый взгляд Ивана Великопольского на свою собственную жизнь и на историческую жизнь человечества полон радости и надежды. Мысль о правде и красоте, всегда направлявших человеческую жизнь, сильным аккордом звучит в финале рассказа, невольно возвращая читателя к его началу – названию. Теперь оно воспринимается читателем на новом смысловом уровне: молодому студенту еще многому придется научиться у окружающих его людей, в том числе силе сострадания и чувству душевного родства со всем миром.

Глубина страданий Петра остро ощущается слушательницами: Петр «горько-горько заплакал», и Василиса *заплакала*. Повтор глагола – одно из звеньев «цепи», связывающей два сюжетобразующих события рассказа.

«Продолжая улыбаться, Василиса *вдруг* всхлинула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы *стыдясь своих слез*, и Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который *сдерживает сильную боль*» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 308].

Это слово через лексический повтор трижды возвращает сознание самого Ивана Великопольского к тому, что происходило у костра на вдовьих огородах. Мысль о том, почему заплакала Василиса, не будет давать ему покоя: «Теперь студент думал о Василисе: если она *заплакала*, то...» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 308].

Далее: «Студент опять подумал, что если Василиса *заплакала*, а ее дочь смутилась, то...» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 308–309].

«Если старуха *заплакала*, то...» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 309].

Слезы героини – это знак внутреннего очищения, неуничтожимого стремления к правде и красоте, того, что женщины – Василиса и Лукерья – не впали в грех уныния и отчаяния, а сохранили живую душу. Слезы – знак того, что непосредственная связь времен: настоящего и того, «что происходило девятнадцать веков назад», осознается Василисой и Лукерьей глубоко эмоционально. Они видят в апостоле Петре своего брата, глубоко переживают за него, сострадают ему. *Со-страдание* и есть та *цепь*, которая не знает ни временных, ни пространственных преград и может быть точкой опоры для каждого из нас. Именно о ней думает Иван Великопольский в конце рассказа, когда мысли об одиночестве отступают и студент осмысляет себя как одного из многих, кто, возможно, мучился теми же сомнениями и так же искал путь из тьмы к свету: «Прошное, думал он, связано с настоящим непрерывною *цепью* событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой *цепи*: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 309].

Если же обратить внимание на то, что из всех персонажей, оказавшихся у костра на вдовьих огородах, плачет только Василиса – пожилая женщина, мать, то открывается еще один смысловой пласт: слезы матери (в том числе и в христианской символике) всегда были символом любви и неизбывной боли.

Отсюда перебрасывается ассоциативный мостик к внутреннему состоянию Ивана Великопольского. Он возвращался домой с неохотой (вспомним начало рассказа: «И ему *не хотелось* домой»), но после встречи со вдовами неосознанно воспринял свою деревню уже не как *пустынную*, а как *родную*, переправился на пароме через реку (деталь, рождающая ассоциацию с возможностью внутреннего перерождения), поднялся в гору (глубоко символично, поскольку речь идет о духовном росте героя) и по-новому осмыслил жизнь – свою и других людей. Чувство одиночества отступило. Гармония мира восстановлена. Поэтому *одинокий огонь* на вдовьих огородах теперь Ивану Великопольскому видится *спокойно* мигающим на жестоком ветре.

Высокие эмоциональные ноты финала рассказа связаны с использованием ключевых слов текста *правда* и *красота*, через эмотивную и смысловую призму которых ретроспективно просматривается весь эксплицитно и имплицитно явленный смысл произведения. Рассказ заканчивается описанием того, о чем думал Иван Великопольский: «*Правда* и *красота*, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только 22 года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинст-

венного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (курсив мой. – Е. Л.) [7; т. 10; 309].

Но у Чехова не бывает однозначных финалов, и победа правды и красоты для читателя не столь очевидна, если он умеет видеть в структуре чеховского повествования знаки подтекстного разведения «точки зрения» героя и «точки зрения» автора. В этом ракурсе толкования текста **авторский** и **читательский подтексты** наиболее ярко проявляют себя как личностно-значимые смыслы.

В финале рассказа студентом овладели светлые мысли, и даже узкая полоса холодной багровой зари не омрачила его вдохновенного состояния. Эта фраза важна с точки зрения лексических перекличек двух стержневых мотивов рассказа: слово, представляющее мотив *мрака и холода*, оказывается в кольцевом окружении слов противоположной эмоционально-смысловой направленности. Звучит здесь и отзвук *холодной вечерней мглы* второго абзаца. Тревожно звенит и цветовая нота как знак еще предстоящих испытаний и мук.

Автор дистанцируется от «точки зрения» студента с помощью несобственно-прямой речи: «думал о том, что»; вводного слова с допускающе-вероятностным значением «*по-видимому*» и модального глагола «*казалась*»; включения вставной конструкции с указанием на возраст студента и с контекстуально важной ограничительной частицей *только*: «...ему было *только* 22

года». Текст не содержит прямого указания на то, что для студента это внутреннее состояние станет устойчивой опорой на долгое время.

Но скепсис зрелого автора мягок: рассказ заканчивается на высокой эмоциональной ноте, реализуемой через обилие открытых гласных: *пРАвда и красОта, направлЯвшие, тАм, продолжАлись, днЯ, всегДА составляли гЛАвное, слАдкое ожидАние сЧАстья, овладеВАли им МАло-помАлу*, ряд однородных членов: «Жизнь казалась ему *восхитительной, чудесной и полной высокого смысла*». Лирически выраженное чувство надежды эксплицируется в музыкальной гармонии фразы, которая создается повторяемостью союза *и* в пределах последнего абзаца; трехчленностью конструкции, объединяющей однородные ритмико-синтаксические единицы. Лексический повтор слова *счастье* в контексте художественного целого вместе со словами *правда* и *красота* приобретает композиционно значимый смысл, устремленный в пространство текста и за его пределы. Мотив пути – из *тьмы* в *свет* – в чеховской поэтике не подразумевает простого и одновременного достижения цели.

Таким образом, разные виды подтекста формируют смысловую многоплановость художественного целого. Они образуют сложную систему взаимопроникающих и взаимодополняющих структур – объемных, открытых и эксплицирующих глубинные смыслы, которые актуализируются в процессе филологического толкования текста.

Эстетика настроения в чеховском рассказе, явленная через экспликацию подтекстовых смыслов, выступает в роли идиостилевой черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В. П. Психолингвистические апекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988. 127 с.
2. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 367 с.
3. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Гослитиздат, 1959. 487 с.
4. Голякова Л. А. Текст. Контекст. Подтекст. Пермь: Пермский ун-т, 2002. 231 с.
5. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003. 784 с.
6. Собенников А. С. «Между “есть бог” и “нет бога”...» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovo.isu.ru/chekhov_christ.html (дата обращения: 15.04.09).
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

УДК 398

САБИНА РУДОЛЬФОВНА НЕДБАЙЛИК

кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка факультета иностранных языков, Карельская государственная педагогическая академия
13torch@mail.ru

АНАТОЛИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ СТИХИН

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавских языков филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
stychin@mail.ru

ВАДИМ ОЛЕГОВИЧ ПАВЛОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков, Карельская государственная педагогическая академия
pavlov@mail.ru

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТСУБСТАНТИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СКРЕПОВ В ДИСКУРСНО-ТЕКСТОВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (на материале современных английского и французского языков)

Отсубстантивные комплексы являются одним из наиболее значимых, широко используемых и экспрессивных средств осуществления синтаксических связей на межсентенциальном уровне во всех жанрово-стилевых разновидностях современных английского и французского языков. Эти многосоставные группы известны как союзные эквиваленты, обладающие широким семантическим потенциалом и функциональной вариативностью, а также тесными признаковыми связями с первичными, отнаренными и другими типами коннекторов.

Ключевые слова: отсубстантивный коннектор, дискурс, функциональная интеграция, (меж)сентенциальный уровень, категориальное поле, окказиональный, узуализованный, функциональная синонимизация

Одним из наиболее интересных, неоднозначно трактуемых в англистике и романистике, недостаточно разработанных как на теоретическом, так и на практическом уровнях вопросов является проблема функционально-семантического статуса отсубстантивных союзных эквивалентов, используемых в качестве синтаксических скрепов на сентенциальном и межсентенциальном уровнях в дискурс-текстах различных функциональных стилей современных английского и французского языков. Сама актуальность данной проблематики не вызывает никаких сомнений, поскольку именно отыменные коннекторы являются самым функционально значимым, широко и всесторонне задействованным классом языковых единиц, несущим на себе основную, весомую нагрузку при построении как устных, так и письменных высказываний. Это объясняется мобильностью и динамизмом их изначальных признаковых свойств, широтой их категориальной семантики, высокой степенью выраженности релятивного компонента в общем семантическом комплексе.

Многосоставность и разнотипность этой группы элементов предопределяет большие возможности их задействования в качестве союзных аналогов в разнообъемных синтаксических структурах. Причем диапазон варьирования их семантико-функциональных и морфологических

свойств может быть самым различным, что зависит от целого ряда факторов, к которым относится прежде всего частотность их «союзного» употребления в нестандартных дистрибуциях, обуславливающая степень их окказиональности/узализованности. Например, устойчивые выражения типа «in case of, in order that, for fear (that)» (англ. яз.); «en effet, par suite, de sorte, par raison, de façon» (франц. яз.) зачастую проявляют наибольшую степень модифицирования своих первоначальных признако-характеристик и интегрирования с союзами как таковыми при использовании их в качестве связующих элементов в сложноподчиненных предложениях с придаточными разного типа (условия, уступки, цели, следствия и т. д.):

1. Right now in case she had been fit enough, she would have liked to leave at once without informing anybody... [1; 128].
2. If only her father had been like this on the early days, perhaps things might not have worked out as they did [7; 39].
3. Les artistes-interprètes se solidarisent des personnels de la production O.R.T. en lutte, par suite 3000 étudiants ont manifesté hier á Paris l'appel de l' U.N.E.F. [2; 45].
4. En été ses parents sont arrivés á Moscou comme toujours, donc il devait changer d'appartement et déménager au banlieu [4; 185].

Сравнительный анализ данных примеров вполне наглядно показывает полную смысловую эквивалентность и возможность взаимозаменяемости коннекторов в первом, втором, третьем и четвертом случаях, что свидетельствует об их функционально-семантической интеграции и синонимии. Практически полная морфологическая неизменяемость предложно-субстантивных сочетаний данного типа, неприятие ими артикля, устойчивость их структуры, предполагающая невозможность включения в их состав каких-либо дополнительных элементов, однозначность их значения подтверждают не только их значительное сходство с так называемыми «чистыми» союзами, но и узализованность их «служебно-го» употребления в языке.

Однако если сравнить приведенные выше предложно-субстантивные сочетания с наречно-субстантивными выражениями, имеющими менее фиксированный состав и более свободную структуру («on condition that, despite the fact, notwithstanding the fact, regardless of the fact» и т. д. (англ. яз.); «malgré le fait que, à condition que» и т. д. (франц. яз.)), различия в их функционально-семантических проявлениях становятся вполне очевидными:

5. He decided to finish his work in the office despite the fact that he was out of schedule already, lagging behind other guys... [1; 195].
6. We thought both of us that he would leave the idea of joint venture, though great efforts were spared on this... [7; 130].
7. Les photos ont été transmises de Moscou à Paris malgré le fait que les rediffusions n'étaient pas une pratique normale de la T.V. [2; 18].
8. Les résultats du travail avaient assez satisfaisants bien que leurs efforts ne fussent que minimaux... [2; 27].

Нетрудно заметить, что союзные сочетания в сложных предложениях (5, 7) отличаются от коннекторов в примерах (6, 8) не только своим внешним составом, но и семантикой, включающей, наряду с семой «уступительности», составляющей их основное значение, явно выраженное лексическое значение субстантивов «fact/fait» как стержневых компонентов. В то же время явная функциональная эквивалентность и возможность взаимозаменяемости данных слов-связок вполне очевидны, что свидетельствует об их признаковой интеграции. Такая емкость семантического потенциала, то есть способность вмещать два и более значений и, соответственно, быть членами одновременно нескольких функционально-синонимических рядов, объясняется широтой исходной семантики существительных – смысловых центров, на базе которых они были созданы. Вполне понятно, что именно это качество и обеспечивает возможность их широкого использования на межсентенциальном уровне, то есть для связи целых предложений, комплексов и фраз. Например:

9. They used that version rather widely by the author's will. On condition that no semantic and

lexical modifications are made, it was admitted as a poetry for reciting and... [6; 19].

10. L'auto n'était pas revenue. Il a décidé de la chercher chez ses amis à condition que quelqu'un le suivait... [4; 154].

Способность к оформляемости артиклем, сочетаемости с предлогом и определением, а также к падежному управлению в английском языке, большая конкретность лексического значения выгодно отличают эти субстантивные коннекторы от так называемых «чистых» союзов, интегрирующих с ними по общей семантике. Возможность использования данных сочетаний и комплексов в роли обстоятельств в присоединяемых ими фразах и предложениях, их мобильность в составе синтаксических структур свидетельствуют об их гибридности и синкретичности, то есть об отсутствии полного перехода в «союзное» качество.

Интегрируясь по своему функционально-семантическому наполнению с союзными наречиями такой же семантики («nevertheless, however, yet, still, when, though» (англ. яз.); «partant, quand, comment» и т. д. (франц. яз.)), они не могут быть формализованы в такой же мере даже в случае узализованного «союзного» употребления, переходя в иное категориальное функционально-семантическое поле крайне медленно и постепенно. Сравним:

11. At the very moment the crowd began to flow out of the stadium tribunes, loud sounds of music filled the space... [7; 106].
12. When students are emerged into learning of classics they shouldn't be distracted by tiny reasons... [1; 194].
13. Au moment ils ont vu la figure sombre dans la rue, ils pensaient que tout était déjà perdu... [4; 174].
14. Quand l'orloge de la ville a sonné le midi, tous les passants se sont arrêtés dans la place... [4; 185].

Возможность взаимозаменяемости связующих элементов в этих примерах (11, 12 и 13, 14) и, соответственно, их функциональная синонимичность очевидны, что определяется релятивностью исходной семантики составляющих в первом случае (11, 13) коннекторы слов «moment/moment» так же, как и им подобных («time, place, fact, reason, cause, minute, second» (англ. яз.); «le temps, la raison, le fait, la place, la minute, la seconde» (франц. яз.)). Это делает возможным не только окказиональное, но и узализованное их функционирование в виде функционально-семантических эквивалентов «чистых» союзов в рамках широкого фразового, текстового и узкого, сентенциального контекста. Сравним:

15. The very moment they saw a vague shadow on the wall... a loud and sharp cry pierced the darkness [1; 173].
16. By the right day he started his diary, a new figure appeared at the horizon... [7; 194].
17. The chief refused to send his approval on the ground that the contract was not concluded properly [3; 182].

18. They could hardly come to the end of their work even in the last decade of May for the reason that some of the details were not prepared in time... [5; 191].
19. They couldn't wind up promptly enough, as it was difficult to summarize the data obtained... [5; 128].
20. Since the crowd of people was disappearing little by little, the noise of cars and human voices was becoming more and more indistinct [5; 137].
21. Les enfants pouvaient à peine marcher par la vraie raison ils se sentaient épuisés et fameux... [2; 18].
22. Tous les détails semblaient assez clairs pour lui parce qu'ils avaient été déjà discutés auparavant... [4; 185].
23. Au juste moment qu'il a avancé vers la colonne, les gens en vêtement noir ont commencé à tirer... [4; 196].

Сравнив коннекторы в вышеприведенных примерах на предмет их функционально-семантических различий, можно сделать вывод о большей/меньшей степени лексичности их значений. Так, если условно поместить их в один ряд по степени возрастания грамматичности / убывания лексичности, то становится очевидным, что наибольшую степень лексичности семантики проявляют английское предложно-субстантивное сочетание «on the ground that» и французское выражение «par la vraie raison»,

причем сема «причинности», содержащаяся в общем комплексе их значения, обусловлена ярко выраженной релятивностью ядра сочетаний – субстантивных элементов «ground», «raison», их лексическим наполнением. Способность к сочетанию с союзами «that», «que» является признаком несамодостаточности их союзного употребления, отсутствия полного функционального сдвига семантики в сторону конъюнктики. На последнем же месте в этом условном ряду градации лексико-грамматических признаков стоят подчинительные союзы «since», «parce que».

Вышеприведенный анализ вполне наглядно иллюстрирует положение различных языковых элементов в составе функционально-семантических полей «союзности»/«субстантивности», а также в очередной раз свидетельствует о постоянных тенденциях языковой системы к синонимизации и нейтрализации категориальных различий между элементами, о ее больших потенциальных трансформационных возможностях, равно как и о постоянных миграционных процессах, имеющих в ней место. Естественно, что отсубстантивные коннекторы как английского, так и французского современных языков во всей их неоднородной массе образуют свое отдельное микрополе в общей иерархической, многоступенчатой полевой структуре «союзности», тяготеющее к ее периферийной зоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fardon Thomas. Crome Yellow. L.: Ltd. publishers, 1986.
2. Humanite Dimanche. P., 2009. № 4, 5, 6, 7.
3. Karton B. Carefully. It may fall. L.: G&M, 1985.
4. Mollet K. La faute commune. P.: Colette ed., 2008.
5. Pasmaj J. Dalton Gang. L.: Ltd. publishers, 1988.
6. Times. L., 2008. № 4, 5.
7. Wilt M. Lady in the Tower. N. Y.: Mark & Spenser, 1997.

УДК 398 (47)

ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА УРЕНСКАЯ

преподаватель кафедры русского языка филологического
факультета, Петрозаводский государственный университет
divali1@ya.ru

ПРОБЛЕМА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОДЫ

В статье рассматриваются разные способы передачи имен собственных «Калевалы» на русский язык: транслитерация, перевод, практическая транскрипция; выделяются критерии разграничения имени собственного и нарицательного в эпосе.

Ключевые слова: «Калевала», контекст, перевод, оригинал, имена собственные и нарицательные, концепт

К настоящему времени накопилось много литературы о «Калевале», которая и сегодня остается в центре внимания фольклористов, этнографов и лингвистов. Однако работ, посвященных именам собственным «Калевалы», явно недостаточно. Как правило, ученые упоминают о них, когда характеризуют персонажей. При этом проблема границы ономастической номинации эпических героев не освещалась. В частности, не поднимался вопрос о том, что же считать именем собственным в эпическом тексте. В процессе изучения оригинала «Калевалы» на финском языке и переводов на русский язык было обнаружено, что ее персонажи обозначены то именами собственными, то именами нарицательными. Видимо, это объясняется тем, что Элиас Лённрот записывал песни от рунопевцев, которые не разграничивали имена собственные и нарицательные в фольклорном тексте. Переводчики при передаче имен на русский язык также не всегда учитывают функции имени в эпосе.

Однако принципы номинации представляются нам важными как в оригинале, так и в переводах: от того, как пишется имя героя, зависит восприятие его роли и значимости в эпосе читателем. Если имя написано со строчной буквы, то и персонаж утрачивает индивидуальность, свой статус участника главных эпических событий, становится предметом из класса себе подобных, ничем не выделяясь среди остальных. Важно

отметить, что принципы номинации в фольклорных текстах при переводе сложно строго подвести под общие правила русской орфографии, так как *имя функционирует в эпическом контексте*, который порой устанавливает свои принципы употребления имен героев.

Задача настоящей статьи – выявить значимость имени собственного в эпическом тексте, критерии разграничения имени собственного и нарицательного в «Калевале». При этом берется во внимание контекстуальное окружение имени и функции персонажей в тексте, их локальное положение, мифологическое происхождение.

Материалом для исследования послужил перечень имен собственных, предложенный в ономастическом указателе З. К. Тарланова [8; 191–224], а также указатель имен Э. Г. Карху [5; 380–382]. Объектом исследования стали оригинал и переводы «Калевалы» на русский язык (Л. Бельского, а также новый перевод Э. Киуру и А. Мишина). Наличие нескольких переводов на русский язык – это ценный опыт для различного рода исследований в области фольклористики, литературоведения, лингвистики и, в частности, ономастики.

В процессе анализа имен собственных указанных переводов было обнаружено отсутствие единства их передачи на русский язык разными переводчиками (см. таблицу), которые используют следующие методы:

Имена персонажей, имеющих мифологическое происхождение

Оригинал, записанный Э. Лённротом	Перевод Бельского (ред. Петтинен, изд. 1985 года)	Рекомендуемое написание имени собственного	Перевод Э. Киуру, А. Мишина (изд. 2001 года)	Рекомендуемое написание имени собственного
Kuutar	дева Месяца	Дева Месяца	Кутар	Дева Лета
Päivätär	дочь Солнца	Дочь Солнца	Пяйвятар, хозяйка Солнца	Дева Теплых Дней
Suutar	дочь Лета	Дочь Лета	дева лета	Дева Сосен
Etelätär	дочь Юга	Дочь Юга	дева теплых дней	Дева Вереска
Hongatar	дочь Елочек	Дочь Елочек	дева сосен	Дева Рябины
Katajatar	дочь Можжевельника	Дочь Можжевельника	дева вереска	Дочь Черемухи
Pihlajatar	дочь Рябины	Дочь Рябины	дева рябины	
Tuometar	дочь Черемухи	Дочь Черемухи	дочь черемухи	

- *перевод*, при котором передается значение имени персонажа, например: Päivätär – Дочь Солнца (пер. Бельского);
- *трансфонирование* (термин В. М. Аристовой) [1; 9] – метод, который заключается в том, что иностранные имена пишутся так, как произносятся на языке оригинала. Таким образом, максимально сохраняется фонетический принцип. Например, Тиэра (другое имя Куры), Алуэ. Передача на письме дифтонгов [-иэ]; [-уэ];
- *транслитерация* – побуквенная передача имен собственных, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы [2; 67]. Этот способ преобладает в передаче эпических имен собственных «Калевалы» на русский язык: Kyl-likki – Кюллики, Aino – Айно, Ahto – Ахто.

В данном случае функцию имен выполняют сочетания слов, которые лексикализировались в условиях контекста. Следовательно, необходимо в обоих переводах писать каждый компонент имен типа Дочь Елочек, Дева Сосен с прописной буквы, так как эти имена являются концептами культуры, включающими в себя мифологические представления народа о духах, живущих в деревьях. По словам Д. С. Лихачева, «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [7; 4]. Таким образом, чем больше культурный опыт народа, тем богаче концептосфера национального языка. В рассматриваемых именах отразился культурный опыт народа, который одновременно является информационным сгустком, образующим вместе с другими именами-концептами единую языковую картину мира. Эти имена содержат в концентрированной форме экстралингвистические данные, в частности сведения о верованиях финно-угорских народов – почитании деревьев, представлениях о том, что в растениях живут духи. Поклонение деревьям играло важную роль у многих народов [10; 129]. Языческие культы проводились в священных рощах. Считалось, что одушевленные деревья обладают предельной чувствительностью, поэтому их нельзя было срубить без острой необходимости, иначе это оборачивалось для человека большой бедой. Если все же требовалось срубить дерево, проводился специальный ритуал, знания о котором принадлежали избранным людям. По словам Дж. Дж. Фрэзера, «деревья, принимаемые за одушевленные существа, наделяются способностью вызывать дождь, сияние солнца, размножение стад» [10; 139]. Рассмотрим XXXII руну «Калевалы». Э. Лённрот включил в нее фрагмент заговора скота: супруга Ильмаринена, обращаясь к верховному богу Укко, просит его о том, чтобы деревья (raju – ива, pihlaja – рябина, leppä – ольха, tuomi – черемуха, руна XXXII) помогли пригнать стада обратно домой.

Однако только те растения, в которых обитают духи-хозяева, обладают магической силой, способной хранить и приумножить стада:

85 *Hongatar, hyvä emäntä,
Katajatar, kaunis neiti,
Pihlajatar, piika pieni,
Tuometar, tytär Tapion.*
(оригинал, зап. Э. Лённротом)

85 *нет стройнее девы сосен,
девы вереска – красивой,
нет милее дев рябины,
дев черемухи чудесней.*
(пер. Э. Куру, А. Мишина)

85 *Ты, дочь елочек, хозяйка,
Можжевельника дочь, прелесть.
Дочь рябины ты, малютка,
Дочь черемухи – дочь леса.*
(пер. Л. Бельского)

Итак, одухотворенные деревья в эпическом контексте являются мифологическими персонажами, каждый из которых носит свое имя: Hongatar, Katajatar, Pihlajatar, Tuometar. Это соответствует и денотирующей функции имени в эпическом тексте – обозначение именем конкретного персонажа в целях его индивидуализации. Кроме того, данные имена имеют мифологическое происхождение, то есть являются мифонимами. Приведем верное наблюдение О. А. Черепановой: «...характеризующая функция является едва ли не основной для мифонимов. Своей языковой или внеязыковой мотивацией имя вскрывает сущность мифологического персонажа, обнаруживает те или иные его черты» [9; 77]. Таким образом, данные мифонимы-концепты содержат в свернутом виде мифологические представления народа, формирующие языковую картину мира «Калевалы».

Как мы видим, в цитируемом фрагменте XXXII руны представлен не один мифологический объект. Дается перечисление целого ряда древесных духов. Они имеют женский пол, на что указывает не только контекст («hyvā emäntä», «kaunis neiti» и др.), но и формальный показатель имен – суффикс -tar/-tär, довольно распространенный при образовании женских имен в «Калевале». Как уже говорилось, в рамках эпического контекста эти духи являются персонажами, поэтому должны индивидуализироваться при помощи имен собственных, которые в данном случае восходят к названиям са-к-раль-ных деревьев: Hongatar ← honka (‘сосна’) + tar; Katajatar ← kataja (‘можжевельник’) + tar; Pihlajatar ← pihlaja (‘рябина’) + tar; Tuometar ← tuomi (‘черемуха’) + tar. По словам Д. В. Бубриха, «этот суффикс восходит к слову tyttäre-, или в номинативе tytär – “дочь”» [3; 106]. Исследователь В. Я. Евсеев приводит в подтверждение варианты рун, записанных в XIX веке, отмечая при этом, что «наряду с постоянно встречающимся именем хозяйки солнечной горы Паййвелы – Паййватар, иногда вместо суффикса -tär появляется первоначальное слово -tytär “дочь”» [4; 285]:

*Päivan tytär hyvä emäntä.
Дочь Пяйвы – хорошая хозяйка.*

Сравним, как передается данное имя в выбранных нами для анализа переводах:

*Tuo Kuutar, korea impi,
neiti Päivätär pätevä.
(оригинал, зап. Э. Лённротом)*

*Кутар, месяца хозяйка,
Пяйвятар, хозяйка Солнца.
(пер. Э. Киуру, А. Мишина)*

*Дочь Луны, красotka дева,
И прекрасная дочь Солнца.
(пер. Л. Бельского)*

В переводе Э. Киуру и А. Мишина имена Kuutar и Päivätär транслитерируются на русский язык и пишутся с прописной буквы, что соответствует репрезентативной функции имени собственного в эпическом тексте. Концептуальное содержание имен раскрывается в контексте, и это помогает читателю понять сущность данных героев, их локальную принадлежность к небесной сфере. Способ транслитерации имен в переводе на русский язык представляется нам наиболее подходящим в данном случае, так как имена передаются в той форме, в которой они существуют в языке оригинала «Калевалы».

Однако использование данного метода Э. Киуру и А. Мишиным не является постоянным. Например, в руне XLVIII: 131–134 персонажи Kuutar и Päivätär переводятся сочетаниями, состоящими из имен нарицательных («дева луны», «дева солнца»), несмотря на то, что в оригинале имена персонажей пишутся с прописной буквы:

*131 minä annan liinapaian,
panen aivan aivinaisen
se on Kuuttaren kutoma,
Päivättären kehreämä.*

*131 Я рубашку дам льняную,
полотняную сорочку,
что луны скроила дева,
ладно сшила дева солнца.*

Таким образом, в переводах «Калевалы» на русский язык не всегда соблюдается последовательность передачи имен собственных. Можно выделить несколько важных критериев разграничения имени собственного и нарицательного в эпическом тексте: если имена нарицательные являются обобщенными названиями однородных предметов, то имена собственные отличаются большим объемом заложенной в них информации, являются культурными носителями, другими словами – именами-концептами, концентрирующими в себе различные сведения, например мифологические представления народа о природе и мироздании, компоненты национальной культуры, этническую самобытность. Следовательно, имена-концепты формируют языковую картину мира народа. Важно также отметить, что имя в эпическом тексте индивидуализирует и выделяет персонажа среди остальных, характеризует с разных сторон: указывает на происхождение, локальную привязанность героя, его функции в сюжете. Можно предположить, что от того, с какой буквы пишется имя героя, зависит и восприятие его читателем: как имя эпизодического героя, часть эпического фона, или как полноценного по своим эпическим функциям персонажа, на которого стоит обратить внимание. Вместе с тем благодаря именам героев ярче запоминается и сюжет той или иной руны «Калевалы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты: Англизмы в русском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 251 с.
2. Бондаренко А. В., Галактионов В. А., Герасименко А. А., Елкин С. В., Мусатов А. М., Клышинский Э. С., Слезкина О. Ю. Автоматизация процесса транскрипции для задачи многоязыковой передачи имен собственных // Известия РАН. Теория и системы управления. 2004. № 6. С. 67–73.
3. Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 187 с.
4. Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР [Ленингр. отделение], 1960. Т. 2. 384 с.
5. Калевала. Карело-финский народный эпос / Пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 380–382.
6. Лённрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Пер. Э. Киуру, А. Мишина. Изд. 3-е, дораб. Петрозаводск: Карелия, 2001. 538 с.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
8. Тарланов З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск, 2002. 241 с.
9. Черепанова О. А. Роль имени собственного в мифологической лексике // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1983. С. 74–84.
10. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

УДК 821.161.1.09

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАРАСОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
nsova74@mail.ru

НОВОЕ ИМЯ В ЧЕРНОВЫХ НАБРОСКАХ К «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1877 ГОД Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье представлен комментарий к не публиковавшейся ранее записи Ф. М. Достоевского, содержащей имя собственное, не включенное в круг биографических и литературоведческих источников, связанных с творчеством данного писателя. Установленное имя позволяет пояснить смысл художественно-публицистических рассуждений Достоевского в черновом и печатном тексте «Дневника писателя».

Ключевые слова: текстология, поэтика, творчество Достоевского

По мысли Е. Л. Гинзбурга, «имя собственное оказывается приметой текста, носителем памяти словесной культуры – в той мере, разумеется, в коей оно насыщено смыслами текста, или, что то же, участвует в построении смысла этого текста» [13; 307]. В рукописном тексте «Дневника писателя» имена собственные, а в ряде случаев – и нарицательные, являются теми семантическими знаками, через которые определяется литературный, исторический, философско-религиозный контекст избранной автором темы. Имена и названия, таким образом, важны для понимания творческой истории произведения, которая, по словам Н. К. Пиксанова, «начинается, когда возникает первый его замысел, и кончается, когда поэт наложил последний штрих на его текст» [22; 68].

Новое имя, не указанное в справочных изданиях о Достоевском и не получившее комментария, обнаруживается в черновых заметках к «Дневнику писателя» 1877 года.

В публикации сентябрьских набросков пропущена короткая запись, имеющая значение для развития авторской мысли. Приведем вариант Полного собрания сочинений Достоевского (с учетом контекста):

«Правда, случилось нечто обратное. Не люди оборачиваются в слизняков.

Слизняки. Не слизняков обратил.

– Посмотрите на народ, он спокоен и уверенно ждет.

– Народ ничего не понимает» [14; Т. 26, 186].

В автографе записи сделаны по-другому (рис. 1):

«Правда случилось нечто обратное. Не люди оборачиваются в слизняковъ.

Слизняки. Не слизняковъ обратилъ.

– Вацлихъ.

– Посмотрите на народъ, онъ спокоенъ и увѣренно ждётъ.

– Народъ ничего не понимаетъ» (РГБ. Ф. 93. I. 2. 14/8. Л. 1 об.).

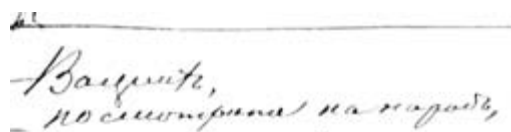

Рис. 1

В печати пропущено имя «Вацлихъ» и нет информации о том, что записи разделены чертой.

Набросок относится к сентябрьскому выпуску «Дневника писателя» (гл. 2, § II). В этом тексте обратим внимание на следующее суждение:

«...и у нас в России (по примеру Европы. – Н. Т.) заговорили иные о каких-то неожиданных национальных силах, которые вдруг проявила Турция. <...> В Европе случилось то же самое, что произошло в поврежденном уме Дон-Кихота, но лишь в форме обратной, хотя сущность факта совершенно та же: тот, чтоб спасти истину, выдумал людей с телами слизняков, эти же, чтоб спасти свою основную мечту, столь их утешающую, о ничтожности и бессилии России, – сделали из настоящего уже слизняка организм человеческий, одарив его плотью и кровью, духовною силою и здоровьем» [14; Т. 26, 27–28].

Здесь Достоевский касается темы «любви к туркам», о которой уже писал в предшествующих выпусках «Дневника», см. очерки «Любители турок» – выпуск за май – июнь, гл. 4; «Сотрясение Левина...» – выпуск за июль – август, гл. 3.

В. Е. Багно отметил вслед за М. де Гевара и С. Г. Бочаровым [7; 103], что сцена между Дон-Кихотом и его оруженосцем (§ I гл. 2 сентябрьской книжки «Дневника»), где вражеские армии сравниваются со слизняками, червями и пауками, «является совершенно самостоятельным произведением русского писателя, столь же самостоятельным, как например “Сцена из Фауста” Пушкина» [4; 127], см. также [1], [2], [3], [5], [15], [18], [19], [23]. Как поясняет этот эпизод Т. В. Захарова, здесь «автор “Дневника писателя” в размышлении о тайнах человеческой

природы отталкивается от ситуации недоумения и сомнения Дон-Кихота по поводу реальной возможности одному рыцарю уничтожить сто-тысячную армию врагов и разрешения этого сомнения путем выдуманной версии волшебного и нечистого характера такой армии» [15; 69]. В. Е. Багно подчеркивает, что «Достоевский, скорее всего сознательно, разработал и углубил те стороны сервантесовского образа, которые оказались ему необходимы как для развития собственных соображений о взаимоотношении фантастического и реального в жизни и в искусстве, так и для подкрепления некоторых своих политических взглядов» [4; 132]. В связи с проблематикой исследования нас особенно интересует отмеченный аспект в разработке образа Дон-Кихота. В. Е. Багно указывает на тематическую параллель в февральском номере «Дневника писателя» 1877 год (§ IV гл. 1): «В главе “Меттернихи и Дон-Кихоты” Достоевский раскрывает свое понимание назначения и судьбы России, сравнивая ее с Дон-Кихотом, но с Дон-Кихотом обновленным, у которого есть уже и “гений”, и “новое слово”, который “осмыслил свое положение в Европе и не пойдет уже сражаться с мельницами”...» [4; 134].

Дополним эти наблюдения. В февральской книжке «Дневника» в указанном параграфе содержится следующее высказывание:

«В самом деле: в Европе кричат о “русских захватах, о русском коварстве”, но единственно лишь, чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами крикуны отнюдь тому не верят, да и никогда не верили. Напротив, их смущает теперь и страшит, в образе России, скорее нечто правдивое, нечто слишком уж бескорыстное, честное, гнушающееся и захватом и взяткой. <...> Одну Россию ничем не прельстишь на неправый союз, никакой ценой. А так как Россия в то же время страшно сильна и организм ее очевидно растет и мужает не по дням, а по часам, что отлично хорошо понимают и видят в Европе (хотя подчас и кричат, что колосс расшатан), – то как же им не бояться?» [14; Т. 25, 49].

В сентябрьском выпуске высказана сходная мысль:

«Пусть они кричат у себя о “позорной слабости России как военной державы”, вопреки свидетельству десятков их же корреспондентов с самого поля войны, удивлявшихся боевой способности, рыцарской стойкости и высочайшей дисциплине русского солдата и офицера... Но вообразить только, что к ним дошло бы самое полное, точное и истинное сведение о всей силе духа, чувства и непоколебимой веры народа русского в справедливость великого дела, за которое обнажил меч государь его, и в несомненное торжество этого дела, рано или поздно! Вообразить, что в Европе поняли наконец, что война эта для России есть национальная война в высшей степени и что народ наш вовсе не мертвая и бездушная масса, как они всегда представляют его

себе, а могущественный и сознающий свое могущество организм, сплоченный весь как один человек и нераздельный сердцем и волею с своею армиею, – о, какой бы страх и какое повсеместное волнение возбудило бы у них это сведение!» [14; Т. 26, 28].

Приведенные суждения позволяют соотнести черновые записи, разделенные чертой: в набросках сначала говорится об удивительных метаморфозах в европейском сознании, превращающих «слизняков» в «людей»; затем автор переходит к народной теме, открывая ее именем «Вацлихъ», – в окончательном тексте имя исчезает, но сохраняются некоторые мысли (цитированные выше), несомненно, связанные с этим именем.

Сведений о названном человеке не так много и, кроме того, они противоречивы. Например, в справочнике С. А. Венгерова отмечено, что Вацлих (более распространенный вариант имени – Вацлик) помещал статьи в газете «Голос» [12; 202], а в алфавитном списке имен сотрудников «Голоса», составленном А. А. Краевским, о Вацлике нет никаких упоминаний [29]. Второй пример: известно, что Вацлик был военным корреспондентом, но в одном из самых насыщенных фактической информацией изданий о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов также нет сведений об этом человеке, хотя приводится подробный список русских и иностранных корреспондентов с перечислением газет и журналов, в которых эти авторы сотрудничали [20]. Информация о Вацлике содержится в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [26], в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова [12], в «Научном словаре» Ф. Л. Ригера [28], в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова [17]. Вацлику посвящена песня на болгарском языке [27].

Достоевский, судя по графологическим характеристикам приведенного наброска, пишет имя «Вацликъ» через «х» – возможно, следуя своему произношению данного имени. Впрочем, особенности написания имени могут указывать на источник (публикацию Вацлика, может быть, иноязычную) – так, словарь С. А. Венгерова сообщает, что Вацлик печатался «по-немецки в “St.-Petersburger Herold”». Вместе с тем он писал корреспонденции из Петербурга в чешские газеты “Národ”, “Pokrok”, “Glos Národa”, “Národní Listy”, “Politik”, в “Гласе Црнгорца” и др.» [12; 202]. Однако следует учитывать, что иноязычные имена собственные Достоевский обычно воспроизводил на языке первоисточника, поэтому вполне вероятно, что в данном случае следует все же вести речь об особенностях произношения имени, а не написания.

Из названных источников мы узнаем, что Ян (Иван Яковлевич) Вацлик (15 июня 1830 – ?) – это чешский политик и публицист, который в

1850-е годы выступал в защиту Черногории от турок, в конце 1850-х годов был статс-секретарем иностранных дел при князе Данииле Черногорском, после смерти князя в 1860 году продолжал дипломатическую службу. В 1868 году Вацлик поселился в Петербурге и стал публиковаться в русской периодике, был военным корреспондентом в экспедиции М. Д. Скобелева в Коканд и Памир в 1875–1876 годах, во время Русско-турецкой войны как корреспондент выезжал в Болгарию. Основная тема его публикаций – Восточный вопрос.

В 1877 году о Вацлике писала газета «Голос» в обзоре литературы о Балканах: «По поводу претензий, заявленных Англией и Турцией против Черногории на пресловутой парижской конференции 1856 года, явились новые сочинения о Черногории, именно: чеха Вацлика, секретаря князя Даниила, под заглавием “*La souveraineté de Monténégro*”, 1858, и немецкого барона Рейнсберга-Дюрингсфельда “Монтенегро”, 1858 (17-я тетрадь издания “*Unsere Zeit*”). <...> Нововышедшие сочинения значительным образом дополняют и исправляют те сведения о стране и народе, которыми могла располагать до последнего времени Западная Европа в своих суждениях о Черногории и в отношениях к ней» [21; 1].

В связи с записью Достоевского интерес представляют публикации Вацлика в журналах «Заря» и «Нива». О знакомстве Достоевского с данными статьями может свидетельствовать то, что оба журнала имелись в библиотеке писателя (известны сведения об отдельных номерах «Зари» за 1871–1872 годы и «Нивы» за 1875 год). По сообщению составителей издания «Библиотека Ф. М. Достоевского», «начиная с № 1 1870 г. “Заря” высылалась Д. во Флоренцию и Дрезден (см.: *ПСС*, 29₁, 11, 170 и др.). <...> Свидетельством работы писателя для журнала является неосуществленный замысел: “План для рассказа (в “Зарю”)” (1869), а также опубликованный в 1870 г. (№ 1, 2) рассказ “Вечный муж”» [6; 203]. Обращение Достоевского к публикациям, вышедшим до «Дневника писателя», но актуальным для автора в период подготовки «Дневника», – довольно обычный факт. Другой пример – найденная нами запись о «Житии Святителя Тихона Задонского» в редакции Крестного календаря за 1867 год, сделанная Достоевским на полях чернового автографа к «Дневнику писателя» 1876 года (см. [24]).

В «Заре» за 1870 год напечатаны три обзора Вацлика под названием «Славянская летопись за 1869 год», освещающие положение дел в славянских странах – Черногории, Сербии, Болгарии, Чехии и др. – и политические отношения славян с европейскими державами, прежде всего Австро-Венгрией, Италией и Германией [8], [9], [10]. Несомненно, интерес Достоевского к выступлениям Вацлика объясняется не только обращением обоих авторов к Восточному вопросу, но и тематическим сходством рассуждений.

Вацлик, как и Достоевский, говоря о ситуации на Балканах, особое внимание уделяет *народной теме*, обосновывая при этом идею политической независимости славян от европейских государств, претендующих на мировое господство. Так, оценивая происходящее в родной ему Чехии, Вацлик замечает: «Вся жестокая борьба чешского народа против разных многообразных и многочисленных правительственных систем Габсбургской монархии заключается в борьбе за *государственное право чешской короны*. Мы не хотим на этом месте излагать основы государственного чешского права, но все-таки должны обратить по крайней мере внимание на протесты чешской нации против нарушения этих прав со стороны Венских централизаторов от имени габсбургских владык, которые со своей стороны допускали это. Из этого нашим читателям будет более понятна продолжительная, неуступчивая и крутая, хотя нравственная только, борьба за народное право славянской державы в сердце Европы, прежде столь славной» [10; 258]. Как считают историки, «важное место в идеологическом арсенале чешского национального движения занимали австрославизм и русофильство»: австрославизм имел политическую мотивацию – «с падением Австрийской империи все народы могли бы стать объектом экспансии сильных соседних держав»; русофильство «проявлялось в надеждах на помощь со стороны России (разных кругов русского общества) чешскому освободительному движению – помощь моральную и, возможно, когда-нибудь политическую» [25; 80]. При этом «одним из компонентов идеологии национального движения оставалась идея славянской общности (взаимности, сотрудничества, сближения славянских народов). Эта идея закрепились в национальном самосознании чешского народа в конце XVIII – начале XIX в., находя основания в близости языка, происхождения, в определенной мере исторических судеб и культуры чехов и других славян» [25; 79].

Второе сходство между суждениями Достоевского в «Дневнике писателя» и Вацлика в названных статьях состоит в том, что оба автора обращаются к *религиозной теме* в контексте политической. Повествуя о жизни славянских народов, Вацлик стремится показать русским читателям не только государственное, но духовное становление славян на основе православной культуры: «В церковном отношении можно заметить только то, что табор (митинг) в Малине, на котором участвовали и священники, принял резолюцию *полной реформы чешской церкви*, решил возвратиться к синодам и к славянским первоучителям св. Кириллу и Мефодию, чтобы возобновлением славянского языка при богослужении приблизиться к основанию народной церкви и к остальным братьям-Славянам. <...> Однако церковное сближение Славян, столь желательное во многих отношениях для Чехов, не осуществится до тех пор, пока в столице Чехии

не будет православного храма. Но и это искреннее желание Чехов должно скоро удовлетвориться» [10; 271].

Не менее важна еще одна публикация Вацлика в журнале «Нива» за тот же год – «культурный очерк» «Чехославяне» [11]. В этой работе представлены размышления об историческом прошлом Чехии (публикации Вацлика в русской периодике, несомненно, одной из целей имели ознакомление читателей с историей и культурой Чехии) – и вновь в контексте *народной темы*. Автор говорит о Средневековье, когда в Чехии утвердились немецкое господство и католицизм: «Чехия представляла тогда самую жалкую страну! Язык чешский заменен был латинским и немецким, университет был закрыт, чешские книги (как еретические) переданы пламени...» [11; 103]. В очерке возникает историческая параллель: чехи в пору германско-римского владычества и нынешние славяне под гнетом турок. По мнению публициста, воздействие иной религиозной и национальной среды ведет к уничтожению самобытной духовной жизни в стране. Однако именно в этой ситуации, грозящей, казалось бы, исторической катастрофой, народ остается хранителем духовных ценностей – мысль, действительно близкая к суждениям Достоевского в «Дневнике писателя». У Вацлика: «Как и во всех странах опустошенных, плененных, погрязших под ноги чуждого владычества, но нравственно не завоеванных высшею идеею, так и в Чехии, в тысяче глухих уголков, под соломенными сельскими крышами было пристанище, куда прибегли остатки народной жизни чешского народа, устранившего в то время от всякой политической деятельности. <...> У этих порабожденных страдальцев сохранилась искра богатейшего наследия народного чешского гения – чешская народная песня, чешская сказка, повесть и чешская пословица» [11; 104]. По мысли автора, культурные и религиозные (православные) традиции, хранимые в народе, позволили Чехии преодолеть исторические невзгоды и восстановить единство нации [11; 104–105]. Несомненно, эти суждения соотносимы с ситуацией в славянском мире и в самой России: именно народ, который «спокоен и уверенно ждет», представляется Достоевскому главной духовной силой. В окончательном тексте политическая тема соединяется с литературной – через образ Дон-Кихота.

Этот образ связан с идеей рыцарского служения человечеству, в «Дневнике писателя» обретающей конкретно-исторический и вместе с тем религиозно-философский смысл. Дон-Кихот, как было замечено, есть воплощение России [4; 134]. Кроме того, по определению Т. В. Захаровой, «Дон-Кихот в воспроизведении Достоевского – воплощение предельного высшего типа красоты человека и человеческой природы и обозначает высшее свойство “исторической жизнедеятельности” человечества» [15; 70]. При

этом идеализм и вера героя противопоставлены рационализму и ложной мудрости: неслучайно говорится о том, что Дон-Кихот умер, когда «излечился от своего помешательства и поумнел» [14; 26, 26]. Отметим основные значения темы премудрости и образа мудрецов в «Дневнике писателя» 1877 года.

В январском выпуске, в строках о Фоме Данилове – солдате, который мученически погиб, но сохранил верность христианству, «премудрые» предстают как отрицатели, не верящие в духовную силу русского народа:

«Да ведь это, так сказать, – эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ее, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства» [14; Т. 25, 14].

Понятие «эмблема» становится здесь указанием на знаковую образность героя: в рабочей тетради Достоевского за 1876–1877 годы обнаруживаем подтверждение этой идеи – изображение православного креста (рис. 2), символически объединяющего Фому Данилова с близкими ему, в понимании автора, литературными типами:

«О томъ, какъ великая идея передается такимъ душамъ, которыя, по-видимому, и подозревать невозможно, что они заняты высшими идеями жизни: Фома, мученикъ, Власъ, Жанъ-Вальжанъ» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 16. Л. 174).

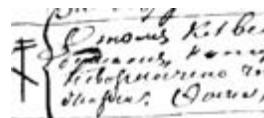

Рис. 2

Фома Данилов определяется не только как «эмблема России», но как символ христианской России.

В апрельском выпуске образ «премудрых» связан с темой неверия в «обновляющий и воскрешающий» смысл объявленной Россией войны в защиту славян [14; Т. 25, 94]. В другом случае говорится о «мудрецах», которые распространяют превратное мнение о России в европейском обществе:

«И, само собою, они слушали одних лишь “премудрых и разумных” наших. Народную силу, народный дух все проглядели, и облетела Европу весть, что гибнет Россия, что ничто Россия, ничто была, ничто и есть и в ничто обратится» [14; Т. 25, 97].

В рассказе «Сон смешного человека» (апрельский «Дневник») «премудрость» соотносится с позитивистскими идеями, которые подвергаются критике:

«Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни. Наука даст нам премудрость, премуд-

рость откроет законы, а знание законов счастья – выше счастья» [14; Т. 25, 116].

В «Дневнике писателя» за май – июнь трижды встречается прописная форма слова «премудрость» (что не отражено в печатном тексте). Достоевский употребляет слово в противоположном смысле: здесь «Премудрость» («высшая Премудрость» – РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 153, 159, 162, черновой автограф; ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 32, 36 об., 39 об., наборная рукопись, список А. Г. Достоевской) – это ироничное авторское определение российской и европейской дипломатии, неспособной верно оценить роль России в мировой истории [14; Т. 25, 144, 147, 150]. Интересна правка текста в наборной рукописи за май – июнь:

«...другой вопрос, несравненно простѣйшій и естественнѣйшій, но на который, именно потому что онъ такъ простъ и естественъ, люди [м]/М/удр[ые по преимуществу]/ости/ и не обращаютъ почти никакого вниманія» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 35).

Здесь слово «Мудрость» единственный раз записано с заглавной буквы, и это исправление не отражено в печати, хотя, несомненно, оно сделано со смыслом: «люди Мудрости» (как и носители «высшей Премудрости») представлены как мудрствующие, но далекие от понимания того, что «просто и естественно» – поэтому заглавная буква здесь используется как средство показать несоответствие между формой и содержанием заявленных понятий (неслучайно определение «высшая» в сочетании со словом «Премудрость» имеет строчной вариант написания). В черновом автографе за май – июнь есть сходный пример:

«Мнѣ всегда казалось, напримѣръ, что скептицизму и цинизму всѣхъ этихъ мудрѣйшихъ людей, командующихъ событіями, придавалось нѣсколько высшее, а потому и не правильное значеніе, такъ что напримѣръ скептицизмъ и цинизмъ, съ приправою самаго легковѣснаго остроумія – и принимался за познаніе всемірной Исторіи, человѣка и дѣлъ его, да еще при такомъ высокомѣрїи что и подумать страшно» (РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 158).

В данном случае «мудрейшие люди» наделяются скептицизмом и цинизмом – качествами, которые в «Дневнике писателя» определяются как главные пороки современного Достоевскому общества. При этом заглавная буква вновь используется для сопоставления антиномичных понятий: по мысли автора, именно мудрейшие циники и скептики не в состоянии понять «человека и дела его» в мировой Истории.

В сентябрьском выпуске Достоевский пишет о «будущем интеллигентном русском человеке», обращаясь к проблеме «лучших людей» (актуальной как для публицистики, так и для художественных произведений писателя): «Эти новые люди не побоятся самоуважения, но и не побоятся не плыть за старым. Не побоятся и умников: они

будут скромны, но будут уже многое знать, по опыту и уже на деле, из того, что и не снилось мудрецам нашим. По опыту и на деле они научатся уважать русского человека и русский народ» [14; Т. 26, 32]. Как отмечает А. И. Батюто, ироническое употребление слова «мудрецы» восходит к сентенции из шекспировского «Гамлета»: «Есть многое в природе, друг Горацио, / Что и не снилось нашим мудрецам» [5; 368]. Кроме того, по мнению комментатора, «в «Дневнике писателя» за апрель 1877 года (глава первая, § I «Война. Мы всех сильнее») «мудрецами» названы публицисты «Отечественных записок» и «Вестника Европы», помещавшие на страницах этих журналов, накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, антивоенные очерки и статьи...» [5; 368]. Но образ мудрецов появляется не только в апрельской книжке «Дневника», и, если учитывать более широкий художественно-публицистический контекст произведения, то можно сделать следующие выводы:

1. Данный образ, безусловно, рассматривается автором в контексте народной темы, причем слова «мудрецы», «премудрые», «премудрость» оказываются в определенном ассоциативном ряду, в котором присутствуют понятия «цинизм», «отрицание», «нигилизм», «неверие», «рационализм».

2. Отмеченные понятия указывают, кому противопоставлены «мудрецы», «премудрые» и «умники», – «новым людям», «лучшим людям», верящим в духовную силу своей нации и верующим во Христа. И с этой точки зрения первоисточником темы премудрости следует считать Библию. В первом послании святого апостола Петра к Коринфянам говорится о человеческой премудрости, которая без веры в Бога представляет собой лишь умствование и слабость духа (1Кор. 1:21; ср.: 1Кор. 2:4–8). В ветхозаветном тексте речь идет об истинной премудрости, которая понимается как чистота души, как пророческий дар (Прем. 7:25–28). Христианская основа авторских оценок имеет значение и для раскрытия образа Дон-Кихота: «поумневший» Дон-Кихот, замечает Достоевский, «был побежден умным и здравомыслящим цирюльником Караско, отрицателем и сатириком» [14; Т. 26, 26; курсив мой. – Н. Т.]. В этих строках встречаются те же самые лексические коды, что и в других цитированных примерах, и речь здесь идет о противостоянии веры и неверия.

В суждениях писателя о Дон-Кихоте в сентябрьском выпуске встречается слово «истина», в печатном тексте выделенное курсивом:

«Как же спасти истину? И вот он придумывает для спасения истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантастичнее первой, грубее и нелепее, придумывает сотни тысяч наважденных людей с телами слизняков, но зато по которым острый меч рыцаря может вдесятеро удобнее и скорее ходить, чем по обыкновенным человеческим» [14; Т. 26, 26].

Характерно, что в наборной рукописи слово «истина» записано с маленькой буквы (РГБ. Ф. 93. I. 2. 13. Л. 48, 49, 51), а не с заглавной – как в апрельском выпуске «Дневника писателя», где Истина видится в Православном Деле защиты славян на Балканах и в духовном возрождении героя, вставшего на путь сочувствия и служения человечеству (что в определенной степени сближает эти два образа – Смешной человек и Дон-Кихот). В сентябрьском «Дневнике» в контексте европейской темы *истина* приравнивается к *мечте*:

«...тот, чтоб спасти *истину*, выдумал людей с телами слизняков, эти же, чтоб спасти свою основную мечту, столь их утешающую, о ничтожности и бессилии России, – сделали из настоящего уж слизняка организм человеческий...» [14; Т. 26, 27–28].

Истина, приравненная к *мечте*; *мечта*, подобная *лжи* («Не придумали ли вы новой мечты, новой лжи...» [14; Т. 26, 27]) – все эти слова приобретают отрицательную коннотацию. Истина-мечта, которой угрожает «математическое соображение» и которая нуждается в спасении, утрачивает свой незыблемый статус, свое абсолютное значение, на что и указывает орфографическое оформление слова *истина*. Об этом же свидетельствует название соответствующей подглавки «Дневника», недвусмысленно отражающее авторскую идею и расставляющее все точки над *i*: «Ложь ложью спасается» – об Истине здесь речи нет вообще (ср.: «Достоевскому принадлежит мысль: нужно не только то, чтобы человек поступал искренне, в соответствии со своими убеждениями, но чтобы он постоянно спрашивал себя, справедливы ли эти убеждения. <...> Дон-Кихот (в трактовке Достоевского) не выходит из круга фантастических представлений; чтобы спасти одно, он прибегает к другому, еще более нелепому – и так до бесконечности (глава из “Дневника писателя” носит название “Ложь ложью спасается”» [16]). Семантика названных понятий придает новые черты образу Дон-Кихота в «Дневнике писателя».

Этот образ, как указал В. Е. Багно, переосмысливается Достоевским с художественной точки зрения: «Особенность трактовки Достоевским образа Дон-Кихота в том, что он, сознательно или бессознательно, смешивает свои собственные сомнения, борьбу веры и неверия с внешними потрясениями, которые испытывает вера Дон-Кихота. В конечном счете, герой Сервантеса оказывается наделенным сомнениями героев Достоевского» [4; 132]. Новый смысл литературного образа становится более понятен,

если учитывать тематическую соотнесенность двух параграфов «Дневника писателя». В подглавке «Ложь ложью спасается» речь идет о «нелепейшей мечте», о «лжи», которая «разрешает сомнение» [14; Т. 26, 26–27]. Если оценивать развитие образа Дон-Кихота в «Дневнике писателя», то очевидно, что внутренние изменения в восприятии данного художественного типа определяются проблемой соотношения «идеала» и «действительности». Далее в тексте «Дневника писателя» авторская идея конкретизируется в новой функции образа Дон-Кихота – он символизирует уже не Россию, как в февральском выпуске «Дневника», а Европу с ее «поврежденным умом», которая спасает мечту «о ничтожности и бессилии России» и поэтому возвышает Турцию, придумывая еще одну «гораздо нелепейшую мечту» [14; Т. 26, 27–28]. Именно это сравнение Европы с Дон-Кихотом актуализирует тему неистинной логики рационализма и ложных убеждений и определяет дальнейшую аргументацию автора, который стремится доказать «скудость европейских о нас познаний» [14; Т. 26, 28]. И здесь важными становятся «славянские» рассуждения Вацлика, которые, очевидно, были для Достоевского подтверждением его собственных представлений о величии и духовной силе народа.

Таким образом, установленное нами по рукописи имя позволяет точнее понять ход авторских мыслей в «Дневнике писателя» 1877 года, учесть новые, неизвестные ранее источники развития народной темы в сентябрьском выпуске произведения – статьи чешского публициста – и охарактеризовать особенности развития образа Дон-Кихота в контексте размышлений Достоевского.

Исследованный материал дает основание для вывода о том, что имя собственное становится своеобразным семантическим ключом к расшифровке содержания произведения на уровне художественного замысла и его воплощения в окончательном тексте. Кроме того, специфика имени, его смысловое наполнение и выбор говорят об особенностях творческого сознания автора, фиксирующего внимание как на литературных образах, так и на исторических реалиях. В соединении эти образы и факты создают сложный сплав историко-литературных представлений, выступающих как объект художественного анализа и как средство выражения художественно-публицистических идей.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-04-00101а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альми И. Л. О превращениях пушкинского «Жил на свете рыцарь бедный» в художественном мире Достоевского // Альми И. Л. Статьи о поэзии и прозе. Кн. вторая. Владимир: Изд-во ВГПУ, 1999. С. 236–240.
2. Арсентьева Н. Н. Дон Кихот и князь Мышкин // Достоевский и современность. Вел. Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник; Дом-музей Ф. М. Достоевского, 1992. Ч. 2. С. 4–8.

3. Арсентьева Н. Н. Проблема национального идеала в творчестве М. де Сервантеса и Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский и национальная культура. Вып. 2. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996. С. 65–88.
4. Багно В. Е. Достоевский о «Дон-Кихоте» Сервантеса // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 126–135.
5. Батюто А. И. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 363–368.
6. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
7. Бочаров С. Г. О композиции «Дон-Кихота» // Сервантес и всемирная литература / Под ред. Н. И. Балашова, А. Д. Михайлова, И. А. Тертерян. М.: Наука, 1969. С. 7–116.
8. Вацлик И. Славянская летопись за 1869 год. Черногория. Сербия. Народ Болгарский. Положение народа Сербско-Хорватского. Сербь в Старой Сербии и верхней Албании // Заря: Журнал учено-литературный и политический, издаваемый В. Кашпиревым. 1870. Апрель. С. 181–191.
9. Вацлик И. Славянская летопись за 1869 год (Продолжение). (Далмация, Хорватия, Словения, Военная Граница, Банат, Сеньская Река) // Заря: Журнал учено-литературный и политический, издаваемый В. Кашпиревым. 1870. Август. С. 181–196.
10. Вацлик И. Я. Славянская летопись за 1869 год. (Чехия, Моравия, Силезия, Словаки, Словенцы) // Заря: Журнал учено-литературный и политический, издаваемый В. Кашпиревым. 1870. Октябрь. С. 258–279.
11. Вацлик И. Я. Чехославыне (культурный очерк) // Нива: Иллюстрированный журнал семейного чтения. 1870. № 7. С. 103–105.
12. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): В 6 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича; тип. И. А. Ефрона, 1895. Т. IV. С. 201–203.
13. Гинзбург Е. Л. Из заметок по топонимике Достоевского. II // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 306–320.
14. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
15. Захарова Т. В. Книга Сервантеса «Дон-Кихот», образ «Дон-Кихота» в контексте «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Вел. Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник; Дом-музей Ф. М. Достоевского, 1991. Ч. 1. С. 67–71.
16. Манн Ю. В. И. С. Тургенев и вечные образы мировой литературы (статья Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот») // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43. № 1. С. 22–32.
17. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960. Т. 1. С. 402; Т. 3. С. 314; Т. 4. С. 97.
18. Мать Ксения (Н. Н. Соломина-Минихен). Идея «серьезного Дон-Кихота» и пушкинского «рыцаря бедного» в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2003. № 18. С. 61–70.
19. Назиров Р. Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 103–116.
20. Немирович-Данченко В. И. Военные корреспонденты в первое время // Немирович-Данченко В. И. Год войны. (Дневник русского корреспондента). 1877–1878: В 3 т. СПб.: Тип. В. И. Лихачева и А. С. Суворина, 1878–1879. Т. 3. С. 105–128.
21. Новейшая литература о Балканском полуострове // Голос. 1877. 23 марта. № 82. С. 1.
22. Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. 400 с.
23. Смирнов В. А. Рыцарство у Достоевского // Достоевский и современность. Старая Русса: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник; Дом-музей Ф. М. Достоевского, 1996. С. 125–127.
24. Тарасова Н. А. Неизвестный источник «Дневника писателя» 1876 г. и «Братьев Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2001. № 16. С. 215–221.
25. Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в. / Отв. ред. В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1989. 271 с.
26. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии: в 12 т. / Отв. ред. В. М. Карев, М. Н. Хитров. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 3. С. 147–148.
27. Пјесме о најновијим турско-црногорским бојевима // Јуначки споменик од великога војводе Мирка Петровића / Издао Архимандрит цетинјски Нићифор Дучић. Друго издање. На Цетињу, 1864. С. 54–63.
28. Slovník Naučny / Red. Dr. Frant. Lad. Rieger. V Praze: Nákladem kněhkupectví I. L. Kober, 1872. Díl. IX. S. 841.
29. 1863–1877. Пятнадцатилетие газеты «Голос» / издание редактора газеты А. А. Краевского. СПб.: Тип. газеты «Голос», 1878. С. 3–11 отд. паг.

УДК 821.161.1.09“18”

ФЕДОР БОРИСОВИЧ ТАРАСОВ

кандидат филологических наук, докторант, Институт мировой литературы РАН
litinstitut2006@yandex.ru

«РИЗЫ КОЖАНЫ» И «БРАЧНЫЕ ОДЕЖДЫ»: О ПРЕОБРАЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА У ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается конструктивная роль евангельских текстов и смыслов в изображении внутреннего развития героев Достоевского. «Умаленность» человека в земном существовании преодолевается и преображается в кенозисе, предельное выражение которого – Христос. Именно эта евангельская логика видения человека становится стержнем художественного мира писателя.

Ключевые слова: Достоевский, евангельский текст, кенозис, преображение, Христос

Как показывает весь целостный контекст произведений Достоевского, стремление человека к самовозвеличению и самообожествлению водит его по замкнутому кругу бесконечного возвращения к «разбитому корыту», если вспомнить образ из известной сказки Пушкина, к открывающейся со всей очевидностью собственной духовной несостоятельности, полной внутренней разрухе, подобно евангельскому блудному сыну, оказавшемуся «на стране далече» среди свиней. Но и сам разрушительный итог указывает на столкновение с иной логикой взращивания, созидания человеком своего внутреннего существования и своего отношения к миру, за которой стоят подлинные законы устройства бытия. В этом столкновении, составляющем сюжетное ядро произведений Достоевского, герою бывает милосердно явлена возможность, иногда последняя, духовной перемены, преображения (которое совершается, например, в «Сне смешного человека»), и он ощущает это как некую судьбонность в пересечении его жизни с жизнью «грешницы» (как правило, у Достоевского здесь именно женский персонаж), такого же, на первый взгляд, «униженного и оскорбленного» человека, но предстающего в абсолютно другом облике и приносящего своим существованием совершенно противоположные плоды.

После смерти своей первой жены Достоевский сделал принципиальную для понимания его творчества запись: «Возлюбить человека, как самого себя по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на Земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем после появления Христа как идеала человека во плоти стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее упот-

ребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье» [5; 173–174].

Мысль Достоевского выражает духовный закон, о котором говорит Христос апостолам: «...кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20, 25–27); и в другом месте: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18. 3–4). В полную противоположность мечтам о человекобожестве «маленького человека», ощущающего себя вопиюще несправедливо расчеловеченным, «человекомышью», здесь речь идет о христоподобном кенозисе как единственном пути преображения человеческой природы в сторону богочеловечности. Именно о таком пути возвещает евангельская притча, ставшая эпиграфом к последнему роману Достоевского «Братья Карамазовы»: «...истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24).

Кенотическая «умаленность» человека – не заганность одинокой «мышы» в «подполье» «несправедливых» законов природы, неумолимых, как дважды два четыре, но наоборот, открытость, приятие мира и осознание себя перед лицом Божиим, а вместе с ним – бесконечное развитие, рост, преображение, это «нищета духа», ведущая, как сказано в Нагорной проповеди Христа, в Царствие Небесное, которое, опять же согласно евангельскому слову, «внутри вас есть».

Умаление как отвержение греховного Я, ветхого существа, ведет к приобретению нового естества, в своей целостной полноте причастно-

го и Богу, и всему миру. Об этом говорит Достоевский устами героев-старцев. Старец Зосима в «Братьях Карамазовых», характеризуя современного человека, вспоминает слова своего «таинственного посетителя», что «всякий теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из всех его усилий, вместо полноты жизни, лишь полное самоубийство, ибо, вместо полноты определения существа своего, впадают в совершенное уединение. Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдалается, прячется и что имеет прячет и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает. <...> Повсеместно нынче ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности» [2; Т. 14, 275–276].

Созвучны взглядам Зосимы слова тихого и кроткого Макара в романе «Подросток»: «Христос говорит: “Пойди и раздавай твое богатство и стань всем слуга”. И станешь богат паче прежнего в бесчетно раз; ибо не пищею только, не платьями ценными, не гордостью и не завистью счастлив будешь, а умножившеюся бесчетно любовью. Уже не малое богатство, не сто тысяч, не миллион, а целый мир приобретешь! <...> Тогда и премудрость приобретешь не из-за единых книг токмо, а будешь с самим Богом лицом к лицу, и воссияет земля паче солнца, и не будет ни печали, ни воздыхания, а лишь единый бесценный рай».

Парадоксальным, на первый взгляд, образом, отсекая, оставляя мир и даже самого себя, человек приобретает «во сто крат» по евангельскому выражению («всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» – Мф. 19, 29), поскольку предоставляет в себе место Богу и принимает мир «из рук Христовых, но принимает его уже благолепным, очищенным, освещенным Логосом» [4; 183].

Казалось бы, в первом же романе Достоевского «Бедные люди» настроение «райского блаженства» Макара Девушкина, пробужденное «весенними ароматами» и «оживлением природы» и воплощенное в «парочке горшков с балзамичиком и гераньке» в подарок Вареньке Доброселовой, столь же минутно и так же безвозвратно уходит, как и «золотое детство» самой Вареньки среди «добрых селений» ее родных деревенских мест. А мир «птичек небесных», с которыми сравнил было Вареньку Девушкин и в котором звучит «неумолкаемый концерт» тех, что «не жнут и не сеют», как в финале повести «Маленький герой», напоминающий о Нагорной проповеди Христа, настолько отделен от находящегося посреди него человека, что последний выглядит «как мертвец среди всей этой радост-

ной жизни» [2; 2, 293]. Однако этот полностью противоположный пустынному мраку одинокого «подполья» мир, в образе коего прорисовываются Достоевским очертания райского сада, напрямую связан именно с духовной судьбой прорывающегося его человека.

Ряд ключевых мотивов и представляющих эти мотивы деталей в произведениях писателя, появляющихся в наиболее значимые в духовном смысле моменты жизни героев, восходят к образам сада и пронизывающего его небесного света как увиденности в Боге человека и мира в их гармоническом единстве. Такое видение открывается героям Достоевского, когда в их внутреннем мире происходит переворот, когда выбивающее из знакомого и привычного хода жизни событие срывает пелену с их внутренних глаз и предстает та правда, о которой писатель говорит в своей речи о Пушкине: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостойн, злобен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить» [3; 526].

Узрение в собственной греховности первопричины той неумолимой несправедливости мира, против которой бунтует загоняющий себя в «подполье» «маленький человек», радикально меняет и его мировосприятие, и духовное устройство. Один из ярких примеров – воспоминания старца Зосимы о своем старшем брате Маркеле, умершем в юности от чахотки и почти до самой смерти насмешливо отрицавшем существование Бога. (Этот персонаж «Братьев Карамазовых» – прямое продолжение типажа Ипполита Терентьева из романа Достоевского «Идиот», желающего из протеста против уродливо несправедливых и неупразднимых законов земной жизни пойти на самоубийство.)

Внезапная перемена в душе Маркела, почувствовавшего приближение смерти, совершается в важнейший для церковной жизни христианина период – в Страстную седмицу и пасхальные дни. Мир вокруг умирающего описан Достоевским в радостно-весенних тонах (подобно «неугомонному концерту» тех, что «не жнут и не сеют», в раннем «Маленьком герое»): «Выходили окна его комнаты в сад, а сад у нас был тенистый, с деревьями старыми, на деревьях завязались весенние почки, прилетели ранние птички, гогочут, поют ему в окна» [2; Т. 14, 262–263]. Это пасхальное радостное состояние становится внутренним достоянием Маркела вместе с сознанием, что «всякий из нас пред всеми во всем

виноват, а я более всех» [2; Т. 14, 262]. (Ср. с молитвой, читаемой православными христианами перед причащением Тела и Крови Христовых: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси во истину Христос, пришедый грешныя спасти, от них же *первый есмь аз*» [6], и с кенотической направленностью построения отношений к другому – ближнему (используя евангельское определение), а не чужому – врагу, как у «маленького человека» из «подполья».) «Милые, – восклицает Маркел, – дорогие, и чем я заслужил, что вы меня любите, за что вы меня такого любите, и как я того прежде не знал, не ценил». Входящим слугам говорил поминутно: «Милые мои, дорогие, за что вы мне служите, да и стою ли я того, чтобы служить-то мне? Если бы помиловал Бог и оставил в живых, стал бы сам служить вам, ибо все должны один другому служить... пусть же и я буду слугой моих слуг, таким же, каким и они мне» [2; Т. 14, 262].

Видение собственной греховности сопровождается пониманием, что именно она заслоняла светлую гармонию мира: «И стал он вдруг, глядя на них и любуясь, просить и у них прощения: «Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил... была такая Божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один все обесчестил, а красы и славы не приметил вовсе»» [2; Т. 14, 263]. Открытое искреннее исповедание греховности и сопутствующее ему всепрощение мгновенно упраздняют это темное средостение. «И одного дня довольно человеку, – говорит Маркел, – чтобы все счастье узнать. <...> Пусть я грешен пред всеми, зато и меня все простят, вот и рай» [2; Т. 14, 262–263]. «Жизнь есть рай» – его постоянное новое чувство, «и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай» [2; Т. 14, 262].

Точно такое же событие происходит в духовной биографии старца Зосимы в годы его молодости, в момент его внезапной внутренней перемены перед дуэлью: «Я вдруг поднялся, спать более не захотел, подошел к окну, отворил – отпиралось у меня в сад, – вижу, восходит солнышко, тепло, прекрасно, зазвенели птички. Что же это, думаю, ощущаю я в душе моей как бы нечто позорное и низкое? <...> И вдруг сейчас же и догадался... Экое преступление! Словно игла острая прошла мне всю душу насквозь. Стою я как ошалелый, а солнышко-то светит, листочки-то радуются, сверкают, а птички-то, птички-то Бога хвалят... “Господи... воистину я за всех, может быть, всех виновнее, да и хуже всех на свете людей!” И представилась мне вдруг вся правда, во всем просвещении своем» [2; Т. 14, 270]. Смелое и прямое публичное признание своей вины и испрашивание прощения, унизительное в глазах «светской публики» и поэтому требующее внутреннего подвига целенаправленного самоумаления от тогда еще молодого

го офицера, даруют ему в то же мгновение чувство неведомой прежде радости и восторга: «Господа, – воскликнул я вдруг от всего сердца, – посмотрите кругом на дары Божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красоте своей» [2; Т. 14, 272].

Таким образом, Достоевский стремится показать, что мироощущение и мировосприятие, выражаемое его героями в словах «жизнь есть рай», – воплощение вполне конкретного закона внутренней жизни человека, исходный пункт которого – в самоотвержении, отсечении греховного, стремящегося к самообожествлению естества. Причем в «райских картинах» нет никакого мечтательства и утопического игнорирования присутствия в мире зла. Об этом свидетельствуют рассуждения старца Зосимы, посвященные библейскому повествованию о страданиях Иова. Исходя не из отвлеченно-рационалистических построений, а из опыта внутреннего переживания «великой тайны человеческой жизни», Зосима говорит о постепенном претворении «старого горя» в «тихую умиленную радость». «Слышал я потом слова насмешников и хулителей, – обращается старец к высказываниям заочных оппонентов, среди которых, конечно, и Иван Карамазов с его поэмой о великом инквизиторе, – слова гордые: как это мог Господь отдать любимого из святых Своих на потеху диаволу... и для чего: чтобы только похвалиться пред сатаной... Но в том и великое, что тут тайна, – что мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе. Пред правдой земною совершается действие вечной правды. Тут Творец, как и в первые дни творения, завершая каждый день похвалою: “Хорошо то, что Я сотворил”, – смотрит на Иова и вновь хвалится созданием Своим. А Иов, хваля Господа, служит не только Ему, но послужит и всему созданию Его в роды и роды и во веки веков, ибо к тому и предназначен был» [2; Т. 14, 265].

В смысловом поле подобного мироощущения и мировосприятия оказываются и те самые «клеякие листочки», о которых спорят Иван и Алеша в «Братьях Карамазовых». Весь этот ряд восходит, конечно, к образу «дерева жизни» посреди рая – символу вечной жизни, неуничтожимой никакими неумолимыми земными законами, выражаемыми формулой «дважды два четыре».

С. Г. Бочаров, анализируя развитие мотива «клеяких листочков» от Пушкина к Достоевскому, отмечает, что пушкинские «клеякие листочки» – это «свежее пушкинское слово, обращенное прямо к действительности», «они значительны и они просты: никак не скажешь, что они как-то особенно обоснованы или нагружены “смыслом”»; у Достоевского же «они превращаются в идейную парадигму... в своеобразную

художественно-философскую категорию и в то же время как бы в цитату из подразумеваемого смыслового контекста» [1; 217]. Однако если иметь в виду, подразумевать весь пушкинский поэтический контекст, то вряд ли можно сказать, что Достоевский «нагружает смыслом». Он выговаривает, эксплицирует смысл, заложенный у Пушкина.

По наблюдению С. Г. Бочарова, образ «клеящих листочков» в «Братьях Карамазовых» первоначально рождается из уст Ивана вместе с образом «кубка», будучи у него символами одного значения – любви к жизни, жажды жизни вопреки всему, вопреки «ахинее», если использовать словечко Ивана. И точно так же у Пушкина, как уже отмечалось, параллельно выстраивается, условно говоря, «вертоградная» и «хмельная» символика.

По ходу спора Ивана и Алеши Карамазовых, как говорит С. Г. Бочаров, последний как бы «отбирает» «листочки» и противопоставляет их безнадежному «кубку», превратившемуся у Ивана из радостно-шиллеровского в грустно-онегинский (тот, что появляется в финале романа в стихах Пушкина: «Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина...»); одновременно и символизация праздника-пира жизни переходит из парадигмы «кубка» в парадигму «листочков» и «все-го за ними стоящего “софийного” миропорядка» [1; 208, 220–221]. Однако исследователь не вспоминает главу «Кана Галилейская» в «Братьях Карамазовых», в которой самому Алеше праздник жизни – вечной и небесной, но реально присутствующей в земном существовании – предстает, условно говоря, в парадигме «кубка».

Весьма показательно уже само название главы, отсылающее к новозаветному повествованию о брачном пире в Кане Галилейской, где Христос совершил первое чудо, претворив воду в вино. Это повествование, читаемое над гробом умершего старца Зосимы, вырастает в чудесном сне Алеши – в полном согласии с евангельским смыслом и всем контекстом евангельских притч – в видение брачного пира Царствия Небесного, участником которого стал и сам представившийся старец: «Веселимся... пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? <...> А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его? <...> Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресеклась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...» [2; Т. 14, 327].

Небесный пир в Царствии Божиим воплощает высшую, неотмирную, если можно так выразиться, справедливость, явно противопоставленную земной, соблазняющейся властью факта, который ограничивается «кончиком носа» (зло-

радность одних и смущение других по поводу того, что почивший старец «провонял»).

В главе «Кана Галилейская» «Братьев Карамазовых» мысли слушающего в полусне евангельское чтение Алеши о том, что «не для одного лишь великого страшного подвига Своего сошел Он тогда», что «доступно сердцу Его и простое душевное немудрое веселие каких-нибудь темных, темных и нехитрых существ, ласково позвавших Его на убогий брак их», совершенно созвучны словам старца Зосимы, обращенным к Алеше во сне: «Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... Что наши дела?» [2; Т. 14, 326–327].

Исповедание ничтожной малости «луковки» человеческих дел перед лицом Творца неба и земли становится путем к радостному и всепримиряющему единению с Ним. (В рассматриваемом контексте можно вспомнить также начало «Братьев Карамазовых», попытку игумена монастыря устроить примиряющий обед с Федором Павловичем и разрешить тем самым земельный конфликт с соседом и, конечно, финал романа, когда Алеша и мальчики, примиренные и утвержденные в «жизни будущего века», отправляются на поминки Илюши.) Причем «малость» становится способной раздвинуться (как стены комнаты в сне Алеши) и вместить в себя, соединить в себе всю вселенную, как это происходит с Алешей после его промыслительного сонного видения: «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”. <...> Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. <...> Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга» [2; Т. 14, 328].

Кроме того, одна из принципиальных деталей в описании пира в небесной Кане Галилейской – пронизанность светом: о нем говорится и в начале отрывка («дорога-то большая, прямая, светлая, хрустальная, и солнце в конце ее»), и в конце, где Солнцем назван, в полном соответствии с церковным литургическим восприятием, сам Спаситель [2; Т. 14, 326–327] и тем самым обозначена природа этого света, отражающегося на сияющем лице представшего Алеши старца Зосимы.

Как и в пушкинской художественной картине мира, у Достоевского подчас чувствование фа-

ворского света, в котором открывает себя преображенное земное бытие, передается через восприятие и переживание, условно говоря, определенных состояний внешнего мира, возводящих к духовной первопричине. Если у Пушкина это связано с образом белого на горе и всем примыкающим к нему смысловым рядом, то в произведениях Достоевского в первую очередь обращают на себя внимание в данном контексте картины с косыми лучами заходящего солнца, возникающие, как правило, в наиболее значимые и переломные моменты жизни героев. Таков в тех же «Братьях Карамазовых» запомнившийся Алеше на всю жизнь эпизод из его детства: «...он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях... мать свою... протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице» [2; Т. 14, 18]. Также и в детстве старца Зосимы в запомнившийся на всю жизнь момент, когда его

старший брат, умирая, прощался с ним и велел жить за себя, «солнце закатывалось и всю комнату осветило косым лучом» [2; Т. 14, 263].

Устами предчувствующего свою близкую смерть Зосимы Достоевский как бы комментирует эту художественную деталь, акцентируя передаваемое ею умонастроение и мироощущение: «...благословляю восход солнца ежедневный, и сердце мое по-прежнему поет ему, но уже более люблю закат его, длинные косые лучи его, а с ними тихие, кроткие, умиленные воспоминания, милые образы изо всей долгой и благословенной жизни – а надо всем-то правда Божия, умиляющая, примиряющая, всепрощающая!» [2; Т. 14, 265]. В этом ясном тихом свете «косых лучей» восприятие земного существования происходит не изнутри «видимо-текущего», как говорил Достоевский о фотографическом «реализме», ограничивающемся «кончиком своего носа», а переносится в область «правды Божией», в ту область, с высоты которой земной путь обозрим весь целиком, охватываемый его неземным смыслом, неземной конечной целью и итогом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 626 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Современник, 1989.
4. Прп. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. СПб.: Издательский дом «Адмиралтейство», 1998.
5. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. // Литературное наследство. Т. 83. М.: Наука, 1971.
6. Православный молитвослов. Правило ко святому причащению.

УДК 165

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОЛКОВ

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Петрозаводский государственный университет
alexvolkoff@bk.ru

БИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье отражена одна из главных тенденций современной эпистемологии, получившая название «натуралистский поворот». Традиционные философские вопросы, связанные с природой и предназначением познания, освещаются в рамках эволюционных, биологических представлений. К рассмотрению привлекаются представления о врожденности некоторых структур человеческого познания.

Ключевые слова: эволюция, познание, адаптация, функция, врожденность, модуль

Сегодня, как и много столетий спустя, приобретение знания об окружающем мире является одной из главных задач человеческой жизнедеятельности. И это понятно. Для своего существования и развития человеку всегда требовалось знание о законах функционирования и развития того мира, в котором он живет. Кроме того, наряду с необходимостью приобретения знания о мире вот уже не одно столетие существует и другая необходимость, а именно: осмысление природы самого процесса познания. Без выполнения этой рефлексивной работы – деятельности по осмыслению природы познания – современная цивилизация едва ли смогла бы добиться тех успехов, которыми она сегодня располагает, прежде всего в области науки и техники.

Несмотря на то что в рамках гносеологии, которая занята исследованием вопросов познания, накоплен гигантский опыт осмысления механизмов, принципов и категорий познания, в последние десятилетия все чаще звучит мысль о том, что традиционная гносеология обнаруживает некоторую ограниченность своего подхода к познанию и науке. Данная ограниченность не в последнюю очередь связана с отвлечением от антропологической размерности познания. Авторы одной из последних работ по гносеологической проблематике пишут: «Теория человеческого познания, парадоксально лишенная самого человека как целостности, ограничивалась тощей абстракцией частичного субъекта, осуществляющего единственную функцию, взятую в чистом виде, – получение объективно истинного знания» [5; 3–4]. Преодоление сложившейся ограниченности гносеологического подхода видится сегодня в выходе теории познания за рамки «чистого разума» и рассмотрении обусловленности познавательных установок всем многообразием внешних и внутренних факторов человеческой субъективности (В. С. Швырев). Высказываются также соображения о том, что конкретные данные из смежных с философией наук – социологии, психологии, лингвистики и т. д., должны рассматриваться не просто как более или менее интересные

сведения, а как материал для эпистемологического исследования (В. Н. Порус).

Данная работа представляет собой шаг в русле вышеозначенной тенденции тематизации человеческого измерения познания. Следует заметить, что в отечественной философии уже проделана большая работа по осмыслению социокультурной обусловленности познания. Вместе с тем человек, будучи субъектом познания, является биосоциальным существом, и в этой связи необходимо рассматривать познание не только в контексте социокультурной жизни, но и в аспекте воздействия биологических факторов. Биологическая форма обусловленности познания не столь часто оказывалась в центре гносеологического интереса, и именно она составит предмет настоящего рассмотрения. Опираясь на ряд современных, междисциплинарных по сути своей исследований, мы постараемся продемонстрировать биологическую укорененность человеческого познания, обозначить некоторые врожденные диспозиции познания. В связи с многомерностью феномена познания данная работа не претендует на то, чтобы охватить все стороны, аспекты познавательной деятельности. В своих размышлениях мы будем обращаться главным образом к двум познавательным способностям человека – восприятию и мышлению.

К сожалению, наука пока еще не располагает точными знаниями о том, когда, как и в силу каких причин возникло активное психическое отражение, составляющее фундамент познавательных процессов. Однако подходы к решению этих проблем намечены. Их основой является эволюционная теория. Так, еще в начале XX века в отечественной науке появляется и закрепляется мысль о том, что психическое отражение возникло в ходе эволюции в связи с развитием поведения – активной формы приспособления организма к окружающей среде. В частности, А. Н. Северцов, отмечая, что процесс эволюции происходит под влиянием изменений внешней среды, обращал внимание на то, что темпы этих изменений различны. Чтобы приспособиться к биологически важным изменениям среды, ско-

рость изменений организма должна быть ни в коем случае не меньше скорости изменения среды. Поэтому чем более пластичен организм, то есть чем быстрее и сильнее он изменяется, тем больше у него шансов на выживание [6].

Следуя мысли Северцова, можно выделить три основные формы или способа изменений организма в процессе его приспособления к окружающей среде: наследственное изменение органов, этот способ очень медленный, хотя и главный в образовании видов; функциональные изменения органов (например, в результате упражнения), эти изменения протекают за более короткие, чем жизнь особи, интервалы; приспособление посредством изменения поведения без изменения органов. Именно последний способ связан с возникновением и развитием психического отражения. Действительно, поведение – это активная форма приспособления, и для того чтобы оно было адекватно среде, необходимо, чтобы среда отражалась организмом в такой форме, которая позволяла бы ориентироваться в ней как в среде внешней по отношению к организму. В то же время одна из существенных характеристик психического отражения, как показал в свое время П. К. Анохин [1], заключается в том, что оно не является зеркальным, то есть детально и однозначно следующим за отражаемыми событиями. В процессе психического отражения должна происходить селекция информации, ее преобразование, дифференциация и интеграция. Это обеспечивает возможность фиксировать не только прошлое и настоящее, но и предвидеть будущее, то есть психическое отражение является опережающим. Именно опережающий характер психического отражения обеспечивает организму активное приспособление путем изменения поведения. При этом принципиально важным является то, что опережающее психическое отражение обеспечивает выделение тех факторов внешней среды, которые способствуют сохранению жизни, и тех, которые представляют угрозу. В этой связи окружающая среда отражается с той позиции, которую в ней занимает организм, и относительно его «интереса» (приспособиться и выжить), то есть «пристрастно».

Следует заметить, что научные изыскания второй половины XX века подтвердили и усилили значимость темы биологических истоков человеческого познания. На передний план выходит и начинает доминировать следующая мысль: ни одна из сложных когнитивных систем, которые составляют человеческий организм, не может являться продуктом случайных процессов. Достоин удивления, например, факт того, насколько хорошо скоординированы компоненты системы визуального восприятия (хрусталик, зрачок, радужная оболочка глаза) между собой и со свойствами окружающего мира. В частности, объекты окружающего мира отражают солнечный свет и поэтому могут быть увидены, но в то же время и глаза подходят к дневному свету, максимальной интенсивности солнечного света и оптическому окну

атмосферы. Этот и многие другие аналогичные факты недвусмысленно указывают на то, что сложноорганизованные когнитивные системы, такие, например, как система визуального восприятия, отражают логику и принципы естественного отбора и поэтому в конечном итоге представляют собой адаптации [2], [7], [25], [29].

В рамках адаптационистской перспективы, которая становится ведущей для целого ряда направлений второй половины XX века (эволюционная эпистемология, эволюционная психология, экологическая психология), проблема спецификации когнитивных систем оказывается теснейшим образом связана с вопросом о *функции* этих систем в жизнедеятельности их носителей – человека и его эволюционных предков. Следуя этой логике, обратимся к рассмотрению восприятия и мышления как двух базовых когнитивных способностей человека.

Каково предназначение системы визуального восприятия? На первый взгляд данный вопрос может показаться странным. Разве не очевидно, что ее предназначение заключается в том, чтобы предоставлять нам возможность воспринимать мир таким, какой он есть, существует? Данная очевидность, однако, проблематизируется рядом хорошо известных примеров. Если система визуального восприятия действительно предназначена для того, чтобы мы могли воспринимать мир таким, какой он есть, то почему мы подвержены перцептивным иллюзиям, которые так хорошо описаны в психологической литературе? Рис. 1 демонстрирует одну из таких иллюзий.

Все, что изображено на рисунке, – это три окружности с вырезанными краями, и тем не менее мы не можем не увидеть треугольник. Можно вспомнить и другой пример. Как мы знаем, цвет соотносится с длиной волны отражаемого от поверхности предметов света. Например, если поверхность отражает короткую волну, то она выглядит синей, если более длинную – то красной. При этом длина отражаемой волны зависит не только от природы поверхности предмета, но и от длины волны окружающего предмет света. В солнечный день длина отражаемой от красной рубашки волны будет разной в полдень и на закате. Однако цвет рубашки воспринимается нами как постоянный, «один и тот же» на протяжении всего дня.

Рис. 1

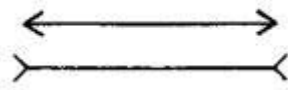

Рис. 2. Иллюзия Мюллера – Лайера

Подобные примеры, будучи рассмотрены сквозь адаптационистскую призму, убедительно показывают, что система визуального восприятия предназначена не просто для того, чтобы отражать мир таким, какой он есть. Скорее восприятие представляет собой сложный вычислительный процесс, на основе образов внешнего мира производящий такие описания, которые полезны для наблюдателя и не перегружены нерелевантной к нему информацией [3], [26], [27], [28]. Так, мы воспринимаем цвета объектов как единообразные несмотря на меняющиеся в течение дня условия освещения, потому что это помогает нам поддерживать восприятие мира как состоящего из устойчивых, обладающих постоянством объектов. Адаптивная полезность цветовой константы для нашего эволюционного предка очевидна. Если бы цвет объектов менялся в восприятии всякий раз с изменением освещения, стало бы чрезвычайно сложно идентифицировать эти объекты и вообще ориентироваться в окружающем мире. Мы видим «иллюзорный треугольник» потому, что наша система визуального восприятия как бы «восполняет» отсутствующую информацию, создавая видение целостного объекта. Истоки и преимущества такого восприятия будут, опять же, легко оценить, если мы представим себе эволюционного предка человека, для которого восприятие прячущегося в высокой траве хищника в качестве целостного, а не фрагментарного объекта было вопросом выживания.

Добавим к сказанному еще одно обстоятельство. Не так давно ряд исследователей обратили внимание на такое свойство систем для ввода перцептивных данных, как «информационная инкапсулированность» [10], [16]. Под информационной инкапсулированностью подразумевается определенная закрытость, замкнутость восприятия от всей совокупности хранящегося в памяти субъекта знания и связанных с этим знанием процессов рассуждений, принятий решений, убеждений и т. д. Одним из очевидных примеров, свидетельствующих об информационной инкапсулированности вводных систем (и как следствие – самого восприятия), могут служить уже упомянутые нами перцептивные иллюзии. Так, человек, знакомый с иллюзией Мюллера – Лайера (рис. 2), может прекрасно знать, что две горизонтальные линии равны по длине, и тем не менее это знание бессильно в устранении данной иллюзии. В момент восприятия нижняя линия упорно представляется более длинной, чем верхняя.

На первый взгляд может показаться, что информационная инкапсулированность представляет своего рода несовершенство, ограничен-

ность человеческой организации познания. Однако подобного рода «ограниченность» может являться и результатом эволюционного развития и поэтому выступать не как недостаток, а наоборот, как преимущество. Благодаря информационной инкапсулированности вводные системы в состоянии быстро перерабатывать информацию, что особенно ценно с точки зрения выживания и приспособления к окружающей среде. Более того, следует, видимо, специально подчеркнуть тот факт, что в мире естественного отбора быстрая реакция на ложную угрозу обладает даже большим преимуществом, чем замедленная реакция, связанная с длительной переработкой информации. В этой связи та информационная инкапсулированность, которая характерна для вводных систем, не только оправданна, но и адаптивно полезна.

Адаптационистскую точку зрения можно распространить и на другие когнитивные системы, например интеллект. Исследователи второй половины XX века тщательно изучали процесс человеческого мышления, концентрируя свои усилия на индукции и дедукции как главных способах получения обоснованного знания о мире. При этом те из мыслителей, которые интересовались индуктивным мышлением, пытались выяснить, выстраивают ли люди свои рассуждения в соответствии со статистическими теориями вывода, а другие, чьим предметом интереса было дедуктивное мышление, старались ответить на вопрос о том, удовлетворяют ли человеческие рассуждения правилам формальной пропозициональной логики.

Надо сказать, что обе исследовательские стратегии привели к интересным результатам. Так, выяснилось, что человеческий разум не исчисляет вероятность того или иного события в соответствии с некими нормативными статистическими теориями. В своих индуктивных заключениях люди скорее опираются на так называемые «эвристики», которые часто дают правильные решения, но могут привести и к ошибке, ибо не подразумевают формул и вычислительных процедур, соответствующих нормативным теориям [21]. В свете эволюционно-биологической перспективы данный факт вовсе не выглядит странным, напротив – показывает, что человеческое мышление сформировано (разумеется, частично) эволюционными запросами. Дело в том, что для живого существа, в том числе человека, которому часто необходимо действовать еще до того, как он будет располагать всей полнотой информации, такие мыслительные процедуры, как эвристики, могут обладать большим адаптивным значением, чем те, которые гарантированно приводят к достоверному результату, но требуют значительных временных затрат.

В свете сказанного представляется важным и другой факт. Индивиды, изучаемые на предмет их способности следовать правилам статистических теорий, демонстрировали гораздо больший

успех, если предлагаемые их вниманию задачи формулировались не в терминах предсказания вероятности отдельного, единичного события, а на языке так называемой частотной вероятности, предполагающей оценку отношения одного числа неких событий к другому числу событий. Например, вместо того чтобы спрашивать, «какова вероятность того, что у некоего человека при положительной реакции на медицинский тест действительно имеет место заболевание», задавали вопрос о том, «какое количество индивидов из числа протестированных и показавших положительную реакцию действительно больны» [13]. В принципе, объяснение данного обстоятельства вполне может иметь эволюционный характер. Следует обратить внимание на то, что для предка человека, основу жизнедеятельности которого долгое время составляло так называемое присваивающее хозяйство, вопросом выживания являлось принятие эффективного решения о том, в каком месте обширной территории вести охоту, заниматься рыболовством. В тех случаях, когда наш предок оказывался в подобного рода ситуациях, он, видимо, предпочитал те места, которые и прежде приносили ему успех. Однако, для того чтобы принимать такие решения, живое существо должно уметь оперировать информацией в форме соответствующей частотной вероятности. Таким образом, способность оценивать те или иные ситуации в форме частотной вероятности явно обладала адаптивными преимуществами и, видимо, получила эволюционное закрепление.

Не менее интересными оказались и результаты, полученные в связи с исследованием дедуктивного мышления. Пожалуй, наиболее широкий резонанс вызвала серия исследований под руководством П. Уотсона. Как и многих других психологов середины XX века, Уотсона интересовала идея К. Поппера, согласно которой подлинная проверка гипотезы заключается в ее фальсификации. Следуя идеям Поппера, Уотсон предложил своим испытуемым усвоить следующее правило: «Если карточка содержит на одной из своих сторон изображение гласной буквы, то, следовательно, на другой ее стороне изображено четное число». Далее испытуемым представили четыре карточки и попросили указать, какие из них необходимо перевернуть, чтобы опровергнуть данное правило (рис. 3).

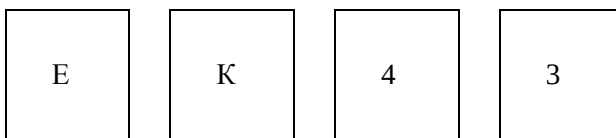

Рис. 3

Данная задача вполне может быть рассмотрена как проблема логической импликации: если p , то q . Если цель заключается в том, чтобы фальсифицировать правило, то испытуемым

требуется перевернуть карточки Е и 3. Почему? Перевернуть карточку Е необходимо потому, что если выяснится, что на обратной ее стороне отсутствует четное число, то правило будет фальсифицировано. Далее нет никакой необходимости в том, чтобы переворачивать карточку К, ибо тестируемое правило ничего не сообщает относительно согласных. Карточка с изображением четверки на первый взгляд могла бы представлять интерес: если бы выяснилось, что на обратной ее стороне имеется изображение гласной буквы, то это подтвердило бы правило. Однако в соответствии с точкой зрения К. Поппера данный выбор не стоит делать, ибо он ориентирован на подтверждение, а не на фальсификацию. И наконец, карточку с изображением тройки действительно следует перевернуть, поскольку есть вероятность того, что на ее обратной стороне окажется изображение гласной буквы и в этом случае правило будет фальсифицировано. Эксперимент П. Уотсона показал, что только 4 % испытуемых сделали свой выбор в соответствии со стратегией фальсификации (то есть выбрали карточки Е и 3), тогда как большинство ориентировано главным образом на поиск подтверждения, а не опровержения и поэтому отдает предпочтение карточкам с изображением буквы Е и четверки [32].

Однако это не все. Дальнейшие эксперименты, связанные с применением задачи выбора, выявили еще одно любопытное обстоятельство: при некотором изменении содержания исходного правила эксперимент приводил к положительным результатам! Так, Р. Григгс и Дж. Кокс предложили своим испытуемым усвоить следующее правило: «если человек употребляет алкогольные напитки, то он должен быть старше девятнадцати лет». Так же, как и в эксперименте Уотсона, вниманию испытуемых психологи представили четыре карточки с соответствующими надписями: «пиво» (p), «кока-кола» ($не-p$), «возраст 16 лет» ($не-q$), «возраст 22 года» (q). Далее испытуемых попросили представить себя полицейскими, которые проверяют возраст людей, употребляющих напитки. Предпринятая модификация задачи выбора Уотсона продемонстрировала, что большинство испытуемых следуют стратегии фальсификации, отдавая предпочтение карточкам «пиво» (p) и «возраст 16 лет» ($не-q$) [18].

Следует заметить, что задача выбора П. Уотсона еще не раз подвергалась изменениям и становилась предметом обсуждения самых разных психологов-исследователей. Нас, однако, интересует та сторона этих дискуссий, которая проливает свет на биологические корни человеческого познания, в частности мышления. Принимая эволюционную перспективу, необходимо особое внимание обратить на следующее обстоятельство. Палеоантропологические данные свидетельствуют о том, что человеческие существа вне зависимости от их культурной принад-

лежности вовлечены в социальную кооперацию, которая является частью эволюционной истории человека длиной почти 2 млн лет. В то же время, как показывает анализ в рамках теории игр, социальная кооперация не могла развиваться до тех пор, пока человеческие существа не научились обнаруживать так называемых мошенников, то есть людей, которые, участвуя в социальной кооперации, получают прибыль, не давая ничего взамен [9], [31]. Обнаружение подобного рода обманщиков представляло очень важную адаптивную проблему. В самом деле, ведь те индивиды, которые постоянно подвергались бы обману, просто не смогли бы выжить. В этой связи успех испытуемых в решении модифицированной задачи выбора может вполне объясняться тем, что исходное правило, будучи видоизмененным, принимает форму социальной договоренности и тем самым активизирует эволюционно закрепленную в человеческом разуме способность обнаружения обманщиков – тех, кто отступает от социальных договоренностей [12].

В целом сказанного достаточно, чтобы зафиксировать тот факт, что человеческий познавательный аппарат если не всецело, то хотя бы отчасти представляет собой продукт естественного отбора, ибо эффективность решения познавательных проблем напрямую связана с главным требованием естественного отбора – увеличение приспособляемости биологического вида. К вышеизложенному, однако, необходимо добавить еще одно обстоятельство. Эволюционный характер происхождения познавательного аппарата должен свидетельствовать о себе через наличие ряда генетически закрепленных и наследуемых когнитивных предрасположенностей, диспозиций. В свете интересующей нас темы – антропологических смыслов, аспектов познания – было бы резонно более подробно остановиться на данном обстоятельстве.

Еще в первой половине XX века ряд исследователей, прежде всего психологов, высказывали предположения о том, что некоторые структуры и средства, которые использует человеческое сознание в своем восприятии и осмыслении окружающего мира, являются врожденными [19], [24], [30]. Начиная со второй половины XX столетия число этих исследователей значительно увеличивается, а сами предположения получают экспериментальные подтверждения.

Стартовой площадкой для нативистских концепций становятся исследования, в которых рассматривался процесс овладения языком. Так, в конце 1950-х годов Н. Хомский указал на то, что если учитывать, с одной стороны, несовершенный, фрагментарный характер тех лингвистических данных, которые составляют речь взрослых, а с другой стороны – ту скорость, с которой ребенок научается языку, то гипотеза о том, что обучение языку осуществляется посредством проб и ошибок или с помощью аналогии, представляется маловероятной. Более правдоподобным выступа-

ет предположение о том, что ребенок располагает некой врожденной, то есть биологически наследуемой, генетически кодируемой, способностью к усвоению языка. Признавая, что существующие языки отличаются друг от друга синтаксически, то есть порядком расположения слов в предложении, Хомский, однако, подчеркивал, что все языки используют одни и те же синтаксические компоненты. Все языки содержат структуры, которые выполняют функции существительных, глаголов, прилагательных и предлогов. Эти сугубо формальные, абстрактные особенности языков образуют, по мнению Хомского, так называемую универсальную грамматику, которая как совокупность правил является врожденной человеческому разуму [11].

Идея Хомского о том, что ребенок появляется на свет уже имея некие ожидания относительно того, как устроен человеческий язык, нашла определенные экспериментальные подтверждения. Так, К. Хирш-Пасек и Р. Голинкоф вслед за С. Крэйном и М. Накаяма [14] продемонстрировали, что новорожденные в возрасте 13–14 месяцев уже способны проводить различие между сходными по звучанию, но синтаксически различными фразами. В предпринятом ими эксперименте младенцы сидели напротив двух телеэкранов, показывающих героев детского сериала «Улица Сезам» – Большую Желтую Птицу и Коржика. В ходе эксперимента было зафиксировано, что когда закадровый голос, например, восклицал: «Смотрите! Большая Птица моет Коржика!» – дети значительно дольше наблюдали за тем экраном, на котором происходило сообщаемое событие, в сравнении с тем, который транслировал другое, сходное с первым действие, например показывал, как Коржик моет Большую Птицу [20]. На основе данного эксперимента был сделан вывод о том, что еще до того, как дети научатся соединять слова вместе, они уже способны понимать разные роли подлежащего, глагола и дополнения.

Большую роль в выяснении генетической подосновы языка сыграли медико-биологические исследования, посвященные различного рода расстройствам. В одном из таких исследований было, например, установлено, что три четверти исследуемых детей имели причины задержки в развитии языка именно в генетической плоскости и лишь одна четверть – в окружающей социальной среде [15]. Другие исследования, посвященные специфическим речевым нарушениям (в англо-американской литературе часто используется аббревиатура SLI – specific language impairment), выявили зависимость между отклонениями в хромосомном наборе носителей данного типа расстройств и нарушением их способности к инфлективной морфологии – изменению слова в соответствии с такими грамматическими характеристиками, как число, время и т. д. [17], [33].

Следует заметить, что идеи Н. Хомского о существовании неких врожденных когнитивных

структур вышли далеко за рамки лингвистики. В конечном итоге эти идеи результативались в концепцию модульной организации человеческого познания. Если быть кратким, то модуль – это врожденный, связанный с определенными нейроанатомическими структурами механизм переработки когнитивной информации. Обнаружить число модулей, их проблемные области, когнитивные функции можно только в ходе конкретных, эмпирических исследований. На сегодняшний день эмпирическую базу для идеи о существовании таких врожденных когнитивных структур, как модули, составляют главным образом исследования, посвященные психическому развитию детей.

Так, в целом ряде исследований середины 80-х годов XX века было отмечено то обстоятельство, что уже трехлетние дети предпочитают делать умозаключения об объектах на основе их глубинных свойств, а не внешнего вида. В одном из таких исследований детям предлагались истории о животных, внешний вид и внутренняя сущность которых расходились. Например, рассказывалось о некоем животном, которое имело все признаки и поведение енота, но кровь, кости и мозг скунса. Впоследствии испытуемым был задан вопрос: «Кем в действительности было данное животное?» Отвечая на этот вопрос, дети были склонны не принимать во внимание внешние признаки и поддерживали идею о том, что животные были скорее скунсами, нежели енотами [22].

Примечательно, что эксперименты, подобные описанному выше, обретают сегодня и кросс-культурное измерение. В одном из таких этноэкспериментов у американцев и индейцев майя (возраст испытуемых был 4–5 лет) спрашивали, на кого будет похоже животное, которое выросло в среде так называемых «приемных родителей»? Например, будет ли теленок, выросший среди поросят, напоминать корову или свинью? По условиям эксперимента ребенок должен был ответить на данный вопрос, опираясь на предложенные экспериментатором описания индивидуальных черт «природного» и «приемного» родителей, например: мычание / хрюканье; прямой хвост / изогнутый хвост. При этом среди подобных черт фигурировали и ранее неизвестные ребенку особенности, то есть те, о которых он впервые узнал от экспериментатора. Например, плоская (характерная для коровы) / круглая (характерная для свиньи) форма сердца в состоянии сна. В итоге полученные результаты свидетельствовали о решительном и систематическом предпочтении ребенком «природного» родителя (в данном случае коровы). Данные выводы стали основанием для утверждения, что уже с раннего возраста и вне зависимости от культурной принадлежности человек имеет склонность полагать, что представители естественных видов разделяют некую присущую им каузальную сущность, которая во многом и оп-

ределяет категориально-типические черты их внешнего вида и поведения [8].

Наконец, особого внимания заслуживают те эксперименты, в которых в качестве испытуемых выступают младенцы. Обычно в психологических экспериментах подобного рода младенца помещают в небольшую комнату с глухими стенами и на расположенный перед ним экран проецируют изображение некоего объекта. Некоторое время новорожденные смотрят на проецируемый объект, потом их внимание притупляется – считается, что они привыкли к определенного рода стимулу. Если этот же самый визуальный стимул на несколько секунд блокировать, а потом возобновить, то время рассматривания младенцем изображения значительно уменьшится. Если спустя некоторое время на экран проецировать изображение нового объекта, то ребенок будет рассматривать его столь же долго, как и первый объект. И в первом, и во втором случаях время, которое тратит ребенок, рассматривая проецируемый на экране объект, тщательно фиксируется экспериментатором.

В одном из таких экспериментов (рис. 4) четырехмесячных младенцев приучили смотреть на горизонтальное движение металлического стержня. При этом срединная часть стержня была закрыта массивным бруском и оставалась невидимой для испытуемых. Впоследствии экспериментальную ситуацию изменили: брусок убрали и демонстрировали горизонтальное движение полностью открытого стержня, а потом движение двух отдельных частей стержня, как если бы целый стержень оказался распилен надвое. Примечательно, что именно этот последний вариант был предпочтен испытуемыми, хотя, казалось бы, он должен быть более привычным для них, то есть близким к образу стержня, частично закрытого бруском. Данное предпочтение, по мнению исследователей, объясняется тем, что уже в исходной ситуации, наблюдая движение частично закрытого стержня, младенцы «видели» его как нечто целостное, что свидетельствует о наличии у них некоего врожденного понятия об объекте [23].

Эти и многие другие эксперименты, основанные на технике «предпочтительного рассматривания», привели к заключению, что у младенцев можно выделить целый ряд врожденных когнитивных диспозиций, в частности:

- условие континуальности (объекты двигаются по непрерывным траекториям последовательным образом, не перескакивая с одного места на другое);
- условие непроницаемости, жесткости (объекты передвигаются по открытым, свободным от препятствий траекториям);
- условие тяжести (в отсутствие поддержки объекты падают вниз);
- условие инерции (объекты не меняют свое движение внезапно, спонтанно);

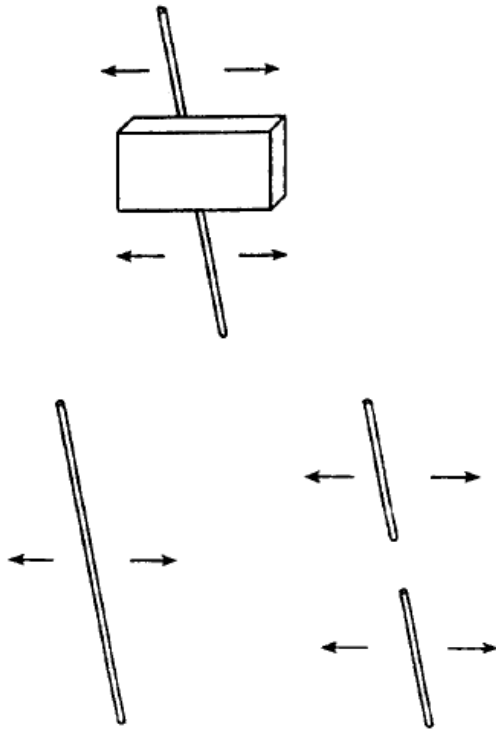

Рис. 4

Таким образом, как можно видеть, идея о существовании модулей как врожденных когнитивных механизмов, каждый из которых ориентирован на специфическую проблемную область, действительно имеет определенную эмпирическую поддержку. Даже ограничиваясь теми данными, которые мы привели, вполне можно говорить о наличии модулей, программирующих человеческое восприятие и осмысление мира физических и биологических объектов.

Подведем итоги. Долгое время познавательные процессы рассматривались исключительно в свете социокультурных факторов. Разумеется, духовная и материальная культура, крупномасштабные социальные изменения (связанные, в частности, с появлением сельскохозяйственного производства, которое повлекло за собой резкое увеличение численности населения, возникновение городов и государственной власти и т. д.)

оказали мощное формообразующее воздействие на когнитивные способности человека. В то же время надо признать, что социокультурные факторы не в состоянии отключить действие биологических факторов, полностью освободить когнитивные способности от давления императивов, обусловленных эволюционным процессом. Сам факт наличия таких когнитивных, получивших генетическое закрепление структур, как модули, свидетельствует о том, что определенные системы восприятия и мышления сложились под давлением естественного отбора, возникли как адаптации, обеспечивающие выживание и воспроизводство.

Далее, принимая во внимание, что на способах и средствах порождения знания лежит печать биологической конституции человека, приходится констатировать, что познавательные результаты имеют явное человеческое измерение. Другими словами, познавательный результат оказывается не просто идеальной копией внечеловеческого мира, а конструкцией, имеющей двуединую – объектно-субъектную – природу.

Наконец, учитывая, что когнитивный аппарат, с помощью которого мы познаем окружающий мир, является результатом эволюции, то есть сформировался в ходе приспособления к этому миру, можно сказать, что наши знания соответствуют миру. Однако поскольку приспособление организмов к окружающему миру никогда не бывает идеальным, постольку и соответствие наших знаний миру является приближенным, частичным, неполным. Следует помнить, что в ходе эволюционного процесса у нас сформировались формы и категории для восприятия прежде всего тех аспектов реальности, считаться с которыми было императивом выживания нашего рода. Между тем мы вполне можем и даже обязаны допустить, что у реальности имеется и множество других аспектов, знание которых не имеет непосредственного жизненно важного значения, и для их познания имеющиеся у нас формы и категории не являются достаточными и адекватными. Последнее обстоятельство особенно важно, ибо еще раз подчеркивает принципиальную гипотетичность человеческого знания – знания, которое всегда должно оставаться открытым для пересмотра и улучшения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональных систем: Избр. тр. М.: Наука, 1978. 400 с.
2. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И. П. Меркулов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15–42.
3. Марр Д. Зрение. Информационный подход к изучению представления и обработки зрительных образов. М.: Радио и связь, 1987. 400 с.
4. Матурана У. К., Варела Ф. Х. Дерево познания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
5. Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
6. Северцов А. Н. Эволюция и психика // Психологический журнал. 1982. № 4. С. 149–159.
7. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, лингвистики, философии и теории науки. М.: Русский двор, 1998. 255 с.
8. Atran S. Modular and cultural factors in biological understanding: an experimental approach to the cognitive basis of science // Cognitive Basis of Science / Ed. Carruthers Peter. Port Chester, NY, USA: Cambridge University Press, 2002. P. 41–73.

9. Axelrod R., Hamilton W. D. The evolution of co-operation // *Science*. 1981. Vol. 211. P. 1390–1396.
10. Carruthers P. *Architecture of the Mind: Massive Modularity and the Flexibility of Thought*. Oxford, GBR: Clarendon Press, 2006. 462 p.
11. Chomsky N. Review of B. F. Skinner's *Verbal Behavior* // *Language*. 1959. Vol. 35. P. 26–58.
12. Cosmides L. The logic of social exchange: Has natural selection shaped how humans reason? Studies with the Wason selection task // *Cognition*. 1989. Vol. 31. P. 187–276.
13. Cosmides L., Tooby J. Are humans rational thinkers after all? Rethinking some conclusions from the literature on judgment under uncertainty // *Cognition*. 1996. Vol. 58. P. 1–73.
14. Crain S., Nakayama M. Structure dependence in children's language // *Language*. 1986. Vol. 62. P. 522–543.
15. Dale P., Simonoff E., Bishop D., Eley T., Oliver B., Price T., Purcell S., Stevenson J., Plomin R. Genetic influence on language delay in two-year-old children // *Nature Neuroscience*. 1998. Vol. 1. P. 324–328.
16. Fodor J. *The modularity of mind: an essay on faculty psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 164 p.
17. Gopnik M. Impairments of tense in a familial language disorder // *Journal of Neurolinguistics*. 1994. Vol. 8. P. 109–133.
18. Griggs R. A., Cox J. R. The elusive thematic-materials effect in Wason's selection task // *British Journal of Psychology*. 1982. Vol. 73. P. 407–420.
19. Hebb D. O. *The Organization of Behavior: A Neuropsychological Theory*. N. Y.: John Wiley & Sons, 1949. 335 p.
20. Hirsh-Pasek K., Golinkoff R. M. Language comprehension: A new look at some old themes // Eds. N. Krasnegor, D. Rumbaugh, M. Studdert-Kennedy, R. Schiefelbusch. *Biological and Behavioral Determinants of Language Development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1991. P. 301–320.
21. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 574 p.
22. Keil F. C. The acquisition of natural kinds and artifact terms // Eds. W. Demopolous, M. Marras. *Language learning and concept acquisition*. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 133–153.
23. Kellman P. J., Spelke E. S. Perception of partly occluded objects in infancy // *Cognitive Psychology*. 1983. Vol. 15. P. 483–524.
24. Lashley K. S. Experimental analysis of instinctive behavior // *Psychological Review*. 1938. Vol. 45. P. 445–471.
25. Pinker S. *How the Mind Works*. N. Y.: Norton, 1997. 660 p.
26. Poggio T., Tone V., Koch C. Computational vision and regularization theory // *Nature*. 1985. Vol. 317. P. 314–319.
27. Ramachadran V. S. Visual perception in people and machines // Eds. A. Blake, T. Troscianko. *AI and the eye*. N. Y.: Wiley, 1990. P. 21–77.
28. Shepard R. N. Ecological constraints on internal representations: Resonant kinematics of perceiving, imagining, thinking, and dreaming // *Psychological Review*. 1984. Vol. 91. P. 417–447.
29. *The Adapted Mind: Evolutionary psychology and the generation of culture* / Eds. J. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby. NY: Oxford University Press, 1992. 688 p.
30. Tinbergen N. *The Study of Instinct*. Oxford: Clarendon Press, 1951. 380 p.
31. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism // *Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46. P. 35–57.
32. Wason P. C., Johnson-Laird P. H. *Psychology of reasoning: Structure and Content*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. 272 p.
33. Van der Lely H., Ullman M. Past tense morphology in specifically language impaired and normally developing children // *Language and Cognitive Processes*. 2001. Vol. 16. P. 177–217.

УДК 332.14

ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА РЯБОВА

кандидат экономических наук, доцент Института экономических проблем им. Г. П. Лузина, Кольский научный центр РАН, заведующий отделом социальной политики на Севере
larissar@iep.kolasc.net.ru

НОВАЯ СЕВЕРНАЯ ПАРАДИГМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

В статье рассматриваются вопросы формирования социально ориентированной северной парадигмы России. Выявляются наиболее острые социальные проблемы северных регионов и их причины, формулируются приоритеты и задачи федерального и регионального уровней управления в сфере социальной политики на Севере РФ.

Ключевые слова: северная парадигма России, социальные проблемы Российского Севера, социальная политика

СЕВЕРНАЯ ПАРАДИГМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Одна из важнейших научно-практических задач современного развития России – поиск и реализация новой национальной северной парадигмы. В советское время северная парадигма государства формулировалась так: «Покорение и освоение Севера. Это особый регион, жители которого создают благосостояние всей страны, поэтому государство должно компенсировать им тяготы жизни в суровых условиях». Ряд исследователей делают вывод о наличии концепции «моральной экономики» советского Севера (например, Н. Томпсон, *moral economy concept*), в которой северная экономика рассматривалась как экономика жертвенности и долга, а жизнь и работа на Севере – как служба на благо страны [20].

В 1990-е годы провозглашался государственный протекционизм в отношении Севера, декларировалась государственная поддержка резко снизившегося уровня жизни северян, однако отсутствовали финансовые средства для реализации объявленных целей.

В 2000-е годы начался переход к политике рыночного регулирования и самовывживания Севера. Новый подход обозначался следующим образом: «Север – такой же регион, как и остальные, и должен следовать общим правилам рынка. Экономическая эффективность Севера – условие социально приемлемого уровня жизни его населения». Основными чертами государственной политики стали отрицание особенностей Севера и рассмотрение его как объекта стандартной политики государства, ликвидация федерального органа, отвечающего за северную политику, перенос социальной ответственности на региональный и местный уровни, активизация риторики о перенаселенности Севера и вахтовом методе работы. После принятия в 2004 году ФЗ № 122 [18] был отменен закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера РФ» (1996),

ликвидирована часть государственных северных гарантий, ответственность за их реализацию во внебюджетной сфере была перенесена на работодателей, развернулся процесс унификации северного законодательства, из многих законов были изъяты «северные» статьи.

Современный период характеризуется следующими процессами: рост геополитических амбиций РФ на Севере и в Арктике; восстановление части отмененных северных гарантий в результате давления со стороны регионов; возрастание роли ресурсных корпораций в социальном развитии Севера. Приняты «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (2008) и «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2009). К сожалению, многие эксперты по проблемам Севера отмечают, что в новых документах он зачастую рассматривается не как уникальный регион, где необходимо обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, а как ресурсная база РФ. Так, «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике...» в качестве первоочередного национального интереса определяют «использование Арктической зоны РФ в качестве стратегической ресурсной базы РФ, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны» [11]. На фоне скупости освещенных социальных вопросов (при том, что Российская Арктика – не безлюдный регион, здесь живет около 2,7 млн человек) такие формулировки дают основания считать, что этим территориям отводится роль сырьевого придатка России.

Современная северная парадигма государства обозначается, на наш взгляд, следующим образом: «Север и Арктика – геополитически и стратегически важные регионы. Они используются и впредь будут использоваться как главная ресурсная база РФ». При этом ряд основополагающих законодательных документов по Северу не при-

нут, по важнейшим вопросам позиции государства остаются неясными. Какой уровень заселенности Севера необходим государству? Какой видится экономическая основа его развития – по-прежнему ресурсно-сырьевой или инновационно-ресурсной, инновационно-знаниевой? Каковы здесь приоритеты государственной социальной политики? Какой уровень жизни государство хочет обеспечить на своих северных территориях – социально приемлемый, сравнимый со средним по РФ, или максимально высокий, на уровне, достигнутом в развитых регионах зарубежного Севера? В ответах на эти вопросы нуждаются как северные регионы, так и страна в целом.

Не секрет, что в российском обществе сегодня сформировались два взгляда на роль и приоритеты развития Севера. Одна часть общества рассматривает его преимущественно как источник ресурсов, как регион, призванный обеспечивать благосостояние остальной части страны, как место, где затратно и неэффективно создавать условия жизни по высоким стандартам. Для другой части общества (в основном для северян) Север – прежде всего место жизни, где необходимость решения острейших социальных проблем и создания для людей условий, адекватных их значительному вкладу в экономику и в геополитическое положение страны, является задачей жизненно важной и более приоритетной, чем жертвенный труд по добыче ресурсов для регионов с благоприятными климатическими условиями.

Противостояние этих взглядов заметно в политических и экономических решениях федерального и регионального уровней, в законодательной практике, в научном дискурсе. На федеральном уровне доминируют соображения геостратегического и сырьевого характера, предпринимаются попытки отвести Северу роль сырьевой колонии. Многие северные регионы видят свою перспективу иначе, разрабатывая стратегии устойчивого, диверсификационного, инновационного развития. Отсутствие общественного консенсуса по поводу национальной северной парадигмы становится тормозом развития Севера. Необходимость скорейшего преодоления конфликта этих подходов обусловлена во многом тем, что на Севере сложилась неблагоприятная ситуация, характеризующаяся комплексом острых социальных проблем. Очевидно, что новая северная парадигма должна быть более социально ориентирована, так как возможные последствия консервации сегодняшних проблем создают высокие риски для развития не только Севера, но и, учитывая его роль в экономике России, всей страны.

ОТ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОБЛЕМ К СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА

Новая, социально ориентированная парадигма развития Российского Севера, так же, как и

система приоритетов, целей и задач по ее реализации, должны, на наш взгляд, выстраиваться на основе проблемно ориентированного подхода, на базе четкой идентификации социальных проблем в пространственном (региональном) аспекте. Социальные проблемы, типичные для северных регионов РФ, были выявлены нами на основе анализа тенденций периода 2000–2008 годов и современного уровня развития человеческого потенциала и социальной сферы Севера, сравнения социальных показателей с индикаторами устойчивого развития¹ с использованием социологических и экспертных методов социальной диагностики. Статистически анализировалась ситуация в регионах, полностью отнесенных к Крайнему Северу². Исследование выявило следующие наиболее острые социальные проблемы Российского Севера.

1. Снижение количественных и качественных характеристик человеческого потенциала в большинстве регионов Севера как результат сохраняющейся миграционной и естественной убыли, низкого уровня здоровья населения. В большинстве северных регионов продолжается начавшееся в 1990-х годах сокращение численности населения, основным фактором которого является миграционная убыль. В половине из них происходит депопуляция – уменьшение численности населения вследствие его суженного воспроизводства. Отрицательные коэффициенты естественного прироста в 2007 году наблюдались в республиках Карелия и Коми, Архангельской, Мурманской, Магаданской, Сахалинской областях. Проблема высокой смертности населения – наиболее острая демографическая проблема Севера. Там, где депопуляция формально отсутствует, идет процесс естественного воспроизводства, типичный для слаборазвитых стран. Это Тыва, Чукотский автономный округ, где катастрофически высок уровень смертности, продолжительность жизни одна из наиболее низких, а уровень рождаемости один из самых высоких в РФ. В большинстве регионов основные демографические индикаторы ниже предельно допустимых с точки зрения устойчивого развития значений. Так, показатель ожидаемой продолжительности жизни в среднем по Крайнему Северу составил в 2007 году 65,1 года при среднем по РФ 67,5 года и при его предельно допустимом значении 76,7 года [9], [13]. Демографическая ситуация – сильнейшее ограничение развития Севера, эта проблема нуждается в активном регулировании на всех уровнях управления.

Качественные характеристики человеческого потенциала, проявляющиеся прежде всего в уровне образования и здоровья, после 2000 года изменялись неоднозначно. Общими трендами явились некоторая стабилизация ситуации в сфере здоровья и рост, хотя и неравномерный, образовательного уровня населения.

В начале 2000-х годов происходило ухудшение здоровья населения Севера, обусловленное действием негативных факторов 1990-х годов (снижение обеспеченности врачами и коечным фондом, вынужденный отказ от отдыха на юге и т. д.). В последние годы, судя по показателю продолжительности жизни, ситуация улучшилась – во всех регионах, кроме Чукотского автономного округа, он возрос. Однако по ряду заболеваний, в том числе являющихся основными причинами смертности, во многих регионах идет ухудшение: растет смертность от новообразований, туберкулеза, заболеваемость алкоголизмом выше средней по РФ до 4,5 раза (Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ). С учетом того, что продолжительность жизни на Севере хронически ниже средней по РФ, можно утверждать, что уровень здоровья населения здесь ниже среднего по стране.

Образовательный уровень населения возрос, если судить по показателю «доля населения с высшим и неполным высшим образованием в общей численности занятых и безработных граждан». Его рост наблюдался в республиках Саха (почти на 50 % за 2000–2007 годы) и Тыва (на 21 %), в Архангельской области (на 16 %, в том числе в Ненецком автономном округе на 38 %). Однако в части регионов он снизился (республики Карелия и Коми, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Сахалинская и Магаданская области), и в большинстве северных регионов он ниже среднего по РФ. Исключения – лишь Республика Саха и Ханты-Мансийский автономный округ. В среднем доля населения с высшим и неполным высшим образованием в численности занятых и безработных составила в 2007 году 24,4 % (19,7 % в 2000 году) при средней по РФ 26,8 % (23,3 % в 2000 году). В целом отставание по этому показателю от среднероссийского уровня сократилось [13].

Человеческий потенциал Севера – важнейший фактор конкурентоспособности северных регионов, ключевое условие их устойчивого развития, гарантия сохранения важнейшего стратегического ресурса государства – северных территорий. Его развитие должно стать реальным, а не декларативным приоритетом для государства, северных сообществ, ресурсных корпораций.

2. Низкий уровень жизни, резкое снижение экономической привлекательности работы на Севере, что отражается в более низких, чем в среднем по РФ, уровнях реальной заработной платы и доходов, более высоких уровнях бедности населения. Средняя заработная плата во многих северных регионах неуклонно сближается со средней по РФ. Если в дореформенный период она превышала среднюю по стране в 2–4 раза, то сегодня во многих регионах превышение составляет менее 1,5 раза. Реальная же заработная плата, как правило, ниже среднероссийской. Так,

в Мурманской области отношение средней заработной платы к средней по РФ в 2009 году составило 1,3, не покрывая разрыв в стоимости жизни: прожиточный минимум здесь выше среднероссийского в 1,5 раза [6].

Темпы роста реальных доходов и реальной заработной платы на Севере в 2000–2007 годах были ниже средних по РФ: реальные доходы возросли в 2 раза (в РФ – в 2,3 раза), а реальная заработная плата – в 2,1 раза (в РФ – в 2,6 раза). Соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума, как правило, ниже среднего по РФ. Этот показатель выше или на уровне среднероссийского лишь в Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах.

Проблема бедности населения – одна из наиболее острых. В 8 из 12 полностью относящихся к Крайнему Северу регионов уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) выше среднего по РФ (рис. 1). Средний уровень бедности в 2007 году составил 15,1 % при среднероссийском 13,4 % [13], [8].

Несправедливость и парадокс заключаются в том, что при высоких уровнях бедности Север существенно опережает остальную часть страны по уровню производимого валового регионального продукта (ВРП) на душу населения. По среднедушевому реальному ВРП большинство регионов Севера из года в год входят в первую десятку регионов РФ [2]. В 2007 году лишь в 2 из 12 северных регионов среднедушевой ВРП был ниже среднего по РФ³ (рис. 2).

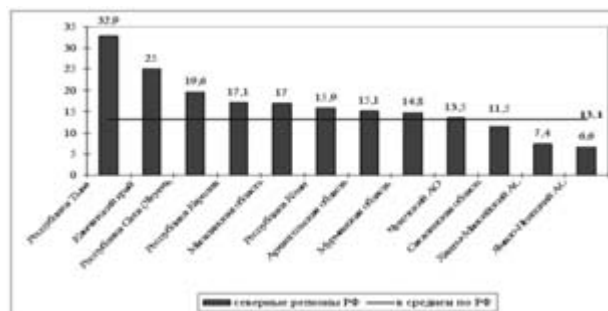

Рис. 1. Уровень бедности населения в северных регионах РФ и в среднем по России, 2007 год, % (по данным [15])

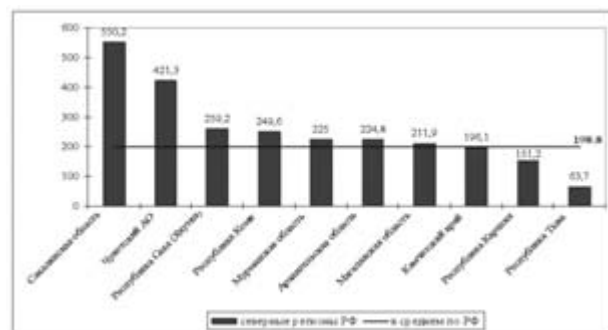

Рис. 2. Среднедушевой ВРП по северным регионам РФ и в среднем по России, 2007 год, тыс. руб. (по данным [16])

Это означает, что систематически происходит экспорт благосостояния из северных регионов, экономическая деятельность приносит больше пользы регионам за пределами Севера, чем самому Северу. Базисная причина такой ситуации – отсутствие справедливых налоговых и неналоговых механизмов распределения северной ресурсной ренты (доходов, формируемых при освоении ресурсов) в пользу регионов Севера. В этом отношении Россия из всех циркумполярных стран находится в наиболее отсталом положении. У нас не нашел достаточного применения ни успешный опыт Аляски с ее рентной моделью экономики, ни канадский опыт совместного ресурсного менеджмента, обеспечивающего взаимодействие государства, коренных этносов, местных сообществ, ресурсных корпораций [19]. Что касается причин отсутствия таких механизмов, то их максимально кратко обозначил академик Е. Велихов: «Главным уроком и примером для России должна послужить совершенно особая история построения гражданского общества на Аляске» [3].

Другие причины низкого уровня жизни состоят в несоответствии системы северных гарантий и компенсаций уровню затрат, связанных с проживанием на Севере, «сжатию» этой системы в последние годы, проблемах с реализацией северных гарантий в организациях внебюджетной сферы, низкой ответственности работодателей в частном бизнесе в отношении оплаты труда⁴ и реализации северных гарантий, низком уровне диверсификации северных экономик.

Таким образом, большинство регионов Севера РФ испытывают высокую степень пространственной социально-экономической несправедливости, выражающейся в неадекватной экономической компенсации населению за работу и проживание в экстремальных условиях. Необходима реализация на всех уровнях управления при участии бизнеса мер по более справедливому распределению благосостояния, создаваемого на Севере, повышению экономической привлекательности работы здесь для населения.

3. Сложная ситуация на рынках труда, проявляющаяся как в высоких уровнях безработицы, так и в недостатке квалифицированных кадров, во многом обусловленная низким уровнем диверсификации северных экономик, наличием большого числа моногородов. С одной стороны, на Севере высокие уровни безработицы, с другой – растет потребность в квалифицированных кадрах. В 2007 году уровень безработицы в 7 из 12 регионов, полностью отнесенных к Крайнему Северу, был выше среднего по РФ [13]. При этом за последние два десятилетия Север покинули, по разным оценкам, от 1,6 до 3 млн человек, и сегодня продолжается отток наиболее подготовленных кадров и молодежи, исчезает экономическая

привлекательность работы здесь для квалифицированных кадров из других регионов.

Мировой кризис обострил проблемы северных моногородов, и в перспективе с ростом зависимости от мировых цен на ресурсы, добываемые на Севере, ситуация будет усложняться. Нужны активизация управления трудовой миграцией и упреждающая диверсификационная политика, прежде всего в тех старообжитых регионах, где целесообразно сохранить уровень заселенности. Это Архангельская, Магаданская, Мурманская, Камчатская, Сахалинская области, республики Саха и Коми.

Необходимо более активно использовать природный, культурный потенциал, социальный капитал⁵ Севера для стимулирования новых для индустриального типа развития видов деятельности, создающих основу для снижения ресурсной зависимости, саморазвития северных сообществ. Это малый бизнес, туризм, технологические и социальные инновации, сельское хозяйство, образование, в том числе подготовка выпускников с северной специализацией.

4. Недостаток молодых специалистов, в том числе инновационного профиля, для реализации национальных планов развития Севера и Арктики. В настоящее время идут процессы, представляющие серьезную угрозу развитию Российского Севера и Арктики. Во-первых, это «постарение» возрастной структуры населения. В большинстве северных регионов в ближайшем будущем начнет сокращаться численность молодежи за счет естественного движения. Из-за низкой рождаемости в 1990–2005 годах из этой группы будут выбывать более многочисленные контингенты, чем вступать в нее. Уже с 2010 года за счет естественного движения начнутся весьма значительные сокращения численности молодежи на Севере [17]. Если при этом отток молодого населения сохранится на высоком уровне, то его потери для большинства северных регионов могут стать невосполнимыми, представляющими угрозу не только инновационному, но и традиционному ресурсно-сырьевому развитию.

Во-вторых, экономическая и социальная привлекательность жизни на Севере для молодежи падает. Узкие рынки труда, низкие доходы, ограниченность услуг социальной сферы, низкая комфортность городской среды, периферийность как синоним отсталости, оторванности от современного образа жизни – все это делает привлекательность Севера чрезвычайно низкой. Очевидно, что романтика уже не может служить главным мотивом для привлечения молодых людей на Север. Сегодня «зывать» молодежь на Север без масштабных действий по усилению материальных стимулов, развитию социальной сферы по меньшей мере безответственно.

Необходимо более активное формирование северной молодежной политики на всех уров-

нях, начиная с федерального. В 2009 году нами были разработаны предложения по ее формированию. В их числе – установление права для лиц моложе 30 лет на получение процентной надбавки к заработной плате в полном объеме с первого года работы, если они проживали перед началом трудовой деятельности на Крайнем Севере не менее 5 лет; начисление процентной надбавки на стипендии студентов, аспирантов и докторантов, обучающихся на Крайнем Севере, и др. Ряд предложений вошел в рекомендации парламентских слушаний Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов от 28 мая 2009 года [15].

5. Несоответствие социальной инфраструктуры Севера современным стандартам, изменившейся демографической ситуации и новым жизненным установкам части северян на оседлую жизнь на обжитом Севере. Наличие комплекса специфических северных проблем, касающихся особо уязвимых социальных групп – пенсионеров, коренных народов Севера и др. Социальная инфраструктура на Севере призвана компенсировать населению проживание в суровых условиях и соответствовать природным, социально-экономическим, этнокультурным особенностям его территорий. Сегодня социальная инфраструктура большинства северных регионов характеризуется высокой неравномерностью развития, ограниченными наборами услуг, низким уровнем их доступности и невысоким качеством. Обеспеченность кадрами и объектами неравномерна, они сосредоточены в основном в региональных и муниципальных центрах при значительной удаленности от них остальных поселений. Специфика территорий и поселений Севера, в значительной степени различающихся между собой, практически не учитывается. Однако лишь развитая социальная инфраструктура, качественные услуги здравоохранения, образования, культуры, спорта, комфортная среда проживания могут обеспечить уровень развития человеческого потенциала Севера, адекватный глобальным и национальным вызовам, дать людям возможности для самореализации и запустить механизмы саморазвития северных сообществ.

На Севере более остро стоят проблемы особо уязвимых социальных групп – пенсионеров, коренных народов, людей с ограниченными возможностями. Растет удельный вес пенсионеров и инвалидов. Доля пенсионеров в общей численности населения РФ – 26,8 %, в северных регионах в целом – 25,7 % [10]. Системы здравоохранения и социальной защиты в северных регионах не готовы к этой ситуации.

Следует наконец обратить внимание на изменения в жизненных установках северян. Как показывают социокультурные исследования, сегодня для заметной части населения (по крайней

мере, на обжитых территориях Севера) оптимальной стратегией представляется не временное пребывание на Севере в период трудовой жизни, а «маятниковая» модель – оседлость и мобильность: перспектива продолжать жить на Севере в многопоколенной семье, имея возможность перемещаться в пространстве страны и мира. Исследователи указывают на высокий уровень возвратных миграций, основным мотивом которых является высокая оценка социальных связей на Севере [16]. Растет число тех северян, которые не видят для себя преимуществ в обустройстве в несевверных регионах, причем большинство в этой группе составляет нетрудоспособное население – пенсионеры, инвалиды. Следует учитывать социально-семейный аспект перемещения пожилых людей: начинать жизнь на новом месте и обходиться без помощи младшего поколения в пожилом возрасте трудно, разрыв семейных связей отрицательно сказывается на жизни всей семьи. Практика показывает, что при получении старшим поколением квартиры в другом регионе уезжает и молодое поколение.

На наш взгляд, пришло время по-новому взглянуть на дискуссию о необходимости «отселения» нетрудоспособного населения с Севера. Проблема оптимизации здесь численности населения неоднозначна и требует новых подходов к своему решению. Необходимо обратить внимание не только на улучшение государственного финансирования программ переселения нетрудоспособных северян и на реализацию подобных местных программ при поддержке бизнеса или с использованием страховых механизмов, но и на создание лучших условий для трудовой пространственной мобильности в молодых и средних возрастах. А главное – нужно обратить внимание на необходимость адаптации социальной инфраструктуры Севера к новым жизненным установкам значительной части северян на оседлую жизнь на Севере и к неизбежному росту численности нетрудоспособного населения.

Мы убеждены, что сегодня речь должна идти не о «дотягивании» социальной инфраструктуры Севера до среднероссийского уровня (тезис, характерный для современного дискурса по этой теме). Повышенные затраты здоровья людей необходимо компенсировать более высокими, чем средние по РФ, социально-инфраструктурными стандартами. В высоких широтах, где создать весь комплекс услуг невозможно, подход может заключаться в минимизации присутствия людей на основе инновационных технологий. Но в обжитых или нуждающихся в обживании регионах следует сосредоточить усилия на том, чтобы Север стал территорией повышенной социально-инфраструктурной обеспеченности, высокой, на уровне лучших стандартов, комфортности проживания. Лишь такой подход позволит вести речь о действительно устойчивом его развитии.

6. Низкое качество жизни населения Севера. Адекватная оценка качества

жизни требует анализа, опирающегося как на статистические данные, так и на социологические, социально-психологические исследования субъективных аспектов качества жизни. Выше были проанализированы отдельные аспекты качества жизни на Севере на основе статистических данных, был сделан вывод об отставании многих показателей от среднероссийского уровня и уровней, необходимых для обеспечения устойчивого развития. Обобщающие оценки качества жизни показывают, что по индексу развития человеческого потенциала все регионы Севера отстают от среднероссийского уровня, являющегося весьма низким (рейтинг Института независимой социальной политики, используемый в Докладах ООН о развитии человеческого потенциала в РФ [7]). По индексу, разработанному в МГУ, регионами с качеством жизни выше среднего по РФ в 2005 году являлись лишь Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, на среднероссийском уровне находилась Республика Коми. Исследование В. Акопова и Ю. Гаджиева, основанное на методах эконометрики, показало, что в 2000–2007 годах в большинстве северных регионов ухудшилось качество жизни, и лишь Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и Республика Коми сохранили высокий ранг [2].

Один из главных индикаторов качества жизни – показатель ожидаемой продолжительности жизни. В большинстве северных регионов он ниже среднего по РФ, ниже предельно допустимых значений и уровней, достигнутых на зарубежном Севере. Лишь в 2 регионах в 2007 году этот показатель превышал средний по РФ (67,5 года): в Ханты-Мансийском (69,4 года) и Ямало-Ненецком автономных округах (70,2 года). Таким образом, качество жизни на Севере оценивается как низкое.

Субъективные аспекты качества жизни выявляются с помощью социологических и качественных методов исследований (глубоких интервью и т. п.). Субъективные оценки могут оказывать серьезное влияние на общие выводы и должны учитываться при анализе ситуации и формировании социальной политики. Очевиден дефицит такого рода системных исследований на Севере. Позитивный пример долгосрочных социологических исследований Севера – мониторинг общественного мнения населения Северо-Западного федерального округа (координатор – Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, при участии организаций из регионов СЗФО). В рамках этого проекта в ИЭП КНЦ РАН с 2005 года ведутся исследования социального самочувствия населения Мурманской области, полученные оценки используются как субъективные индикаторы качества жизни. По этим оценкам, в 2005–2007 годах наиболее острыми социальными проблемами для населения Мурманской области были: низкий уровень жизни (в среднем 34,4 % респондентов отводили

этой проблеме 1-е место), низкая доступность жилья (32,6 %), низкое качество здравоохранения (31,8 %), социальная незащищенность (28 %), рост алкоголизма (25,4 %) [4]. С учетом мнения населения нами разработана система целей для проекта Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года [5]. Нужны системные социологические и качественные исследования Севера РФ, их интеграция в практику социального управления на Севере.

Но прежде всего для решения социальных проблем Российского Севера необходимо сформировать общественный консенсус относительно его развития. Мы считаем, что фундаментом новой северной парадигмы должен стать подход, предполагающий перенос акцента с «освоения» на «оживление» Севера, преодоление тенденций использования труда «временщиков», создание максимально комфортных условий для постоянной жизни людей, существенное повышение качества жизни, системное воспроизводство и развитие человеческого, культурного, этнического, природного потенциала, социального капитала Севера для его устойчивого развития. Этот подход пропагандируется ведущими российскими североведами (А. Г. Гранберг, В. Н. Лаженцев и др.), развивается в академических институтах и вузах (ИСЭПС КНЦ УрО РАН, ИЭП КНЦ РАН, ИЭ КарНЦ РАН, ПетрГУ и др.), применяется на зарубежном Севере и в развитых северных регионах России.

Экономической основой реализации новой, социально ориентированной парадигмы оживания Севера могут быть различные модели – от традиционной ресурсно-сырьевой до инновационно-знанийевой. Последняя, на наш взгляд, – единственная, дающая шанс северным территориям избавиться от тирании ресурсной зависимости и продолжать развитие, когда ресурсы истощатся. В работе А. Пилясова «И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания» [12] представлены результаты, полученные автором в ходе экспедиционных обследований десятков российских и зарубежных северных сообществ, доказывающие возможность преодоления ими издержек периферийности, и предложены рекомендации по выходу Российского Севера на новые пути развития в инновационной экономике.

Реализация социально ориентированной парадигмы оживания Севера на основе инновационно-знанийевой модели для части российского общества, включая и часть научного сообщества, – задача заведомо утопичная. Наша позиция состоит в том, что лишь ставя самые высокие цели, упорно создавая необходимые механизмы их достижения, проявляя постоянство политической и общественной воли, можно добиться желаемого результата. Ставка на любые модели со значимой ресурсно-сырьевой составляющей означает отказ от ответственности если не перед нынеш-

ними, то, безусловно, перед будущими поколениями. Пример переговорного процесса в Канаде по поводу прав коренных народов и северных провинций на земли и ресурсы [19], начавшегося более сорока лет назад, принесшего для северных сообществ свои плоды, но до сих пор не завершённого, показывает – чтобы добиться хотя бы небольшого результата в отдалённом будущем, нужно начинать уже сегодня.

ПРИОРИТЕТЫ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА РФ

На основе той или иной модели экономического развития социальный императив на Севере абсолютно необходимо соблюдать. В социальной политике сегодня ключевым является региональный уровень, важнейшее место занимают вопросы формирования собственной социальной политики регионов. Российский Север неоднороден по природно-климатическим условиям, степени освоенности, уровню социально-экономического развития, структуре населения. Это значит, что социальные приоритеты должны определяться на основе анализа специфики проблемного поля конкретного региона и мнения населения. Тем не менее, исходя из необходимости решения проблем, типичных для большинства северных регионов, можно определить общие приоритеты социальной политики регионов Российского Севера. Ее основной идеей должен стать рост уровня и качества жизни населения на основе активного развития человеческого потенциала, создания максимально комфортных, соответствующих самым высоким стандартам, условий жизни населения, в конечном счете – достижение социально устойчивого регионального развития. В качестве стратегических приоритетов и главных задач социальной политики регионального уровня необходимо определить:

- развитие человеческого потенциала северных регионов: преодоление тенденций миграционной и естественной убыли; повышение уровня здоровья и образования населения, в том числе подготовка выпускников с северной специализацией; развитие гражданского общества и социального капитала;
- повышение уровня жизни населения, рост экономической привлекательности работы на Севере: повышение минимальных размеров оплаты труда до уровня не ниже 2 региональных прожиточных минимумов; сокращение разрыва в оплате труда между бюджетной сферой и отраслями промышленности; осуществление мер по повышению ответственности бизнеса за предоставление северных гарантий; обеспечение максимальной занятости населения;
- улучшение ситуации на рынках труда: сокращение безработицы до естественного уровня; привлечение квалифицированных,

инновационных кадров; реализация мер по стимулированию саморазвития местных сообществ, диверсификация местных экономик, прежде всего моногородов, на основе развития малого бизнеса (в том числе в ресурсодобывающих секторах, в отраслях социальной сферы), туризма, инновационных технологий (в ресурсных отраслях, нематериальной сфере, наукоемких видах деятельности), социальных инноваций, сельского хозяйства, науки и образования, в том числе их северных направлений;

- привлечение и закрепление молодых специалистов, в том числе инновационного профиля: активная молодежная политика, поддержка молодых семей, развитие социальной инфраструктуры и повышение комфортности среды проживания, формирование системы государственно-частного партнерства для сближения предложения и спроса на региональных рынках труда, привлечение работодателей к формированию направлений подготовки в профессиональном образовании; стимулирование участия бизнеса в подготовке и привлечении на Север молодых кадров для инновационного развития;
- активная модернизация социальной инфраструктуры Севера: обеспечение ее соответствия самым высоким стандартам и специфике регионов, жизненным установкам северян на оседлую жизнь в многопоколенной семье на обжитом Севере и росту численности нетрудоспособного населения; повышение доступности и качества услуг; формирование механизмов взаимодействия бизнеса с местными сообществами по развитию социальной инфраструктуры, в том числе на основе соглашений региональных администраций, органов местного самоуправления, коренных этносов с ресурсными корпорациями;
- создание условий для мобильности населения Севера: повышение эффективности государственных программ, разработка региональных и местных (с участием бизнеса, страховых компаний) механизмов поддержки нетрудоспособных северян, желающих покинуть Север, а также трудовой пространственной мобильности жителей Севера в молодых и средних возрастах.

Для реализации этих приоритетов и задач нужны согласованные действия всех уровней управления. При этом особое значение имеет позиция федерального центра, так как именно здесь обеспечиваются главные институциональные условия социального развития Севера.

Сегодня регионам Севера крайне необходимо, чтобы на федеральном уровне было преодолено отношение к ним как к сырьевым придаткам России. Им нужны признание и учет на практике их специфики. Нужен новый, основанный на современных методах и механизмах, государственный протекционизм: институцио-

нальный, социальный, финансово-экономический, экологический. Важно, чтобы государственная северная парадигма строилась на отношении к Северу как к уникальному региону, месту проживания населения, в экстремальных условиях создающего значительную долю валового национального продукта, опережающего по его производству на душу населения большинство регионов страны, обеспечивающего геостратегическое присутствие России на Севере и в Арктике и заслуживающего качества жизни, соответствующего самым высоким стандартам. На федеральном уровне необходимо осуществить переход от фрагментарных действий к активной северной политике, формированию социально ориентированной модели долгосрочного устойчивого развития Севера, адекватной специфике северных регионов, национальным и глобальным вызовам.

Приоритетными задачами социальной северной политики федерального уровня, на наш взгляд, сегодня должны быть:

- упорядочение северного законодательства в отношении критериев отнесения территорий к районам Севера и Арктики, разработка пакета северных политико-правовых и стратегических документов (прежде всего закона «Об основах государственной социально-экономической политики в районах Севера и Арктики», Стратегии социально-экономического развития Севера и Арктики);
- приведение системы северных гарантий и компенсаций в соответствие с уровнем затрат, связанных с проживанием на Севере; возврат необоснованно урезанных северных гарантий; обеспечение их предоставления в одинаковом объеме всем работающим на данной территории Севера независимо от принадлежности организации к бюджетной сфере или к частному бизнесу; усиление ответственности работодателей в частном бизнесе за установление минимальных ставок оплаты труда и реализацию северных гарантий;
- внедрение налоговых и неналоговых механизмов справедливого распределения северной природно-ресурсной ренты в пользу северных регионов, коренных этносов и местных сообществ; развитие механизмов, реализующих социальную ответственность бизнеса; развитие государственно-частного партнерства в социальной сфере;
- решение проблемы обеспечения мобильности граждан, желающих выехать из районов Севера, в том числе ее жилищного аспекта, создание благоприятных условий трудовой пространственной мобильности жителей Севера в молодых и средних возрастах;
- формирование государственной молодежной политики, направленной на закрепление молодежи на Севере, привлечение инновационных кадров на Север и в Арктику;
- развитие технологических и социальных инноваций; масштабная поддержка программ диверсификации северных муниципальных образований, в первую очередь моногородов;
- создание специфических механизмов государственной политики в отношении различных типов местных северных сообществ (крупные города, ресурсно-базированные поселения, национальные села и др.);
- государственная поддержка развития социальной сферы (здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства и др.), транспортной инфраструктуры; реализация проектов по быстрой модернизации социальной инфраструктуры Севера, позволяющих обеспечить высокие стандарты ее доступности и качества, на уровне достигнутых в развитых регионах зарубежного Севера.

Исследование выполнено по Программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез» № 24 (постановление Президиума РАН № 611 25.11.2008 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Индикаторы, принятые для диагностирования устойчивого развития и разработанные на основе опыта стран, достигших высокого качества жизни населения (главным образом стран Северной Европы).
- ² Республики Карелия, Коми, Саха, Тыва, Архангельская (в том числе Ненецкий автономный округ), Магаданская, Мурманская, Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Камчатский край.
- ³ В Республике Карелия – на 23,9 %, в Республике Тыва – на 67,9 %. Наиболее высокий среднедушевой ВРП в 2007 году был произведен в Сахалинской области (на 176,7 % выше среднего по РФ) и в Чукотском автономном округе (на 111,9 %).
- ⁴ Низкие ставки 1-го разряда тарифных сеток, высокие разрывы в оплате труда высокооплачиваемых и других категорий работников и т. д.
- ⁵ Социальный капитал – особый ресурс, создаваемый в процессе сотрудничества. О его роли в развитии Севера см. [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аарсетер Н., Рябова Л., Баренхольдт Й. Жизнеспособность общин. Доклад о развитии человека в Арктике. Институт Стеффенсона, под эгидой Арктического Совета: Пер. с англ. / Ред. А. Головнев. Екатеринбург; Салехард, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svs.is/AHDR/>.
2. Акопов В., Гаджиев Ю. Социальное развитие регионов Севера России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 5. С. 55–67.

3. Велихов Е. Речь на открытии первого заседания Общественной Палаты РФ. 23 марта 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oprf.ru/newsblock/news/149/chamber_news.
4. Гушина И., Довиденко А. Тенденции развития регионального сообщества: результаты социологического мониторинга в Мурманской области (2004–2008 гг.) // Наука и бизнес на Мурмане. 2009. № 2. С. 11–16.
5. Дидык В., Рябова Л. Цели и приоритеты долгосрочного социально-экономического развития Мурманской области: Материалы всеросс. конф. (2–3 апреля 2009 г., СПб.) // Инновационная и социально ориентированная экономика: пространственный аспект. Ч. 1. СПб., 2009. С. 48–56.
6. Дидык В., Рябова Л. Экономический мониторинг Северо-Запада России: Мурманская область в 1-м полугодии 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.fi/EN/cemat/projects/economicmonitoring/reports/2010/>.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ: 2006/2007. Программа развития ООН, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.undp.ru/>.
8. Корчак Е. Бедность населения северных регионов России // Российский экономический интернет-журнал Академии труда и социальных отношений. М.: АТиСО, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Korchak.pdf>.
9. Левашов В. Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегия. М.: Academia, 2001. 175 с.
10. Олейник Г. Рекомендации парламентских слушаний в Совете Федерации «О государственной политике стимулирования граждан, привлекаемых на работу в северные районы РФ» 22 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.severcom.ru/files/upload/actions/080722120728.htm>.
11. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, 2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.virmk.ru/UMK/U-DISCIPLINA/nation-bez/Uposobie/arctica.htm>.
12. Пилысов А. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 542 с.
13. Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. 847 с.
14. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. 795 с.
15. Рябова Л. Совершенствование системы социальных гарантий молодежи в районах Севера и Арктики: Материалы парламентских слушаний «О мерах по совершенствованию системы социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим и проживающим в Арктической зоне РФ» 28 мая 2009 г.
16. Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова: Сб. статей / Под ред. В. Петрова, И. Разумовой. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2006. 165 с.
17. Тоичкина В. Моделирование демографических процессов как основа для совершенствования системы северных гарантий молодежи в районах Севера и Арктики. Материалы парламентских слушаний «О мерах по совершенствованию системы социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим и проживающим в Арктической зоне РФ» 28 мая 2009 г.
18. ФЗ № 122 «О внесении изменений в законодательные акты РФ в связи с принятием законов «О внесении изменений и дополнений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», 2004 г. Источник: Консультант Плюс.
19. Riabova L., Myers H., Dreyer D. Community involvement. Changing the ways that communities plan, implement and evaluate development. Kluwer Academic Publishers, «Social and Environmental Impacts in the North». 2003. P. 491–512.
20. Thompson N. Migration and resettlement in Chukotka: A research note // Eurasian Geography and Economics. 2004. 45:1. P. 73–81.

УДК 331

ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ МИХЕЛЬ

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник
Института экономики, Карельский научный центр РАН
e-mikhel@mail.ru

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА МОРОЗОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики, Карельский научный центр РАН
morozova@krc.karelia.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТРУДОВОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье представлены элементы институционального подхода к анализу трудовой эмиграции из Республики Карелия. Трудовая эмиграция – сложный социально-экономический процесс, который обусловлен действием множества факторов, включенных в систему экономических, социальных и политических институтов. Результаты анализа позволяют расширить сферу регулирующего воздействия на региональном уровне.

Ключевые слова: трудовая эмиграция, институциональный анализ, факторы трудовой миграции

Процессы трудовой миграции в последние десятилетия приобрели глобальный характер, поскольку в мировом пространстве резко изменились социальные, экономические, политические условия для жизнедеятельности населения, которые и способствовали повышению его территориальной подвижности, вследствие чего вырос и миграционный поток. Вся совокупность формальных и неформальных регуляторов международной трудовой миграции представляет некоторую институциональную инфраструктуру, анализу которой посвящена настоящая статья.

Рассматривая современные перемены в социальной сфере на мировом уровне, касающиеся миграции населения, следует выделить некоторые социальные институты, действующие на развитие процессов миграции населения: разрушение среди населения мира исторически сложившейся традиции проживания в национальных границах страны происхождения; ослабление культуры традиционных семейных отношений; повышение роли гуманитарной составляющей в развитых странах по отношению к населению развивающихся и слаборазвитых стран; социально-демографические проблемы, связанные с депопуляцией развитых и некоторых развивающихся стран; реализация многочисленных гуманитарных программ в более развитых государствах мира для выходцев из менее развитых стран [1].

Среди институциональных факторов политического характера следует выделить: повышение роли международного сотрудничества в политическом, экономическом, социальном, военном и других направлениях; трансформацию роли государственных границ с барьерной на контактную; изменение миграционного законодательства развитых стран мира по привлечению мигрантов из других стран; изменение визового режима (ужесточение, смягчение или отмена);

проведение периодических миграционных амнистий для нелегальных мигрантов и программ по приему беженцев в принимающих странах.

Институциональные факторы экономического плана включают в себя: уровень экономического развития региона и его соседей; развитие роли транснациональных корпораций на региональных рынках; повышение уровня трудовой мобильности как одного из факторов производства; развитие транспортной, информационной и банковской инфраструктуры; создание условий для повышения конкуренции на рынке труда; международное разделение труда, основанное на специализации национальной экономики в мировой экономической системе, в том числе на отраслевом и более мелком уровнях.

Среди многочисленных типов миграций населения следует выделить трудовую миграцию. В современных условиях глобализации мировой экономики, проникновения транснациональных корпораций на российские региональные рынки и вовлечения населения в их деятельность возрастает роль именно трудовой миграции. Этот тип миграции обретает доминирующее значение, в первую очередь по количественному показателю, отражающему масштаб процесса.

Данная статья посвящена выполнению институционального анализа действующих регуляторов процесса трудовой эмиграции из Республики Карелия. Исследование трудовой эмиграции проводилось в 2008 году, оно включало анкетный опрос 400 трудовых эмигрантов и экспертные интервью с представителями органов республиканской и муниципальной власти.

Трудовая миграция населения Карелии за пределы России является одной из распространенных форм реализации территориально-трудовой мобильности населения. По экспертной оценке установлено, что ежегодно до 2000 человек пересекают государственную границу

с целью трудоустройства в соседних государствах, преимущественно в Финляндии [4].

Поскольку трудовая миграция является в большей степени экономически детерминированным процессом, следует начать анализ карельской трудовой эмиграции с институтов, обладающих экономической природой.

При анализе экономической ситуации в регионе, состояния рынка труда, уровня оплаты труда, предлагаемых вакансий в сравнении с ближайшими соседями становится очевидным, что приграничное географическое положение Карелии создает предпосылки для оттока трудоспособного населения республики в центральные регионы России – Санкт-Петербург и Москву, а также за рубеж как на временной, так и на постоянной основе [3]. В республике существует недостаток гибких форм занятости населения, в первую очередь для женщин, уровень фактической заработной платы часто является более низким, чем в соседних регионах и странах. Данные проблемы усугубляются в районах и поселках Карелии.

Расширение деятельности транснациональных корпораций на территорию российских регионов происходит, как правило, в регионах с более высоким инвестиционным потенциалом. Карелия находится по соседству с Ленинградской областью и Санкт-Петербургом, которые являются одними из российских лидеров по привлечению инвестиций. В этих регионах с приходом инвестиций повышается спрос на труд, который удовлетворяется за счет трудовых ресурсов соседних территорий [2]. Следовательно, несмотря на низкую активность транснациональных корпораций на территории Карелии, они все же опосредованно влияют на структуру занятости населения Карелии.

Для современного научного сообщества очевидно, что в последние десятилетия происходит повышение мобильности населения, в том числе с целью трудоустройства. На мобильность человека, его готовность к переезду влияет множество факторов – как способствующих, так и сдерживающих. Реформирование структуры экономики и развитие новых форм производства требуют движения квалифицированных и малоквалифицированных трудовых ресурсов. В глубинных территориях республики снижение интенсивности экономических процессов сопровождается повышением социально-экономических рисков для населения, складывается ситуация безвыходности в решении социально-бытовых, профессиональных, образовательных, семейных и других вопросов. В достаточно развитых районах и городах создаются более благоприятные условия оплаты труда, реализации профессиональных интересов, получения образования, проведения досуга, что подталкивает людей к принятию решения о переезде. Вместе с тем самым сильным сдерживающим фактором трудовой миграции является неразвитый рынок жилья

в регионах, нуждающихся в трудовых мигрантах. Следует, однако, подчеркнуть, что нередко при переезде эти проблемы для трудовых мигрантов решаются легче, чем на месте прежнего проживания.

Развитие информационной, транспортной, банковской инфраструктуры имеет непосредственное влияние на развитие трудовой миграции. Современные коммуникационные технологии на основе использования глобальной сети Интернет и других цифровых технологий позволяют вести поиск работы в других регионах и решать многие сопутствующие вопросы, связанные с трудовой миграцией. Республика Карелия имеет довольно высокий показатель в общероссийском рейтинге распространения современных информационных технологий среди населения, что, несомненно, положительно влияет на интенсификацию миграционных процессов. Развитие транспортной инфраструктуры вносит свой вклад в расширение процессов трудовой миграции. В Республике Карелия наибольшее значение во всем пассажирообороте имеют автомобильный и железнодорожный транспорт. Соответственно, развитие миграции населения связано с этими видами транспорта. Они связывают населенные пункты республики между собой и с соседними регионами и странами, между которыми существуют миграционные потоки. Роль транспорта является одной из основных в миграционных процессах по объективным причинам, заложенным в самом понятии миграция населения.

Уровень развития банковских услуг не имеет решающего влияния на миграционные процессы в Республике Карелия. Во-первых, это связано с тем, что миграция из Карелии не отражает теорию экономики семейной миграции, когда один или несколько членов семьи выезжают на заработки и затем переводят денежные средства для финансирования своей семьи на родине. Как правило, карельские трудовые мигранты не используют банковские институты для обслуживания своих доходов от работы за рубежом, поскольку они выезжают на краткосрочные заработки либо на достаточно продолжительный период вместе со всей семьей. Поэтому потребность в банковском обслуживании не является для них актуальной. Кроме того, карельские трудовые мигранты не всегда работают официально, отчего они избегают лишних банковских транзакций.

Одним из самых сильных внешних экономических факторов трудовой миграции является разделение труда, основанное на международной и региональной производственной специализации экономики. Динамичное развитие производства, сферы услуг требует наличия широкого спектра специалистов, которых не хватает на локальных рынках труда, и лишь с помощью трудовой миграции данная проблема решается достаточно успешно. Хотя карельская экономика не

характеризуется широким спектром вакансий по различным специальностям, республиканская сфера образования не соответствует потребностям региональной структуры экономики, она не готовит всех специалистов, необходимых для экономики республики, но выпускает излишнее количество работников по определенным специальностям, например учителей. Данное обстоятельство способствует оттоку из республики квалифицированных кадров, которые не могут найти работу по специальности и уезжают работать в другие города, регионы, страны, выполняя там работы не по своей специальности. В приведенной ниже таблице отражена структура занятости карельских трудовых эмигрантов по результатам проведенного исследования по отдельным видам работ на зарубежных рынках труда (поскольку трудовой мигрант может выполнять различные виды работ, в опросе была представлена возможность выбрать несколько вариантов ответов).

Повышение конкуренции на региональных рынках труда среди работодателей вынуждает их, с одной стороны, искать возможности по предложению более привлекательных условий для потенциальных работников, а с другой – менее притязательных претендентов из других регионов.

Конкуренция между работниками при занятии свободной вакансии на конкретном предприятии в условиях возросшей мобильности трудовых ресурсов также имеет большое значение для развития трудовой миграции. Потенциальные работники республики при поиске приемлемой работы часто сталкиваются с необходимостью принятия решения о переезде для желаемого трудоустройства, поскольку местный рынок труда не всегда располагает подобными вакансиями, а конкуренция на имеющихся свободных рабочих местах слишком высока.

На миграцию населения, в том числе трудовую, большое влияние оказывают социальные факторы. Рассмотрим некоторые из них.

Рост миграции в последние десятилетия отмечен во многих научных трудах, количество мигрантов, проживающих за пределами страны своего происхождения, уже приближается к 200 млн. Вместе с тем существуют четкие различия в миграционной активности населения отдельных стран и регионов. Российская Федерация занимает одну из ведущих позиций по приему мигрантов, однако население России не отличается высокой мобильностью, соответствует общероссийским показателям и население Республики Карелия. Сильным фактором внутри- и межрегиональных миграций наряду с экономическими факторами выступает недостаточная степень развития системы оказания социальных услуг в сельских поселениях и малых городах. В Республике Карелия существует миграционный поток из малых населенных пунктов в более крупные, данный процесс обладает определенной преемственностью, происходит некоторое «перетекание» населения в более

крупные, более развитые в социально-экономическом плане города, районы, регионы, страны. Основную группу мигрантов составляет молодежь, которая впервые покидает родные места в связи с получением профессионального образования и впоследствии не стремится возвращаться домой, где социально-экономическая сфера обладает суженными возможностями для профессиональной самореализации и решения социально-бытовых проблем.

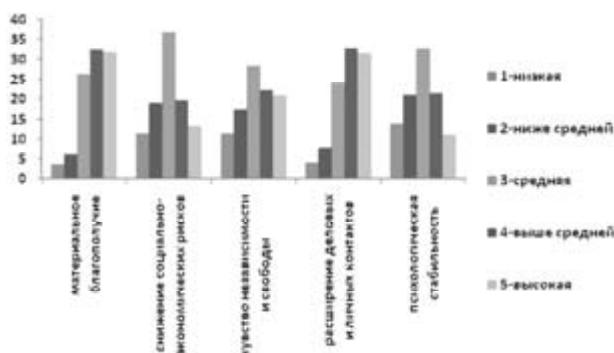
Несомненно, что трансформация семейных ценностей, разрушение преемственности семейных поколений также вносят свой вклад в развитие мобильности миграции населения. Увеличение количества атомизированных семей, в которых индивидуальные интересы стоят выше семейных, способствует реализации индивидуальных стратегий профессионального роста, в том числе и по средствам трудовой миграции. Взрослые дети в таких семьях, как правило, чувствуют себя довольно свободно в выборе места работы и проживания. Семьи становятся менее крепкими и целостными [6]. Вместе с тем с точки зрения теории экономики семейной миграции отдельные члены одной семьи могут быть трудовыми мигрантами, выезжающими на заработки на другие территории, подвергаясь риску ослабления внутрисемейных отношений.

К социальным факторам трудовой миграции относится активная позиция развитых стран по отношению к трудоспособному населению развивающихся и слаборазвитых стран. В этих странах существует соответствующая демографическая и социально-экономическая политика по привлечению трудовых мигрантов, которая обеспечивает их определенным социальным пакетом, способствующим привлечению и интеграции мигрантов на новом месте жительства и приложения труда. Благодаря трудовым мигрантам развитые страны решают комплекс демографических и социально-экономических проблем, вызванных депопуляцией и изменением структуры занятости в местной экономике, где вторичный сектор хозяйства имеет повышенный спрос на рабочие руки, обусловленный нежеланием местного населения выполнять низкоквалифицированную и малооплачиваемую работу [5].

В ходе исследования выявлены дополнительные социально-экономические эффекты международной трудовой миграции, связанные с повышением качества жизни, развитием человеческого и социального капитала. В условиях включения приграничных российских регионов в международное социально-экономическое пространство раскрыто действие двуединой системы факторов, включающей наряду с прямыми экономическими косвенные социальные факторы, обуславливающие возможности получения образования, приобретения нового трудового опыта, расширения личных и деловых контактов, освоения новых потребительских практик в сфере рекреации и социальных услуг (см. рисунок).

Структура занятости карельских
трудовых эмигрантов

Занятых по различным видам работ	%	всего ответов
Сельскохозяйственные работы	79,75	319
Сбор дикорастущих даров природы	24,25	97
Строительные работы	5,5	22
Разнорабочие	5	20
Работа по специальности	3,5	14
Услуги переводчика	4,75	19
Гувернантка	3,5	14
Другое	2,5	10
Транспортные услуги	2	8
Домработница	1,75	7
Перегон автотранспорта	0,75	3
Преподаватель	0,75	3
Торгово-закупочная деятельность	0,25	1
Научный труд	0,25	1

Оценки преимуществ работы за границей, %

Процессы трудовой миграции, особенно международной, связаны с действием политических и правовых институтов. Международное сотрудничество, в первую очередь между соседними странами, часто происходит по двух- и многосторонним договорам. Если вести речь о России в целом и о Республике Карелия в частности, то одним из основных примеров действия таких институтов является визовый режим с зарубежными государствами. Визовый режим, его жесткость, детерминирует роль государственной границы, обуславливает характер ее функции (контактная или барьерная). Для населения Карелии граница с Финляндией обладает достаточно высокой степенью контактности, поскольку выдача виз для гостевого посещения страны происходит без официального приглашения. Данное обстоятельство свидетельствует о партнерстве в режиме развития добрососедских отношений и готовности к повышению взаимодействия на различных уровнях сотрудничества, что нашло свое формальное отражение в учреждении еврорегиона Карелия. Официальное приглашение в Финляндию для выполнения работ требуется для получения трудовой визы, впрочем, при достаточно высоком уровне трансграничной коммуникации это реша-

ется довольно просто. Визовый режим является одним из важнейших компонентов национально-го миграционного законодательства, и именно от него во многом зависят количественные и качественные показатели, характеризующие потоки трудовых мигрантов. Между Россией и Европейским союзом существует уже многолетний диалог по поводу постепенного смягчения и полной отмены визового режима. При отмене виз миграционный поток значительно возрастет, в том числе по обмену трудовыми ресурсами.

В рамках своего миграционного законодательства государства также используют миграционные амнистии, дающие право нелегальным трудовым мигрантам изменить свой правовой статус, продолжить пребывание в зарубежном государстве и работать уже на законных основаниях. Существуют также специальные программы по приему беженцев и их интеграции в принимающее общество.

Рассмотренные выше основные факторы наряду с менее значимыми, оставшимися за рамками данного обзора, составляют сложную многофакторную систему регулирования миграционных потоков, в частности трудовых мигрантов. Многие факторы выполняют противоречивую роль в зависимости от внешних условий. Например, смягчение визового режима, с одной стороны, позволит снять формальные барьеры, связанные с получением визы, с другой – данное обстоятельство повысит конкуренцию среди трудовых мигрантов на зарубежных рынках труда, вызовет дополнительные трудности по защите приоритетного права местного населения на занятие свободных вакансий.

Особенности регулирования миграционных потоков, связанные со сложностью всей системы факторов, заключаются в том, что воздействие на один из факторов не приведет к достижению желаемого результата. Достижение поставленной цели возможно при тщательном просчете всех возможных последствий регулирующего воздействия с учетом возможных рисков, анализа внутренней и внешней среды, в которой происходят миграционные процессы, и выработке соответствующего инструментария.

Регулирующее воздействие на региональном уровне на международные трудовые миграции ограничено федеральными законами, международными соглашениями и другими основополагающими документами, которые оставляют недостаточно административных ресурсов для регулирования соответствующих процессов с учетом региональных особенностей. Отталкиваясь от региональных особенностей конкретной территории, необходимо искать способы оптимизации миграционных процессов. В Республике Карелия существуют несколько трансграничных договоров и программ, нацеленных на повышение взаимодействия между приграничными территориями в сфере культуры, истории, экологии, экономики, однако миграция населения играет в

них скорее второстепенную роль и не имеет собственной достаточно развитой региональной институциональной основы для своего развития. Для более эффективного регулирования процессами трудовой эмиграции и ее развития представляется целесообразным наряду с традиционными методами опираться и на результаты ее институционального анализа, который позволяет

определить скрытые области для регулирующего воздействия на региональном уровне в рамках федерального законодательства.

Исследование проводилось в рамках проекта РГНФ «Карельская модель трансграничного сотрудничества», рук. Т. В. Морозова (№ 07-02-02009а) 2007–2009 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России / Под ред. Г. Витковской. М.: Гендальф, 2002. 264 с.
2. Метелев С. Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. 271 с.
3. Миграция населения Республики Карелия в 2007 году: Статистический сборник / Карелиястат. Петрозаводск, 2008. 54 с.
4. Михель Е. А. Влияние глобализации мировой экономики на трансграничные трудовые миграции населения в приграничном регионе (на примере Республики Карелия) // Региональная экономика. 2008. № 88. С. 22–24.
5. Россия в глобализирующемся мире: социальные аспекты. М.: ИСЭПН РАН, 2006. 356 с.
6. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдарасян В. Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Под общ. ред. С. С. Сулакшина. 2-е изд. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”»: Научный эксперт, 2007. 790 с.

УДК 338.24

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЕВСТИФЕЕВ

аспирант кафедры экономической теории и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
rm9@yandex.ru

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ РУДАКОВ

доктор экономических наук, профессор кафедры технологии и оборудования лесного комплекса лесотехнического факультета, Петрозаводский государственный университет
rud@drevlanka.ru

ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОМПАНИЙ

В современной российской литературе по интеграции много говорится о том, что именно образование крупных, глубоко интегрированных групп является залогом успешного развития России в будущем. Однако в ряде отраслей можно наблюдать противоположную тенденцию, а именно дезинтеграцию в деятельности экономических субъектов. В рамках данной статьи сделана попытка выделить теоретические основы дезинтеграционных процессов и на примере нефтегазового и лесопромышленного комплексов рассмотреть различные ситуации, когда компании могут применить или применяют такие подходы в своей деятельности.

Ключевые слова: интеграция, дезинтеграция, управление, реструктуризация

Волна слияний и поглощений, которая захлестнула не только российский, но и мировой бизнес, подводит к выводу о том, что будущее принадлежит корпоративным гигантам. Действительно, создание компании «Русский алюминий» на базе «РусАл», «СуАл» и Glencore, попытки объединений крупнейших банков ABN Amro и Royal Bank of Scotland, нефтяная экспансия «Газпрома», образование крупных холдингов в лесопромышленном комплексе дают повод для такого рода обобщений. Еще со времен Адама Смита крупнейшие ученые доказывали, что тенденции к концентрации и монополизации присущи самой природе капитала. Обстоятельное рассмотрение монополистических тенденций можно встретить в работах А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Р. Гильфердинга, В. И. Ленина, Э. Чемберлина, Дж. Робинсон и др. Большинство современных отечественных ученых ([1], [8], [12] и др.) также придерживаются той точки зрения, что для российского бизнеса необходимо укрупнение и рост его влияния на мировой рынок. Однако, по нашему мнению, данный тезис справедлив лишь для небольшого числа компаний, которые должны определять «лицо России», то есть политический и экономический вес страны на международной арене. Это могут быть 3–4 корпорации уровня «Газпрома», входящие в двадцатку крупнейших компаний мира. В остальных случаях рост корпорации может не только не повышать, но даже снижать ее эффективность и конкурентоспособность.

Следует также отметить, что на современном этапе монополия как таковая не является самоцелью, «к ней следует подходить не субстанционально, а функционально. Монополия зачастую

является внешним необходимым моментом развития крупномасштабного производства, а в основе его существования лежит экономическая эффективность» [5]. Именно с этими внутренними драйверами эффективности связано такое явление, как дезинтеграция деятельности экономических субъектов.

Формально дезинтеграция – распад, разделение на части целостной структуры, ослабление, нарушение связей в единой системе [13].

В таком понимании дезинтеграция – явление негативное, можно сказать деструктивное. Для целей настоящей статьи данное определение представляет ограниченную ценность и лишь в том ключе, что определяет общий вектор протекания дезинтеграционных процессов. Гораздо больший интерес представляет прикладной характер данного термина и рассмотрение его в ключе вертикальной дезинтеграции. Поскольку тематика вертикальной дезинтеграции недостаточно проработана, большинство авторов если и задаются целью обозначить подобные явления, то определяют их как процессы, обратные вертикальной интеграции. В этой связи самостоятельные определения данных явлений можно встретить нечасто.

Вертикальная дезинтеграция – организация производства составных частей, полуфабрикатов, продукции на небольших специализированных фирмах, являющихся поставщиками крупных корпораций [14].

Вертикальная дезинтеграция – уход предприятия с определенной стадии в вертикально связанном производстве и цепочке распределения [11].

На первый взгляд дезинтеграция вступает в жесткую конфронтацию со стремлением капита-

ла к централизации и концентрации, ведь его основная цель – максимизация прибыли. Но, на наш взгляд, на современном этапе экономического развития максимизация прибыли посредством монополизации рынка не может быть целью слияний и поглощений, поскольку при интенсивном динамическом росте производительных сил возможности длительного монопольного господства ограничены, а в условиях непредсказуемости среды максимизация вообще перестает выступать в качестве главного системообразующего фактора развития крупной фирмы. «Чтобы объяснить или предсказать поведение цен в условиях монополии, нам нужно нечто большее, чем модель максимизатора прибыли» [7]. Нужна стратегическая устойчивость в долгосрочной перспективе, а интеграция, дезинтеграция, централизация – это лишь инструменты ее достижения. И с этой точки зрения дезинтеграционные процессы хорошо укладываются в логику экономического роста на современном этапе, ведь даже крупнейшие фирмы не только покупают бизнесы, но и продают, санируются. Именно с вопросом об оптимальном размере организации связана активизация дезинтеграционных процессов в России в настоящее время. Этот вопрос становится критичным по причине того, что утверждение «чем больше, тем лучше» перестает работать на многих рынках, где корпоративные гиганты последовательно вытесняются и опережаются меньшими по размеру, но более проворными конкурентами.

В первую очередь этот процесс можно связывать с развитием такого института, как финансовый рынок. Сущность данного механизма заключается в том, что свободные финансовые рынки предоставляют денежные средства новым игрокам, которые затем смогут составить реальную конкуренцию существующим компаниям. Естественно, для крупных компаний самый простой способ сохранить свое доминантное положение – препятствовать развитию институтов финансового рынка. Но выставлять такие барьеры тем сложнее, чем мощнее и развитее становится государство. И в тот момент, когда стоимость поддержания старого института превышает стоимость создания нового, происходит финансовая революция. Соответственно, данная финансовая революция может произойти, либо когда хотя бы часть влиятельных компаний получит от этого прямую выгоду, либо когда у них не будет иного выбора. Чаще всего данные события совпадают. Например, в США, где финансовый рынок динамично развивается, половина из двадцати ведущих по объемам продаж компаний в 1999 году не занимала соответствующих позиций в 1985 году. Напротив, в Германии, где развитие финансовых рынков вплоть до последнего времени шло медленно, 80 % компаний в списке 20 ведущих фирм в 1999 году также занимали соответствующие позиции в 1985 году. Частично эти различия обусловлены рыночными факторами, но, очевидно, и финансовые

рынки влияют на корпоративную мобильность, угрожая позициям влиятельных кругов [2].

Однако утверждать, что крупные компании погибнут в атмосфере интенсивной конкуренции, было бы не слишком разумно, так как за этими компаниями стоит опыт, громадный финансовый потенциал, а порой и зависимость от их благополучия экономик отдельных государств. С другой стороны, мы можем говорить о том, что в новых условиях хозяйствования гигантам будет необходимо пересмотреть свою текущую позицию и взгляды на будущее.

Данное мнение можно найти у большого круга преимущественно западных исследователей. Так, К. Нордстрем и Й. Ридерстралле говорят о том, что «больше не всегда значит лучше» и что «большое количество фирм может выпускать одинаковые с технологической точки зрения продукты, а успех должен прийти из других сфер» [10]. Ф. Кернкросс (главный редактор журнала *The Economist*), утверждает, что «маленькие компании будут предлагать услуги, которые в прошлом могли обеспечить только гиганты. А отдельные личности с ценными идеями привлекают глобальный венчурный капитал» [18] и т. д.

По нашему мнению, от экономической теории на современном этапе требуется определение дезинтеграционных мотивов, раскрытие рациональности отдельных типов дезинтеграции в зависимости от условий, в которых находятся компании, а также формулирование и обоснование того, какие возможности комбинирования возникают у различных типов корпоративных и межкорпоративных структур. Другими словами, нужно определить, каким должно быть сочетание интеграции и дезинтеграции в деятельности экономических субъектов.

Рассмотрим еще ряд мотивов. Если обратиться к новейшей истории России, то можно условно выделить 3 периода активизации дезинтеграционных процессов в бизнес-среде.

1. Первый период пришелся на начало 1990-х годов и был связан с приватизацией. Этот процесс заложил направление движения новой России на многие годы. Упор был сделан на формальное разгосударствление собственности, причем на его количественный аспект и темпы приватизации, что было довольно слабо увязано с финансовой стабилизацией, антимонопольной политикой, структурной перестройкой, привлечением новых (в том числе иностранных) инвестиций. С приватизацией большинства предприятий возможности государственного влияния на них существенно снизились, но прочная база для будущего экономического роста не была создана [6].
2. Второй период связан с принятием в 1998 году новой редакции закона о банкротстве. Если до этого времени банкротство использовалось лишь как средство избавления должника в результате приватизации предприятия от непрофильных активов и долгов, то

теперь оно стало основным инструментом в перераспределении собственности. С принятием новой редакции закона достаточно было запустить механизм банкротства, договориться с арбитражным судом и назначить на предприятии своего управляющего – и искомые активы под контролем, причем по цене на порядок меньшей, чем потребовалось бы для тривиальной покупки акций [9]. Следовательно, и значение дезинтеграции сменилось с наступательного (получение части интересующего предприятия) на защитное, где главная цель – защита бизнеса от возможного недружественного поглощения.

3. Третьим периодом можно назвать появление в России в начале XXI века мощного рынка слияний и поглощений, который увеличивает давление на чрезмерно интегрированные компании и вынуждает их реструктурироваться – либо добровольно, либо по принуждению скупщиков их акций [15]. При этом необходимо отметить, что в российских условиях установление контроля над предприятиями может и не быть связано с ценными бумагами. Именно с появлением института слияний и поглощений в России связана сегодняшняя активизация дезинтеграционных процессов. Движущие силы здесь те же, что и при банкротстве, – в попытке сохранить бизнес от недружественного поглощения собственник разделяет компанию на множество отдельных юридических лиц.

Такой способ защиты использовало, например, ОАО «Илим Палп», крупнейший лесопромышленный холдинг России, в противостоянии недружественному поглощению со стороны группы компаний «Базовый элемент».

После проведения юридической атаки на активы ОАО «Илим Палп» пострадавшая компания, помимо юридической, начала осуществлять организационную защиту своей собственности. Так произошло разделение предприятий группы «Илим» на более мелкие юридически самостоятельные образования со своим руководящим аппаратом, финансово-экономическим блоком и широким использованием аутсорсинга. Например, ремонтные подразделения Котласского ЦБК были разделены на 4–5 юридических лиц, отдельно были выделены транспорт, производство, лес и т. д. В данном случае наблюдался процесс рассеивания собственности в целях ее защиты.

С внешней стороны это выглядит как дезинтеграция крупных отраслевых объединений на более мелкие (можно сказать крошечные) компании. Однако при более детальном рассмотрении можно увидеть, что дезинтеграция носит формальный характер. Это выражается в том, что учредителями выделяемой компании в основном становятся топ-менеджеры головной организации. Более того, даже зарплата руководства может платиться не из бюджета дочернего предприятия, а головной фирмой. Это означает, что в данном случае мы можем

говорить о несоответствии формальной и неформальной институциональных структур при протекании дезинтеграционных процессов. С формальной точки зрения предприятия как единого хозяйственного комплекса больше нет, но фактически комплекс остался в прежнем виде, произошла лишь смена режима или стиля работы.

Интересным моментом является тот факт, что дезинтеграция в данном случае не коснулась денежных потоков холдинга, которые наоборот показали тенденцию к консолидации путем создания единого торгового дома для всей группы компаний, а выделенные фирмы функционировали по бюджетному принципу.

На наш взгляд, несоответствие формальных и неформальных структур, когда в рамках де-факто единого хозяйственного комплекса существует множество де-юре самостоятельных образований, имеет под собой еще один – криминальный – подтекст, так как создает базу для проведения теневых операций, ухода от налогов, «отмывания» доходов. Поэтому для государства на современном этапе законодательное решение проблемы рейдерства имеет большое значение не только с точки зрения приведения в соответствие институциональных структур, но и в деле борьбы с перечисленными выше криминальными проявлениями.

Однако, как говорилось выше, случаи возникновения дезинтеграционных процессов не объясняются лишь защитной функцией. Выделение подразделения в бизнес-единицу или условно самостоятельное юридическое лицо может иметь целью повышение эффективности функционирования данной единицы за счет наделяния руководителя этого подразделения ответственностью за результат его деятельности, правом самостоятельного решения ряда ключевых вопросов в области управления себестоимостью и продажами, а также переходом от «котлового» метода составления отчетности к раздельному (попередельному, продуктовому и т. д.). Например, ОАО «Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат» с 2004 года стало внедрять подход к управлению на основе тезиса об «увеличении стоимости компании». «Критерием оценки каждого подразделения становился ответ на вопрос: увеличивает его деятельность стоимость компании или нет? Так создается единый язык горизонтального и вертикального общения в компании, задачей каждого из подразделений становится создание стоимости – путем увеличения доходов, снижения издержек, уменьшения рисков. Единый для всех критерий позволяет сделать рост стоимости предприятия выгодным для каждого из сотрудников компании. Эффективной и целенаправленной становится система вознаграждения труда всех и каждого. Воплотив названные принципы в жизнь, на конкретном предприятии, мы получаем стратегию его развития на длительный срок, с понятными людям целями, задачами и, что немаловажно, – с ясным ответом на вопрос: что и сколько я смогу получить за свой труд – сегодня,

завтра, в отдаленной перспективе?» [16]. Для этого было необходимо создать систему показателей, описывающих степень достижения цели, и методику их измерения. Выбор был сделан в пользу модели под названием «Сбалансированная система показателей» (ССП) [3], разработанной в начале 1990-х годов Р. Капланом и Д. Нортеном. Эта модель позволяет донести принципы стоимостного подхода к управлению до самых низовых структурных звеньев. Вторым значительным ее преимуществом является то, что эта система оценивает эффективность бизнес-процессов компании. Идея сбалансированной системы показателей (Balanced Scorecard) отвечала желаниям менеджмента обрести взвешенный набор монетарных и немонетарных показателей для оценки внутрифирменных управленческих целей. Данная система направлена прежде всего на увязку показателей в денежном выражении с операционными измерителями таких аспектов деятельности предприятия, как удовлетворенность клиента, внутрифирменные хозяйственные процессы, инновационная активность, меры по улучшению финансовых результатов.

Параллельно с этими процессами руководство компании стало понимать, что условия на рынке постепенно ужесточаются. Это особенно касалось рынка Западной Европы, так как к тому времени Сегежскому ЦБК удалось стать монополистом на российском рынке бумажных мешков, увеличив свою долю за 4 года с 32 до 70 %, а также установить достаточно высокие барьеры для иностранных игроков. Европейский же рынок переживал кризис перепроизводства, и для компании стало актуальным дальнейшее развитие, а это означало только выход за пределы России. Именно в тот момент появилась идея покупки одного из крупнейших производителей бумажных мешков в Европе – компании Korsnas Packaging. Естественно, такое поглощение не могло состояться только при использовании собственных ресурсов комбината. Именно поэтому в качестве стратегического инвестора в эту сделку был привлечен Банк Москвы, который активно занимался консолидацией лесной отрасли и созданием крупнейшего вертикально интегрированного холдинга. Все вместе это стало называться ЗАО «ИнвестЛесПром», и именно в рамках этой компании шли все последующие процессы.

Если рассматривать ОАО «Сегежский ЦБК» обособленно от вновь создававшейся холдинговой структуры, то сложится ощущение, что предприятие распадается. Из структуры ОАО «Сегежский ЦБК» были выделены ООО «Сегежская упаковка» – производитель мешков – и

«Северная лесозаготовительная компания», занимающаяся заготовкой и поставкой леса. В итоге у Сегежского ЦБК не осталось ни лесозаготовительных активов, ни самого рентабельного мешочного бизнеса. С другой стороны, эти компании были консолидированы на уровне ЗАО «ИнвестЛесПром». «СЛЗК» вошла в дивизион «Лес», где сконцентрированы все лесозаготовительные активы холдинга, а мешочное подразделение «Сегежского ЦБК» – в дивизион «Бумажные мешки» («Сегежа Пэкейджинг»).

Итогом всех этих преобразований явилось существенное повышение эффективности мешочного производства ОАО «Сегежский ЦБК». Так, за 2007 год было выработано около 420 млн шт. бумажных мешков по сравнению с 300 млн в 2006 году. Численность работников подразделения сократилась за время реализации проекта в 2 раза, до 400 человек. Естественно, нельзя говорить, что данные результаты были достигнуты только за счет реализации дезинтеграционного проекта и внедрения показателей эффективности. Помимо этого была проведена большая работа по изменению подходов к производственному процессу, была изменена система управления качеством продукции, многие работники прошли обучение на зарубежных предприятиях холдинга. Но в то же время преуменьшать роль выделения продуктовой линии «Мешки» в самостоятельное ООО «Сегежская упаковка» в повышении общей эффективности предприятия будет неправильным.

Основной вывод, который мы можем сделать, состоит в том, что интеграционные процессы, наблюдаемые во многих отраслях, не являются абсолютной тенденцией настоящего времени. Существует и прямо противоположное движение, а именно дезинтеграция экономических субъектов, которая рассматривается в основном в негативном ключе и глубоко не анализируется. В то же время, по нашему мнению, на современном этапе при рассмотрении корпоративных структур нельзя однозначно говорить об интеграции или дезинтеграции. Эти процессы надо рассматривать в комплексе применительно к формальной (иерархической) и неформальной (управленческой) структуре корпорации. Умелое применение данных подходов может стать одним из источников развития как конкретной группы компаний или отрасли, так и экономики России в целом. От экономической теории сегодня требуется определить источники возникновения дезинтеграционных тенденций, типологизировать их и разработать рекомендации по их применению в реальной управленческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева И. Ю. Интеграция корпоративного капитала и формирование финансово-промышленной элиты (российский опыт). М.: ФА, 1999. 296 с.
2. Зингалес Л., Раджан Р. Спасение капитализма от капиталистов: Скрытые силы финансовых рынков – создание богатства и расширение возможностей: Пер. с англ. М.: Институт комплексных стратегических исследований: ТЕИС, 2004. 492 с.

3. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Организация, ориентированная на стратегию. Как в новой бизнес-среде преуспевают организации, применяющие сбалансированную систему показателей: Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. 416 с.
4. Кокшаров А. Вертикальная дезинтеграция // Эксперт. 2006. 18.05–22.05. № 18(512).
5. Курченков В. В., Токмаков В. И. Интеграционно-системные преобразования в современном производстве: основные тенденции и формы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 100 с.
6. Лишанский М. Л., Маслова И. Б. Финансы в сельском хозяйстве. М.: Финансы: ЮНИТИ, 1999. 430 с.
7. Махлуп Ф. Теории фирмы: маржиналистские, бихевиористские и управленческие // Теория фирмы / Под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. 534 с.
8. Мильнер Б. З. Теория организаций. М.: ИНФРА-М, 1998. 336 с.
9. Молотников А. Е. Слияния и поглощения: Российский опыт. М.: Вершина, 2006. 344 с.
10. Нордстрем К., Ридерстралле Й. Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта. СПб., 2002. 280 с.
11. Пасс К., Лоус Б., Пендлтон Э. Большой толковый словарь бизнеса Collins. М.: Вече, 1998. 688 с.
12. Пороховский А. А. Корпоративный облик Америки: тенденции обновлений // США и Канада. 2005. № 2.
13. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2005. 480 с.
14. Серый Е. С. Бизнес-словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.businessvoc.ru/bv/Term.asp?word_id=3340.
15. Стаки Д., Уайт Д. Когда нужна и не нужна вертикальная интеграция // Вестник McKinsey Quarterly. 1993. № 3.
16. Становление предпринимательства в Республике Карелия: опыт и проблемы переходного периода 1999–2003 гг. / Отв. ред. А. С. Ревайкин. Петрозаводск: Карелия, 2003. 304 с.
17. Baldock R. The last day of the giants?: A Route Map for Big Business Survival. N. Y.: John Willey, 2000. 270 p.
18. Cairncross F. The death of distance: How the Communications Revolution Is Changing Our Lives. London: Harvard Business press, 2001. 317 p.

УДК 341

ЯРОСЛАВА АЛЕКСАНДРОВНА БОРОЗДИНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет, заместитель министра культуры и по связям с общественностью Республики Карелия

Borozdina@mincult.karelia.ru

КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВЕТЕ БАРЕНЦЕВА ЕВРОАРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

В статье рассматриваются международно-правовые вопросы, связанные с созданием Совета Баренцева Евроарктического региона (СБЕР). Раскрываются главные задачи культурного сотрудничества в рамках СБЕР.

Ключевые слова: Совет Баренцева Евроарктического региона, Киркенесская декларация 1993 года, приграничное сотрудничество, конференция по культурному сотрудничеству стран Баренцева Евроарктического региона (г. Архангельск, 1998 год)

Активизация международной деятельности регионов на европейском континенте в последнее время привела к тому, что регионы становятся локомотивами интеграционных процессов. Сегодня субъекты Российской Федерации также включились в полноправный процесс вхождения в общеевропейские организации региональной ориентации. А уже с начала 1990-х годов регионы России участвуют в международных субрегиональных организациях, таких как Совет Баренцева Евроарктического региона, Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Организация черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) и др. [2; 67].

Перечисленные объединения имеют много общего. В их основе – вопросы не только экономического сотрудничества, но и культуры, образования. Возможность вовлечения субъектов Федерации в процесс принятия решений в таких группировках заложен на уставном уровне.

11 ноября 1993 года в норвежском городе Киркенесе собрались министры иностранных дел России, Норвегии, Дании, Финляндии, Исландии, Швеции, а также представители Комиссии Европейских сообществ. Результатом этой встречи стало создание Совета Баренцева Евроарктического региона. По мнению некоторых авторов, это новая региональная организация в Европе. Однако, как считает П. Е. Доронина, СБЕР представляет собой одну из форм приграничного сотрудничества – еврорегион. Данный вывод представляется спорным.

Создание СБЕР является реализацией одной из наиболее эффективных форм приграничного сотрудничества, предусматривающей наличие институциональных механизмов сотрудничества в виде совместных рабочих органов [1]. Специфика СБЕР состоит в том, что его членами являются государства в целом, а их административно-территориальные (губернии, провинции, лены) и субфедеральные (области, респуб-

лика и автономный округ) единицы. В состав СБЕР в 1993 году вошли губернии Лапландия в Финляндии, Финмарк, Тромс и Норланд в Норвегии, Мурманская и Архангельская области в России и губерния Норботтен в Швеции. По состоянию на 2004 год регион охватывает также республики Карелию и Коми, Ненецкий автономный округ, губернию Вестерн-боттен и (после преобразования губернского управления в Финляндии) региональные ассоциации Лапландия, Кайнуу и Северная Остроботния [1].

Странами – учредителями СБЕР избрана специфическая 2-этажная модель построения организационной структуры, предусматривающая элементы координации действий органов, представляющих центральный и региональный уровни сотрудничества, однако учредительные акты СБЕР не определили ни статуса региона в целом, ни статуса его органов. В результате приграничное сотрудничество, осуществляемое в рамках СБЕР, оказалось фактически в правовом вакууме, что является отличительной чертой и других трансграничных образований с участием субъектов и муниципальных образований Российской Федерации [1].

Лишь после кардинальных перемен в Европе и в мире в целом, когда на смену конфронтации и разобщенности прошлого пришло партнерство, когда доминирующими тенденциями на континенте стали открытость, взаимное проникновение культур и традиций, сложение усилий в экономике, создались условия для налаживания прочного сотрудничества в Баренцевом Евроарктическом регионе.

Для поддержания многовековой приверженности народов Баренцева региона добрососедству и сотрудничеству, его экономического развития и освоения несметных богатств, создания комфортных, достойных человека условий жизни и был создан СБЕР. При этом специально подчеркивалось, что Совет не будет дублировать

или подменять уже ведущуюся между входящими в него странами на двусторонней или многосторонней основе работу, но будет способствовать развитию именно регионального сотрудничества. Концепция Баренцева сотрудничества была сформулирована в Киркенесской декларации 1993 года. В ней определены основные направления деятельности, в числе которых и культурные связи. Совместной декларацией министры культуры подчеркнули свои намерения поощрять развитие культурного обмена, способствующего расширению знаний о культуре и обществе, заботиться о памятниках старины, предотвращать разрушение общих ценностей.

Главными задачами культурного сотрудничества при этом были определены следующие:

- формирование единого идентитета, то есть усиление чувства принадлежности как к своим нациям, так и к Баренцеву региону в целом;
- развитие статуса Баренцева региона как территории, привлекательной для проживания;
- объединение усилий в культурном сотрудничестве «поверх границ» для различных культурных групп и тем самым обеспечение уникального совместного сосуществования;
- представление Баренцева региона как мощного культурного центра в Европе;
- развитие сети контактов, содействующих повышению знаний и компетенции в сфере культуры и искусства;
- объединение ресурсов для развития многообразия культуры региона.

Культурное сотрудничество в СБЕР нацелено на вовлечение в этот процесс как можно большего числа исполнителей, что должно способствовать не только взаимному профессиональному обогащению, но и укреплению взаимопонимания между людьми и развитию дружбы и кооперации. Таким образом, культурное сотрудничество служит эффективным механизмом передачи информации между территориями; культурный обмен способствует созданию доверительной атмосферы, так необходимой для сотрудничества и в других областях.

За годы существования СБЕР сотрудничество развивается во многих сферах: экономика, образование, здравоохранение и др. И все же сотрудничество в области культуры следует признать наиболее успешным.

С самого начала речь шла о комплексе культурно-экономических связей, то есть культура рассматривалась как полноправный партнер экономики. Дальше больше – культура была поставлена в авангарде контактов, начала рассматриваться как «ледокол», прокладывающий путь каравану «Баренц-регион», или как «локомотив», к которому может быть прицеплен целый состав многоотраслевого сотрудничества.

Сегодня можно выделить несколько уровней контактов в сфере культуры: трансрегиональный, межтерриториальный, интеркоммуналь-

ный, межучрежденческий, профессиональный, общественный, индивидуальный.

У каждой из стран СБЕР есть своя система культурного обеспечения, своя модель культурного развития, свои векторы культурных связей. Этот факт не препятствует контактам, а лишь расширяет их спектр. У каждого из государств СБЕР за его пределами есть партнеры, которых нет у других. За Архангельском, Мурманском и Карелией стоит многонациональная культура России, за другими участниками сотрудничества – культура скандинавских стран и Европы. Поэтому возможен обмен не только творческими проектами (выставками, танцевальными коллективами), но моделями культурного развития. Возникают «пути культуры», формирующие сеть культурных коммуникаций и ведущие к поставленным целям.

Соответственно, круг задач, сформулированных в Киркенесской декларации 1993 года, должен быть расширен. Задача формирования единого идентитета должна быть дополнена идеей культурного самообеспечения. Задача представления СБЕР как мощного культурного центра в Европе должна быть конкретизирована идеей совместного выхода на внешний культурный рынок, своеобразной «культурной экспансии» при одновременном противостоянии культурной экспансии извне. Развитие Баренцева региона как территории, привлекательной для проживания, преломляется в усилении связанности культурных акций и проектов с хозяйственно-экономической деятельностью, образованием и т. д.

Широкий круг задач связан с развитием художественной стилистики северной культуры, формированием единого северного культурного пространства и инфраструктуры культурных коммуникаций. Настоящей опоры на традиции функционирования «северной модели» культуры пока еще не было. В целом перечисленные задачи и образуют «пути культуры», или «каналы культурной коммуникации».

К сожалению, пока не в полной мере удается фиксировать феномен культуры как основу жизни во всех ее проявлениях. Для российской ситуации глубокое понимание идей взаимосвязи и взаимозависимости культуры и развития по-прежнему весьма актуально. Сегодня все более настойчиво ставится вопрос о признании комплекса культурно-экономических связей, то есть о необходимости рассматривать культуру как полноправного партнера экономики, обеспечивающую в равной степени функционирование государства во имя человека. В настоящее время речь должна идти о культуросозидающей политике, о контактах как способе созидания новой культуры.

На конференции по культурному сотрудничеству стран Баренцева Евроарктического региона, проходившей в г. Архангельске 9–11 сентября 1998 года, обсуждалась Декларация «Баренц-сотрудничество в сфере культуры на поро-

ге XXI века», в которой провозглашалось формирование новой культурной политики в духе «Северного ренессанса». Новая культурная политика требует от каждого участника готовности к активной работе для роста сотрудничества на двух основных принципах: от культуры к экономическому развитию и от экономического развития к культуре.

Новая культурная политика должна ориентироваться на:

- утверждение приоритетов, основанных на трансграничных контактах;
- реструктуризацию культурной деятельности в пользу совместных долгосрочных программ и проектов;
- формирование общерегиональных культурных критериев и стандартов;
- адаптацию культурных заимствований и местных новейших достижений в области культуры;
- представление Баренцева аспекта в более широком контексте и укрепление внешних культурных связей;
- превращение Баренцева региона в культурогенерирующее пространство, открытое для других партнеров.

Высшим органом Совета является ежегодная сессия министров иностранных дел стран-участниц, решения на которой принимаются консенсусом. Председательство на сессии на ротационной основе переходит от одной страны к другой. Под эгидой СБЕР действует специальный орган, осуществляющий сотрудничество на местном уровне, – Региональный совет, в который входят руководящие официальные лица административных единиц, образующих Баренцев регион, из России, Норвегии, Швеции и Финляндии, а также представители коренных народов. Региональный совет разработал в 1994 году

Баренцеву программу сотрудничества в регионе. Она была рассчитана на 5 лет и содержала более 80 проектов, осуществляемых главным образом на российской территории. Сотрудничество охватывает и такую сферу, как культурные связи [3; 41–42]. В рамках Регионального совета действует Рабочая группа по культуре, которая отбирает идеи и проекты в области культурного сотрудничества, занимается их экспертизой, ищет пути финансирования, анализирует ход реализации проектов. По мнению Рабочей группы, проекты культурного сотрудничества являются особым видом деятельности, направленной как на развитие контактов внутри региона, так и на реализацию совместных инициатив за его пределами.

С 1993 года проводятся заседания Совета на уровне отраслевых министров, в том числе на уровне министров культуры. Благодаря этому удается добиться большего взаимопонимания между местными и центральными властями [3; 46].

Современный постоянно усложняющийся мир, научно-технический прогресс, нарастающие экологические проблемы, не знающие административных границ, международная преступность – все это объективно повышает ответственность субрегиональных и муниципальных администраций перед живущими здесь людьми. Нередко местные администрации сами являются инициаторами проектов как локального, так и трансграничного масштаба. Примером такого проекта является «голубая дорога» – автодорога – туристический маршрут, пересекающий Норвегию, Швецию, Финляндию и Карелию. Отчетливо просматривается стремление лидеров этих территорий использовать на взаимовыгодной основе экономический, научный и культурный потенциал каждого включившегося в сотрудничество субрегиона [4; 40].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доронина П. Е. Правовое регулирование приграничного сотрудничества в Российской Федерации: на примере сотрудничества в рамках Баренцева / Евро-Арктического региона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://law.edu.ru>.
2. Кондратьева Н. Б. Субъекты Федерации в субрегиональном сотрудничестве. Ростовский пример // Международные связи субъектов Российской Федерации (на примере Ростовской области). М.: МГИМО, 2004. С. 67–73.
3. Крылов С. Сотрудничество на Севере Европы // Международная жизнь. 1996. № 9. С. 41–46.
4. Шлямин В. Взгляд из Карелии на внешнеэкономические проблемы Северо-Запада // Международная жизнь. 1996. № 7. С. 34–40.

УДК 342.722.1

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА СЕКРЕТАРЕВА

соискатель кафедры философии и политологии, Марийский государственный университет, помощник судьи Куженерского районного суда Республики Марий Эл
tatsecr@yandex.ru

ДВУСТОРОННИЙ ПОДХОД К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ УГОЛОВНЫХ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье исследуется важная и занимающая центральное местоположение в теории политической науки категория «права человека». Они рассматриваются не только в общетеоретическом ракурсе, но также в контексте уголовных и уголовно-процессуальных отношений. Обосновывается концепция двустороннего подхода к правам человека в указанной сфере.

Ключевые слова: права, человек, потерпевший, преступник

Права человека – это высшая ценность, признаваемая как отдельными государствами, так и всеми государствами на международном уровне. Государства стремятся обеспечить реализацию и защиту прав каждого человека, будь это преступник или потерпевший.

Права человека – это определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, ее взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами [4; 1].

Благодаря правам удовлетворяются разнообразные запросы личности. Права открывают возможности для гарантированного доступа каждого человека к материальным и духовным благам. Они позволяют индивиду претендовать на помощь со стороны общества и государства для поддержания жизни на достойном уровне и удовлетворять личные потребности и интересы. Права человека призваны оградить людей от воздействия всякого насилия и принуждения. Они обеспечивают безопасность личности, ее защищенность и регулируют общественные отношения на началах уважения человеческого достоинства. Права человека являются показателем уровня развития общества, мира в целом. Чем больше человек имеет прав, тем более цивилизованно, прогрессивно общество, государство, которые их закрепляют и устанавливают механизмы их реализации.

Права человека – это очень сложное явление, изучаемое многочисленными науками (философией, социологией, юриспруденцией).

Философия изучает права человека с точки зрения гуманизма, идеи свободы, равноправия, солидарности, справедливости. В социологии права человека рассматриваются как социальный феномен в качестве важного условия обеспечения безопасности и развития индивида, как один из способов сохранения необходимых для

жизни природных и социальных начал личности. Закрепляя права, человечество стремится скоординировать общественные связи, свободу и уважение достоинства каждого члена общества с общим благом и стабильностью социальных отношений.

Права человека – это политическое явление. Они существуют объективно и независимо от признания или игнорирования их государством. Каждое лицо обладает совокупностью прав с момента рождения. Сквозь эту призму они исследуются науками о государстве и праве. Права человека выражают возможности личности иметь, пользоваться и приобретать материальные, социальные и духовные блага для удовлетворения своих разнообразных интересов и потребностей, что дает возможность назвать их и юридическим явлением.

Государства берут на себя обязанность защищать от нарушений права каждого человека, не только провозглашать права в правовых нормах, но и устанавливать механизмы их реализации. Гарантией соблюдения прав, их восстановления, если нарушение все же произошло, выступает закон. Права человека закрепляются в конституционных нормах государств, уточняются и детализируются в нормах различных отраслей права – гражданских, уголовных, уголовно-правовых и др. Они провозглашаются и на международном уровне в многочисленных международных, региональных, двусторонних договорах, конвенциях, пактах.

В настоящее время права человека выделяют в отдельную отрасль права. Так, Г. И. Тункин пишет: «Появляется новая отрасль международного права, определяющая обязанности государств по обеспечению всем людям, независимо от расы, языка, религии, пола, основных прав и свобод» [9; 93]. Эта отрасль была названа им «международной защитой прав человека» [6; 232].

Как любое явление, права человека имеют характеристики, по которым можно производить

их классификацию. По сферам жизнедеятельности выделяют личные, политические, социально-экономические и культурные права.

Личные (гражданские) права имеют целью обеспечение свободы и автономии индивида, защиту от незаконного внешнего вмешательства. К личным правам относятся: право на жизнь и достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность, а также неприкосновенность частной жизни, жилища, свободу передвижения и выбора места жительства, свободу совести, свободу выбора национальности, языка общения.

Указанные права представляют особую важность для каждого человека. К примеру, право на свободу и личную неприкосновенность означает право самостоятельно определять свои поступки, располагать собой, своим временем, физическую, нравственную и психическую неприкосновенность личности. Незаконное лишение, ограничение свободы квалифицируется в уголовном праве как акт физического или психического насилия.

Однако существуют жизненные ситуации, требующие принудительного ограничения либо лишения свободы или неприкосновенности. Такие действия должны строго основываться на законе. Под принудительные способы ограничения свободы гражданина подпадают арест, заключение под стражу, содержание под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступления, временная изоляция и принудительное лечение психически больных, представляющих опасность для себя и окружающих.

Политические права и свободы – это обеспеченная законом и публичной властью возможность человека участвовать (как индивидуально, так и коллективно) в общественно-политической жизни государства и осуществлении государственной власти. В число политических прав входят право принимать участие в организации и деятельности государства и его органов посредством различных форм представительной и непосредственной демократии (избирательные права, право петиций), право участвовать в жизни общества (свобода слова и печати, свобода собраний, право на объединение).

Культурные права гарантируют духовное развитие человека, помогают каждому индивиду стать полезным участником политической, духовной, социальной и культурной жизни. Это право на образование, право на доступ к культурным ценностям, право на творчество и др.

Социально-экономические права касаются поддержания и нормативного закрепления социально-экономических условий жизни индивида, общественных отношений в сфере труда и быта, занятости, благосостояния, социальной защищенности. К экономическим правам относятся право на труд, право на собственность, право заниматься предпринимательской деятельностью, право на забастовки и др. Социальные

права включают в себя право на социальное обеспечение, социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание.

Права человека раскрывают различные возможности и правомочия человека: возможность пользования определенным благом, правомочие совершать определенные действия, возможность требовать установленных законом действий от других лиц, возможность обратиться к государству для защиты нарушенных прав. Зачастую в силу независящих от человека обстоятельств он не может использовать, осуществить указанные правомочия. Например, законодателем установлено право на возмещение любого незаконно причиненного личности вреда, но в некоторых случаях реализовать данное право сложно или невозможно, поскольку надлежащие механизмы для этого он не предусмотрел. Или, например, государство провозгласило защиту нарушенных прав человека, но не указало, какие действия ему следует совершить для своей защиты, не определило порядок обращения человека к государству, то есть способы реализации его законного права. Эта проблема интенсивно обсуждается и исследуется в настоящее время.

Обладание, пользование и распоряжение, а в случае нарушения и восстановление прав составляют сущность процесса реализации их в жизнь. Как замечают ученые, почти никогда этот процесс не проходит гладко, чаще всего возникают всевозможные препятствия и трудности, естественные и искусственного происхождения, которые тормозят усилия личности по осуществлению прав. Препятствия – это не только то, что мешает реализации права (например, противодействующее поведение других людей), но и то, чего не хватает для осуществления права.

Для претворения прав человека необходимы специальные средства, методы, условия, способствующие реализации и обеспечению прав человека, – гарантии. Особую роль в этом играют юридические гарантии, которые способствуют созданию правовых норм, отражающих права человека в соответствии с их сущностью и назначением, эффективностью правового регулирования общественных отношений, позволяют осуществлять контроль и надзор за реализацией прав, предотвращать, своевременно выявлять и пресекать правонарушения, привлекать к юридической ответственности виновных лиц, восстанавливать нарушенные права, формировать у всех членов общества знания и практические навыки в реализации собственных прав.

Юридические гарантии прав человека закрепляются в нормативно-правовых актах государств и международных актах и делятся на гарантии охраны прав и гарантии их защиты. Первые имеют целью устранить обстоятельства, препятствующие реализации прав граждан, предупредить возможное нарушение прав человека, вторые направлены на восстановление нарушенных прав, установление виновных лиц и привле-

чение их к ответственности, а также возмещение потерпевшим гражданам причиненного вреда.

Ответственными за соблюдение и развитие гарантий прав человека являются государство, его органы, должностные лица, так как они контролируют выполнение законов о правах человека, обеспечивают соблюдение и реализацию прав человека, защищают от действий лиц, имеющих целью ущемить права других, выявляют и пресекают посягательства на права, восстанавливают права в случае их нарушения, а также сами граждане, общество в целом.

Институты, которые сегодня существуют в России для обеспечения, реализации прав человека, по единодушному мнению и прессы, и научных кругов, недостаточны, действуют зачастую неэффективно и деформированы. Имеют место диспропорции в соотношении различных видов прав, отсутствуют реальные механизмы осуществления или пользования правами, не стимулируются инициатива и творчество в реализации прав, переоцениваются меры государственного принуждения на фоне ограничения индивидуальных возможностей правозащиты, проявляются скепсис и недоверие к общественным формам самодеятельности, очевидна прямая незаинтересованность в систематическом обучении правам человека и воспитании правовой культуры молодого поколения [3; 10].

В сфере прав человека имеется много других нерешенных задач, пробелов – проблемы пределов прав, их равенства, проблема ограничения некоторых личностей в правах, соблюдения прав каждого, охраны от нарушений, которые имеют большую значимость в уголовном, уголовно-процессуальном праве.

Рассмотрим проблему равной значимости прав всех личностей.

Государства провозглашают всеобщее равенство независимо от признаков, свойств, характеристик, которыми обладает человек с момента рождения, которые изменяются или приобретаются им в процессе жизни: пол, возраст, язык, национальность, религия, убеждения, имущественное, социальное происхождение, должностное положение, какое-либо физическое или психическое заболевание. Это записано в международных договорах, региональных актах, конституциях, правовых нормах законов и других актов стран.

Равенство сохраняется всегда и не ставится в зависимость от того, совершил человек посягательство на права другого человека или нет, причинил ли он ему какой-либо вред или нет. В этом случае права посягнувшего остаются равноценными с правами жертвы, но за нарушение закона и совершение правонарушения они подлежат ограничению.

Проблема равенства прав всех людей является одной из основополагающих в праве, философии, политологии, социологии. Общая точка зрения на нее до сих пор не сложилась, и пути разрешения этой проблемы не найдены.

Общеизвестно, что любое регулирование сфер человеческой жизни основано на принципе равенства всех людей, одинаковом объеме их прав. Данный принцип является одним из основополагающих в уголовном, уголовно-процессуальном праве. Согласно ему, все равны перед законом и судом. Каждый защищается законом, даже если он нарушил этот закон.

В соответствии со ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966, все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. Провозглашая указанный принцип, государства закрепляют, что любой человек, его интересы представляют для них ценность, и запрещают дискриминацию по любым основаниям. Принцип равноправия также выражает требование уважать достоинство другого человека, соблюдать его интересы и не нарушать его законные права. Невыполнение правила о нарушении прав других ведет к одновременному нарушению законов, поэтому человек, совершивший посягательство на права личности, подлежит ответственности, наказанию, ограничению в правах и свободах, а пострадавшее лицо подлежит защите и восстановлению в правах.

Права человека выражают меру возможного поведения. Они не безграничны и имеют свои пределы осуществления. Общеизвестно, что права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого. Этот важный постулат имеет правовое, а также философское, нравственное, моральное, этическое значение. Реализуя свои права, личность не должна затрагивать отрицательным образом права и интересы других людей. Если нарушение прав граждан все же произошло, то начинают действовать специальные механизмы, установленные государством.

Нарушение прав человека, выраженное в законодательной норме как запрещенное к совершению, становится основанием привлечения к ответственности. Юридическая ответственность является самой строгой по воздействию на нарушителей прав человека. Ее цель – охрана прав и свобод человека и гражданина с помощью применения мер государственного принуждения, которая достигается принудительным восстановлением нарушенных прав, пресечением противоправных деяний, наказанием правонарушителей и устранением причин и условий, способствующих нарушениям. В зависимости от содержания принудительных мер выделяются правовосстановительная ответственность, нацеленная главным образом на устранение причиненного нарушением вреда (гражданско-правовая ответственность), и карательная ответственность, осуществляемая путем непосредственного воздействия на нарушителя и его права (к ней относятся уголовно-правовая и административная ответственность).

Особо серьезное нарушение прав происходит в результате совершения лицами правонаруше-

ний и преступлений. Чтобы предотвратить совершение ими других общественно вредных и общественно опасных деяний, обезопасить общество, восстановить положение, существовавшее до нарушения прав граждан, государство в лице его органов и должностных лиц подвергает их уголовной, административной ответственности и наказанию, соразмерным тяжести деяния, его общественной угрозе, которые состоят в лишении или ограничении основных, существенных прав, дарованных конституциями стран, например права на свободу.

Лишение или ограничение прав и свобод правонарушителя должно происходить строго на основании закона и в безусловном соответствии с ним, а также только в определенных случаях, предусмотренных им, и не должно иметь целью унижение достоинства человека, умаление его прав.

Это провозглашают международные нормы, имеющие высшую юридическую силу, признаваемые и соблюдаемые многочисленными государствами. Согласно ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, при осуществлении своих прав и свобод человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Осуществление прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Таким образом, применяя санкции к лицам, совершившим противозаконные деяния, ограничивая их права, восстанавливая справедливость, нельзя забывать о том, что наказание всегда должно быть соразмерным опасности, тяжести деяния, оно должно соответствовать уровню нанесенного вреда. Необходимо помнить, что лица, нарушившие закон, подлежат равной охране с правопослушными гражданами и их права необходимо соблюдать, что все законы, в том числе их нормы, посвященные защите человека, едины для всех, применяются к каждому, не исключая лиц, преступивших закон.

В свою очередь, любой пострадавший человек нуждается в защите со стороны государства, его органов. Защита прав потерпевших имеет не только правовой, но нравственный, этический характер. Необходимость восстановления и соблюдения их прав требует применения наказания к виновным лицам либо иных мер принуждения, например принудительного лечения тех, кто не осознает виновность своих действий, совершая противоправные поступки.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Конституция РФ указывает, что они являются непосредственно действующими, неотчуждаемы и принадлежат от рождения любому человеку. Права всех личностей равны. Конституция содержит положение о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ).

В сфере уголовно-правовых отношений вышеуказанное положение имеет специфическое значение. Уголовно-правовые отношения возникают вследствие совершения лицами противоправных деяний, запрещенных Уголовным кодексом РФ, то есть в результате существенного нарушения одним человеком прав другого человека. Названные конституционные нормы предписывают законодателю установить уголовно-процессуальные механизмы, в максимальной степени способствующие предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для охраняемых законом прав и интересов граждан, а также упрощающие жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления своих прав и получения необходимой компенсации. Данные механизмы установлены УК РФ, УПК РФ, а также судебной практикой. В целях восстановления социальной справедливости, предупреждения новых нарушений прав граждан, исправления поведения правонарушителя мы вынуждены применять к преступникам наказание, иные меры уголовно-правового характера (меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера), ограничивая или лишая их определенных прав, например права на свободу, на личную неприкосновенность.

В данном случае мы должны защищать права потерпевшего, способствовать восстановлению его нарушенных прав, но одновременно мы должны соблюдать права лица, преступившего закон, так как перед законом и судом все равны, и Конституция РФ берет под охрану каждого, в том числе совершивших противозаконные действия. Таким образом, перед государством стоит важная, сложная задача – находить баланс при одновременной защите противоположных сторон: потерпевшего и лица, совершившего незаконный акт.

В Конституции РФ прослеживается параллель в соблюдении прав обеих сторон уголовных и уголовно-процессуальных отношений.

В ст. 19 Конституции имеется общая норма о том, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо свойств, признаков, обстоятельств. Конституцией РФ каждому человеку даровано право на судебную защиту. Она гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118

Конституции РФ) и предоставляет каждому право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45).

Среди всех видов судопроизводств особое место в системе защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина занимает уголовное судопроизводство, что закономерно, поскольку вероятность нарушения прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве наиболее высока. Это происходит потому, что действующие здесь субъекты наделены мощными правомочиями для осуществления своих функций, нарушение прав и свобод приносит существенный вред личности, так как затрагивает наиболее важные ее интересы. Именно здесь гарантии прав личности должны быть особенно повышены [5; 124].

В силу ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Еще Конституционный суд РФ указал, что одной из необходимых гарантий судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда непосредственно перед удалением его в совещательную комнату для вынесения решения. Только при этом условии в судебном заседании полностью реализуется право на судебную защиту, которое, согласно Конституции, не может быть ограничено [2].

Конституция РФ имеет и более узкие нормы, посвященные правам потерпевшего и лица, совершившего преступление. Так, согласно Конституции, каждый имеет право на свободу, а арест, содержание под стражей допускаются только по судебному решению. На основании ч. 2 ст. 48 Конституции РФ каждый обвиняемый, задержанный, заключенный под стражу имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника). Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. С учетом положений данной конституционной нормы недопустимо возлагать на обвиняемого (подсудимого) доказывание своей невиновности.

В соответствии с ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации неустранимые сомнения в виновности обвиняемого (подсудимого) должны толковаться в его пользу. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона; доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Верховный суд РФ в целях соблюдения прав лиц, преступивших закон, разъяснил, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Феде-

рации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств было осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [1]. При судебном разбирательстве должно строго соблюдаться гарантированное Конституцией (ч. 1 ст. 48) право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Конституция также гласит, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление, осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом.

Обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту является конституционным принципом и должно выполняться на всех стадиях уголовного судопроизводства как важная гарантия установления истины и вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Поэтому судам необходимо неукоснительно соблюдать процессуальные права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, всесторонне, полно и объективно исследовать материалы дела, выявлять обстоятельства, не только уличающие, но и оправдывающие их, а также смягчающие и отягчающие наказание, тщательно проверять имеющиеся по делу версии, обеспечивать равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств [9; 204].

Нормы Конституции одновременно посвящены защите прав потерпевших. В соответствии со ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Ч. 3 ст. 46 Конституции РФ гарантирует каждому право на обращение в межгосударственные органы защиты прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Государство, обеспечивая потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда, не только регламентирует его права, связанные с подачей в компетентные органы заявлений о совершенном преступлении, с участием в проводимом по этим заявлениям разбирательстве, но и устанавливает обязанности соответствующих правоприменительных органов. Им, в частности, предписывается принимать и разрешать все заявления о преступлениях, принимать меры к розыску принадлежащих потерпевшему предметов и материальных ценностей, принимать меры к обеспечению гражданского иска, оказывать содействие частному обвинителю в собирании по делу частного обвинения таких доказательств, которые не могут быть получены им самостоятельно. Вся система уголовно-процессуальной деятельности, направленная на обеспечение раскрытия преступления и изобличение виновного, в конечном счете

должна служить защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений.

Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Ущерб, причиненный лицу в результате преступления, подлежит возмещению. В уголовном процессе потерпевший как лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, имеет право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение.

Активное участие потерпевшего в уголовном преследовании обеспечивается предоставлением ему и реализацией широкого круга процессуальных прав. Наиболее важные среди них: давать показания, предъявлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с предъявленным обвинением и рядом других материалов предварительного следствия, участвовать в судебном разбирательстве на стороне обвинения, выступать в прениях, обжаловать приговор и судебные решения других инстанций (ст. 42 УПК).

Потерпевший также вправе иметь своего представителя. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда. Вместе с тем, как отметил Конституционный суд РФ, правовой статус потерпевшего определяется исходя из его фактического положения независимо от формального признания. Законодатель предоставил пострадавшему и другие многочисленные права, направленные на его защиту.

Важно то обстоятельство, что в реализации, обеспечении прав потерпевших и совершивших преступление, занимающих две крайние, противоположные позиции в уголовном и уголовно-процессуальном праве, состоит назначение уго-

ловного судопроизводства. Это безусловная защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и неоспоримая защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, несмотря на тяжесть совершенного ею посягательства и причиненный вред.

В уголовном деле участвуют две диаметрально противоположные стороны, поэтому им должны быть обеспечены сходные процессуальные возможности обеспечения их прав, сходные права, равные механизмы для самозащиты. Чтобы избежать односторонней охраны прав человека в области уголовных и уголовно-процессуальных отношений, нужно защищать и регулировать права обеих сторон – и потерпевших, и лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что в защите государства, уважении человеческого достоинства, обеспечении и соблюдении прав нуждаются все личности – как потерпевшие, так и лица, поправшие законы, поэтому необходимо одновременное двустороннее регулирование законодательства в отношении и потерпевших, и лиц, от которых им причинен ущерб.

Большое значение имеют изучение и анализ законов с позиций двух сторон: потерпевшего и злоумышленника, в отношении которого будет применено наказание. Принимая нормы права, законодателю следует анализировать, как нововведения отразятся на всех взаимосвязанных участниках правоотношений. Приоритетное значение, на наш взгляд, должны иметь законодательное определение прав и их гарантий не только лиц, совершивших общественно опасные деяния и преступления, но также лиц, пострадавших от них, и нахождение баланса, равновесия между законными интересами обеих сторон.

ИСТОЧНИКИ

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1991 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».
2. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Ключева: Постановление Конституционного суда РФ от 15.01.1999 г. № 1-П // Российская газета. 1999. 28 января.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М.: Юрист, 2003. 304 с.
4. Комментарий к постановлению пленумов Верховных судов РФ (РСФСР) по уголовным делам / Сост., авт. коммент. А. П. Рыжаков. М.: НОРМА, 2001. 480 с.
5. Кузьмина О. В. Концептуальные основы реформирования уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Правоведение. 2004. № 2.
6. Международное право / Под ред. Г. И. Тункина. М.: Юридическая литература, 1974. 592 с.
7. Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2000. 573 с.
8. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 1997. 672 с.
9. Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. 510 с.

УДК 821.161.1.09"1922/..."

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ПОНОМАРЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI веков филологического факультета, Московский педагогический государственный университет
taponomareva@mail.ru

Рец. на кн.: Маркова Е. И. Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 354 с.

Творчество Н. А. Клюева, самобытного русского поэта, родоначальника и идеолога новокрестьянской литературы, сгинувшего в сибирской ссылке, было возвращено современному читателю в первую очередь благодаря усилиям ученых из Петрозаводска и Ленинграда – Санкт-Петербурга. Основы научной биографии Клюева были заложены А. К. Грунтовым и В. Г. Базановым. Среди современных исследователей Клюева Елена Ивановна Маркова пользуется заслуженным признанием. Более двадцати лет ее научной деятельности отдано изучению творчества поэта: многочисленные статьи, доклады, монография «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства», ставшая основой докторской диссертации. Ее концепция клюевского творчества базируется на убеждении, что жизнь поэта – это воплощение судьбы крестьянского рода = русского народа, через его творчество постигается национальный код русской культуры.

Итогом многолетней работы над текстами Клюева стала новая книга Е. И. Марковой «Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты». Она посвящена автобиографической прозе поэта. Этот частный, на первый взгляд, аспект творчества Клюева рассматривается в монографии не для того, чтобы раскрыть биографию писателя, в которой остается немало белых пятен. Целью исследования становится реконструкция родословия «посвященного от народа», которое рассматривается сквозь призму евангельских и литературных текстов, фольклорно-мифологических образов и мотивов. События жизни Клюева представлены как факты его духовной биографии – жизни «на русских путях». Автобиографическая проза Клюева, как справедливо считает Е. И. Маркова, не является документальным повествованием. Это духовное послание поэта современникам и потомкам, что предопределяет его циклическую целостность и позволяет рассматривать его как единый текст.

Сугубо научный труд с огромным количеством ссылок, сносок, цитируемых источников, с глубоким анализом поэтики и многослойных смысловых пластов автобиографической прозы Клюева написан ярко, талантливо, страстно. Е. И. Маркова ставит перед читателем вопросы, вовлекая его в сотворчество. Так, рассматривая роль легенды о

праведном граде Китеже в художественном сознании поэта, она пишет: «Что же Клюев? Почему он не переступил черту, не пошел во врата? Потому ли...» (с. 276). Или, обращаясь к выражению Клюева «то червонное золото светозарит», Е. И. Маркова вопрошает: «Почему Клюев употребил столь редкий глагол “светозарит”? Насколько он точен: может, следовало употребить глагол “златозарит”?» (с. 233). Автор книги выступает в триединой роли исследователя, лектора, пропагандиста, возвращая читателя к ранее сказанному, напоминая исходные тезисы. Нравнодушие к предмету исследования, безусловно, подкупает и привлечет к книге внимание широкого круга читателей русской словесности и таланта Н. Клюева.

Научная убежденность Е. И. Марковой сочетается с открытостью для дискуссий. Неоднократно выводы из анализа фрагментов текста предваряются предположением «возможно». Уточняя или оспаривая точку зрения других исследователей, она не забывает указать и на зерно истины в работах предшественников. Это доверие к чужому слову сочетается с абсолютной свободой научной мысли, и в монографии Е. И. Марковой немало научных открытий, многие известные факты биографии Клюева осмыслены по-новому. Приведу лишь один пример. Об отсылках к Евангелию в биографической прозе Клюева говорилось неоднократно. Е. И. Маркова ставит иную задачу – «понять смысл потаенной ориентации Клюева на Новый Завет» (с. 65).

Композиционно книга делится на три раздела. Монография начинается с главы, важной для осмысления автобиографической прозы Клюева как целостного текста. В первой главе, что достаточно необычно для монографии, полностью приведены все восемь известных текстов автобиографической прозы Клюева с указанием истории публикаций, имен исследователей, которые к ним обращались, с их жанровой характеристикой. Это позволяет читателям получить целостное впечатление о прозе поэта, сопоставить собственное мнение с видением исследователя, вернуться при необходимости к тексту Клюева. Ключевым композиционным приемом Е. И. Марковой является повтор. Она неоднократно возвращается к отдельным эпизодам духовной биографии, анализируя или интерпретируя их в разных аспектах.

Второй раздел посвящен присутствию евангельских текстов в автобиографической прозе Клюева. Новый Завет в его повествовательном сюжете свидетельствует, что «русский путь Клюева – это путь русского крестьянина к Спасителю» (с. 70). Принципиальным для Е. И. Марковой является создание Клевым своего крестьянского «неродословного» родословия как доказательство непреложной для поэта истины, что крестьяне – самый древний, а значит, самый благородный класс, обладающий древней, не менее высокой, чем дворянская, культурой и «лично и соборно несущий в себе Христа» (с. 70). Этим обусловлена проекция образа «я» в прозе поэта на образ самого Христа. Сакральная родословная Клеова, как и Иисуса Христа, исчисляется по матери. Как известно, в «праотцах» Клеов числил неистового Аввакума, приводя слова матери, что их род «от Аввакумова кореня повелся»: «В тебе, Николаюшка, Аввакумовская слеза горит, пустозерского пламени искра шает». Е. И. Маркова, подчеркивая, что в православной Руси родство шло по духовной линии, тем не менее высказывает предположение, что Аввакум мог быть крестным отцом прародительницы Клеова. Но подсчет количества поколений с середины XVII века до рождения поэта, 14 колен, что позволяет исследовательнице сопоставить их с 42 (14 x 3) коленами родословия Христа, не выглядит убедительно, да и буквализм противоречит установке Клеова и автора монографии на воссоздание духовной биографии крестьянского сына, тем более что слова матери могут восприниматься именно в метафорическом значении. Пример иного рода – дата рождения поэта. Документально установленный 1884 год не совпадает с исчислением возраста самим поэтом, который чаще всего указывал на 1887 год. Исследовательница видит в этом проекцию на 1917 год и на тридцатилетний возраст Христа. 35-летний возраст, обозначенный в «Автобиографии» 1923–1924 годов, для Е. И. Марковой связан с символикой середины земной жизни и содержит скрытую отсылку к «Божественной комедии» Данте. Но уменьшение возраста, возможно, не связано с символикой. Многие крестьяне вплоть до 20-х годов XX столетия и введения в СССР обязательной гражданской регистрации новорожденных не знали точной даты рождения, отмечая именины и путаясь в возрасте. (Свидетельством тому могут служить несколько примеров из истории поколения родителей и дедов автора рецензии.) Это замечание вовсе не отменяет общего хода рассуждений исследовательницы о символических «возрастных» совпадениях в автобиографической прозе Клеова. Большое место в монографии Е. И. Марковой занимает житийный аспект биографии поэта, который раскрывается на примере самого значительного текста – «Гагарьей судьбины». Несмотря на то что «Гагарьей судьбине» посвящен ряд специальных работ, в том числе известного ученого К. Азадовского, Е. И. Марко-

ва находит в ней те смыслы, которые ускользнули от внимания исследователей. Подробно и многосторонне анализируются сюжеты посвящения, послушания, испытаний-искушений, мотив чуда, начиная с крещения «в хлебной квашонке», раннего постижения грамоты по древнему Часовнику и заканчивая видениями и вещими снами. Необычное крещение Клеов объясняет бытовыми обстоятельствами (чтобы «шибко кричащий» ребенок «до попа не помер»), но ассоциация с «хлебом» церковного причастия вписана в сюжет посвящения – «облечься в Христа, Христовым хлебом стать и самому Христом быть». Испытания героя связаны с искушением другой верой. В религиозном аспекте другое исповедание – это сектантство-скопчество, с точки зрения крестьянской родословной чужое – значит городское.

Проблемы крестьянской культуры и цивилизации, «мужичье» в родословной Клеова сопрягаются в третьем разделе монографии с народными мифологическими и фольклорными представлениями. Объектом анализа становится китежский комплекс в творчестве Клеова. Тропа Батыя из народных социальных легенд, ведущая к Китежу, городу праведников, укрывшемуся от войска хана Батыя в водах озера Светлояр, осмыслена в более широком контексте национального праведничества и спасения.

Как образно пишет Е. И. Маркова, Клеов ведет читателя «к исчезнувшему граду Китежу, поднявшемуся не со дна Светлояра, а всплывшего с родного Онега» (с. 225). В текстах Клеова образ праведной земли сопрягается с северными топонимами (студеный Коневец, Пудожские земли, Соловки и др.). Возвращение героя Клеова, исходившего многие земли, «назад в деревню, к сосцам избы и ковриги-матери», для автора монографии объясняется тем, что «центром святой Руси, ее сегодняшним народным Иерусалимом, незримым градом Китежем является родная сторона» (с. 225). «Гагарья судьбина», делает верный вывод Е. И. Маркова, – бытующее представление о Русском Севере как сакральном центре.

Понятие Русского Севера включает в себя не только этнически-русское, но и финно-угорский извод, наложивший заметный отпечаток на севернорусскую культуру и словесность. Феномен Клеова может быть осмыслен только в контексте других культур, в первую очередь финно-угорской. В «Родословии Николая Клеова» рассмотрены фольклорно-мифологические образы медведя, сивой гагары, (птицы-водяницы), давшей название «Гагарьей судьбине».

Е. И. Маркова видит цель клеовского завета в том, чтобы разбудить родовую память русского крестьянства, ибо в эпоху социальных потрясений первой трети XX столетия начинается процесс ее утраты. Ее слово о Клеове, как и автобиографическая проза самого поэта, становится духовным посланием к людям XXI века, пытающимся осмыслить свою национальную идентичность и свои духовные истоки, чтобы понять, куда идти дальше.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ – НАТАЛИИ НИКИТИЧНЫ ТОЛСТОЙ

Н. Н. Толстая (1943–2010) – кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, писательница, переводчик.

Наталия Никитична Толстая скончалась 15 июня 2010 года – это утрата для всех, и огромная – для меня лично. Я встретила с ней в 1968 году на филологическом факультете Ленинградского университета. Она тогда начинала свою педагогическую карьеру, а я была первокурсницей в группе скандинавистов, которые стали ее первыми студентами. Тогда я еще не знала, что судьба подарила мне встречу с человеком, дружбу с которым я бережно пронесу по всей моей жизни. С годами, как это часто бывает, небольшая разница в возрасте стерлась, мы общались на «ты», радовались каждой встрече, всегда стараясь помочь друг другу.

Родилась Н. Н. Толстая 2 мая 1943 года в печально известном русскому человеку городе Елабуге, куда была эвакуирована семья Никиты Алексеевича Толстого, тогда доцента ЛГУ. Наталии Никитичне хотелось когда-нибудь вновь вернуться туда, но не пришлось.

Наталия Никитична успешно сочетала преподавание с учебой в аспирантуре, а в 1974 году защитила кандидатскую диссертацию, в которой рассматривала проблемы современной стилистики шведского языка. Ее научным руководителем был заведующий кафедрой, профессор М. И. Стеблин-Каменский, основоположник советской скандинавистики. Наталия Никитична была воистину талантливым учеником. 1981 год – особый этап в карьере Н. Н. Толстой. В этом году вышел учебник шведского языка, который она написала в соавторстве со своим старшим коллегой, доцентом кафедры скандинавской филологии С. С. Масловой-Лашанской. Учебник был отмечен Министерством высшего образования РСФСР как лучшее учебное пособие для высшей школы. С тех пор он выдержал несколько изданий и по-прежнему, насколько мне известно, им пользуются студенты при изучении грамматики шведского языка. Если вернуться к началу восьмидесятых годов прошлого столетия, когда страна оставалась закрытой, а Шведский институт был еще малоизвестной в России организацией, то нетрудно представить, сколь велико было значение этого учебника для скандинавистов Советского Союза. К своей научной продукции Н. Н. Толстая предъявляла высокие тре-

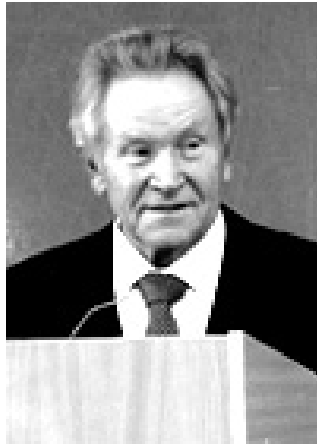
бования. Наиболее удачными работами она сама считала статьи, посвященные анализу шведских переводов российской поэзии. К числу таких статей относятся ее работы по сопоставительному анализу различных переводов произведений А. Ахматовой и поэмы А. Блока «Двенадцать», написанные в 1990-е годы. Наталия Никитична сделала многое, чтобы приобщить шведов к российским культуре и литературе, а россиян – к шведским. Конкретным вкладом в этой области стали ее публикации «S:t Petersburg: de vita nätternas land» (Stockholm, 2001), «Страна, которой нет, стихи Эдит Сёдергран в переводах Наталии Толстой» (Санкт-Петербург, 2001). Огромную поддержку она оказывала своему мужу, талантливому переводчику поэзии И. Ивановскому в работе по переводу шведского классика Карла Микаэля Бельмана («Послания Фредмана. Песни Фредмана» (Санкт-Петербург, 2005)). Ее заслуги были высоко оценены в Швеции: в 2004 году ей был вручен Орден Северной Звезды, а в 2005-м она получила награду Шведской академии за распространение шведской культуры за рубежом.

Н. Н. Толстая была преподавателем от Бога, не мыслила своей жизни без преподавания даже тогда, когда здоровье стало сдавать, мотивируя: «Такой материал с годами накоплен, так многому могу научить, жаль, если пропадет». Она всегда уважительно, с пониманием относилась к своим студентам, видя в них будущих коллег. За годы своей преподавательской карьеры Наталия Никитична вела самые разные курсы: грамматику, перевод, стилистику, в последние годы – ставший любимым спецкурс по культурным и историческим связям между Россией и Швецией. В этом курсе в центре внимания были культурные особенности российского православия и сложности их толкования на шведском. Огромный материал для этого курса был накоплен за долгие годы, как она в шутку говорила, ее «гидства», то есть работы гидом со шведскими туристами в Петербурге, Новгороде, Пскове и других российских городах. Работа, порой изнурительная, требующая не только колоссальных знаний, но прежде всего любви и внимания к людям. И умные туристы платили ей тем же.

Много лет шведские группы ехали в Россию «на Толстую», внимая ее рассказам, удивляясь знаниям и опыту, восхищаясь ее человеческим обаянием. В 1992 году осенью наше отделение пригласило Наталию Никитичну прочитать курс по российской истории и культуре, и в то же самое время ей была предложена должность инспектора русского языка в гимназиях Швеции. Это означало, что целый год Наталия Никитична будет жить в Умео. Нагрузка в Швеции не могла идти ни в какое сравнение с той, что была у нее в родном университете. Впервые, как мне помнится, у нее появилось время, чтобы взяться за перо. И здесь долгими осенними вечерами стали рождаться ее первые рассказы. Иногда она писала их по-шведски и тут же отправляла в местную газету «Västerbottenskuriren», где они публиковались под рубрикой «Письма из Петербурга». Главный редактор газеты Улоф Клеберг, истинный знаток русского языка, торопил ее с новыми публикациями и частенько брал на себя роль переводчика. Из Умео Наталия Никитична уезжала с памятным подарком. Мы, аккуратно собрав все ею написанные здесь рассказы, выпустили в нескольких экземплярах сборник «Хочу за границу» по названию одного из ее рассказов. Через полгода все эти рассказы по-настоящему увидели свет в шестом номере журнала «Звезда» за 1993 год. Еще чуть позже Наталия Толстая была удостоена литературной премии имени С. Довлатова, вручаемой этим журналом. У обоих писателей рассказы часто строятся на автобиографическом материале, оба дают прекрасные психологические портреты своих соотечественников, зажатых в тиски своего времени. У Сергея Довлатова – советского, застойного, у Наталии Толстой – постперестроечного и постсоветского. Не говоря уже о стилистическом родстве, а главное – юморе. Сегодня Н. Толстая известна российскому читателю как

один из авторов книг «Сестры» (1998) и «Двое» (2001), где произведения сестер Наталии и Татьяны Толстых, написанные в разных жанрах, изданы в одной книге. В 2004 году выходит сборник новелл Наталии Толстой «Одна». Помню, как сложно было для нее принять решение, кто же станет переводчиком этого сборника на шведский. Она, прекрасный стилист шведского языка, могла бы успешно справиться с этой задачей сама. Но, будучи языковедом, она понимала, что лишь человеку, по-настоящему владеющему родным языком и имеющему особый талант переводчика, под силу такая задача. Перевод был доверен Антону Бьорке, проживавшему тогда в Петербурге, что предполагало возможность сотрудничества автора и переводчика. Сборник новелл «Ensam» вышел в 2008 году в издательстве «Ord och Visor» в городе Шеллефтео. Но мы решили, что презентация книги должна обязательно состояться в Умео, в нашем университете, где рождались первые ее рассказы. И пригласили Наталию Никитичну в январе на это торжественное мероприятие, ставшее настоящим праздником для нас. Она не проронила ни слова о болезни, которая к тому времени уже сильно подкосила ее здоровье. Та же радость в глазах, то же тепло, которое она излучала всегда, та же улыбка на лице. Она остроумно отвечает на вопросы читателей, часто шутит, на что аудитория тут же реагирует смехом. Тогда, общаясь с ней, мы гнали от себя мысль, что это может быть ее последний приезд к нам. Трудно до конца постичь, что Наталии Никитичны больше нет. Нам, ее ученикам, коллегам и друзьям, судьба подарила праздник встречи с этим светлым человеком. И он будет с нами всегда.

СТЕЛЛА СЕВАНДЕР
преподаватель кафедры языковых исследований гуманитарного факультета, Университет Умео, Швеция

13 октября 2010 года исполнилось 85 лет доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой отечественной истории Петрозаводского государственного университета *Михаилу Ильичу Шумилову*.

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ШУМИЛОВ **К 85-летию со дня рождения**

Михаил Ильич Шумилов родился в деревне Железниковской Каргопольского уезда Архангельской области. Мечта стать художником-мультипликатором не осуществилась, но, узнав о дополнительном наборе в Карело-Финский государственный университет, в декабре 1944 года он становится студентом историко-филологического факультета. По окончании университета Михаил Ильич был направлен на работу в Комитет по делам культпросветучреждений на должность директора Центрального лекционного бюро. В 1950 году он был приглашен на работу в Институт истории партии, филиал Института марксизма-ленинизма, где ему было поручено изучение истории местной партийной организации. В 1955 году М. И. Шумилов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти (октябрь 1917–1919 гг.)». При активном участии Михаила Ильича подготовлены сборники документов «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии» (1957), «Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции» (1964), сборник воспоминаний «Борьба за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии» (1957). Кроме того, им были выявлены и опубликованы ленинские документы, относящиеся к Европейскому Северу. В эпоху «оттепели» ученые стремились публиковать документы без извлечений, хотя по цензурным условиям это не всегда удавалось сделать.

В 1960 году М. И. Шумилов вернулся в Петрозаводский госуниверситет, был избран доцентом кафедры истории КПСС. За короткое время им были подготовлены не только лекционные курсы, но и глубокие научные исследования. Он напряженно работал над докторской диссертацией на тему «Деятельность большевистских организаций Севера России в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.)», которая была успешно защищена в 1967 году в Ленинградском университете. Став доктором наук, профессором, Михаил Ильич возглавил кафедру истории СССР (ныне – отечественной истории), стал проректором по учебной работе, а в 1973–1990 годах – ректором нашего университета. Его деятельность на этом посту была направлена на повышение уровня преподавания и профессиональной подготовки выпускников, создание творческой, созидательной атмосферы университетской жизни. При нем в полтора раза увеличилось число преподавателей, имеющих ученую степень, открылся экономический факультет, началось строительство комплекса учебных зданий на Древлянке, наращивалось оснащение учебного процесса современной вычислительной техникой. Университет получил признание как ведущий центр образования и науки на Европейском Севере России.

Историк с широким кругом научных интересов, автор около 150 печатных трудов, руководитель научной школы, М. И. Шумилов во многом определил современный уровень исторической науки Карелии. Своей многообразной творческой деятельностью – исследовательской, педагогической, научно-организаторской – он внес большой вклад в историю культуры нашей республики. М. И. Шумилов всегда активно участвовал в общественно-политической жизни Карелии. В 1975–1980, 1985–1990 годах он избирался депутатом Верховного Совета КАССР. Являлся председателем Комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства Верховного Совета КАССР. В 1970-е годы ученый внес весомый вклад в такое важное общественное начинание, как движение городов-побратимов, руководил Петрозаводским отделением общества советско-французской дружбы.

На рубеже тысячелетий М. И. Шумилов напряженно работал над обобщающим исследованием по российской истории. Не конъюнктурные соображения и политическая ангажированность, но честное стремление гражданина и профессионала осмыслить итоги бурного и противоречивого XX века, понять, куда идет Россия, двигали его пером. Он стремился дать историю разнотипную: государственную, политическую, социально-экономическую, а также отразить повседневную жизнь разных поколений. Книга состоялась: ныне учебное пособие «История России: конец XIX – начало XXI века» рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов России в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» и выдержало несколько изданий. В 2008 году вышел в свет подготовленный под руководством профессора М. И. Шумилова учебник по истории Карелии для школьников 10–11 классов. Продолжается напряженная работа в составе редколлегии многотомной региональной энциклопедии «Карелия». В число научных приоритетов М. И. Шумилова в последние десятилетия вошла история университетского образования. В 1990 и 2005 годах изданы подготовленные под его руководством книги, всесторонне освещающие историю Петрозаводского университета.

За значительный вклад в развитие науки М. И. Шумилов удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки КАССР», «Заслуженный деятель науки РФ», «Почетный работник высшего и среднего профессионального образования России», «Почетный гражданин города Петрозаводска». Михаил Ильич – кавалер двух орденов Дружбы, ордена Почета, действительный член Академии гуманитарных наук.

Позади 50 лет преподавательской и научной деятельности в стенах родного университета, и сегодня мы от всей души желаем Михаилу Ильичу доброго здоровья, творческих успехов, благополучия его детям и внукам!

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ М. И. ШУМИЛОВА: 2000–2010 годы

Монография

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с. (В составе авторского коллектива и редколлегии)

Статьи

1. Исторический выбор карелов в 1917–1920 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 6–14.
2. Эвакуация промышленных предприятий и населения из прифронтовых районов в годы Великой Отечественной войны // Подвигу жить в веках. Петрозаводск, 2005. С. 34–38.
3. Финляндский нейтралитет как инструмент выживания и осуществления агрессии в отношении России в 1918–1944 гг. // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009. Петрозаводск, 2009. С. 54–56.

Научно-популярные и справочные издания

1. Страницы истории Петрозаводского государственного университета: 1940–2000. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 541 с. (В соавторстве с И. П. Покровской).
2. Представительная власть Карелии: история и современность. Петрозаводск: ПетроПресс, 2006. 207 с. (В составе авторского коллектива)
3. Карелия: энциклопедия: в 3 т. Т. 1. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007. Т. 2. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. (В составе авторского коллектива и редакционного совета)

Учебники, учебные пособия

1. История России: 1917–2000: Учеб. пособие для вузов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 669 с. (В соавторстве с М. М. Шумиловым)
2. История России: конец XIX – начало XXI века: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 637 с.
3. Карелия в прошлом и настоящем: Пробное учеб. пособие для общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Петрозаводск: Версо, 2005. 320 с. (В составе авторского коллектива и отв. ред.)
4. История Карелии: Учеб. для 10–11 классов общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Петрозаводск: Версо, 2008. 384 с. (В составе авторского коллектива и отв. ред.)
5. История России: конец XIX – начало XXI века: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». СПб.: Олариус Пресс, 2008. 686 с. (В соавторстве с М. М. Шумиловым)

ХРОНИКА

■ 25–30 октября 2010 года в Москве состоялась Международная научная конференция «Андрей Белый в изменяющемся мире».

Конференция была приурочена к 130-летию со дня рождения русского поэта, писателя, философа, критика, новатора в области формы и языка, оригинального лектора Андрея Белого (1880–1934). Организаторами стали Государственный музей А. С. Пушкина (директор Е. А. Богатырев) и его филиал – Мемориальная квартира Андрея Белого (директор М. Л. Спивак). На конференции выступили с докладами ученые из России и других стран мира: Италии и Германии, Нидерландов и Франции, Венгрии и Словакии, Швеции и Сербии, Польши и Украины, Израиля и США, Южной Кореи и Японии. Именно в странах Западной Европы и США в 50–70-е годы прошлого века создавались общества беловедов, проводились конгрессы, велась большая исследовательская и переводческая работа. О. Мюллер-Кук (США) стояла у истоков такой работы, она одна из первых стала серьезно изучать поздний роман Андрея Белого «Москва» (к тому времени еще не переизданный в СССР), вместе с другими американскими учеными (Т. Байером, Вл. Александровым) проводила в США ежегодные сессии, конгрессы славистов, выпускала журнал. Ее доклад был посвящен роману А. Белого «Котик Летаев». Еще одним крупным событием на конференции стал доклад шведского ученого Магнуса Юнггrena «Два русских у Фрейда: Эмилий Метнер и Иван Ильин» – о крайне напряженных интеллектуальных дуэлях Серебряного века (Э. Метнер против Р. Штайнера, А. Белый против Э. Метнера и И. Ильина). По-особому звучала тема «Андрей Белый и изобразительное искусство». Так, К. Сёке (Венгрия) выявила связи творческой манеры писателя с полотнами В. Борисова-Мусатова, К. Сомова; О. Матич (США) связала мотивы облака и пятна у А. Белого с живописными образами В. Кандинского. И. С. Приходько (Россия) обозначила проблему создания словаря символистов. Директор Мемориальной квартиры А. Белого М. Л. Спивак связала образы с обложки журнала «Записки мечтателей» 1919 года (художник А. Головин) с рисунками самого А. Белого. Она дала и своеобразный словесный комментарий к рисункам из рассказа А. Белого «Йог». Особенным во всех смыслах был сам день рождения писателя – 26 октября (по новому стилю). Открыли второй день конференции секционные заседания, посвященные философской составляющей творчества А. Белого. В своем докладе Е. А. Тахо-Годи подняла непростою тему биографических и творческих связей А. Ф. Лосева и А. Белого. Це-

лый ряд докладов был посвящен позднему труду А. Белого по истории и философии культуры «История становления самосознающей души» (Л. Силард (Венгрия – Италия), В. Г. Белоус (Россия), М. П. Одесский (Россия), Е. Р. Обатнина (Россия)). Отдельные секции были посвящены биографическим событиям и реалиям (доклады Т. А. Шутовой; внука философа П. В. Флоренского, директора музея В. Брюсова М. Б. Шапошниковой) и литературной технике и особенностям идиостиля писателя (Ю. Б. Орлицкий, Е. В. Хворостьянова). На конференции состоялось открытие уникальной выставки «Андрей Белый: объединенный архив», подготовленной совместными усилиями Департамента культуры г. Москвы, Государственного музея А. С. Пушкина, Мемориальной квартиры Андрея Белого, Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного Литературного музея и Благотворительного фонда В. Потанина. К открытию выставки была приурочена и презентация юбилейного издания книги-альбома «Андрей Белый. Линия жизни» (совместный проект Государственного музея А. С. Пушкина, РГАЛИ, ГЛМ). Красочным приложением к книге стала уменьшенная копия автобиографической схемы (1927), которая хранится в Мемориальной квартире Андрея Белого, – своеобразный комментарий к «Линии жизни», составленный из художественного, эпистолярного, дневникового наследия А. Белого. На конференции выступили с докладами видные ученые, издатели его огромного эпистолярного наследия (переписки с Ивановым-Разумником, А. Блоком, М. К. Морозовой). Академик А. В. Лавров представил юбилейное издание драмы А. Белого «Петербург». Ученый и издатель Л. А. Сугай рассказала об исследованиях, публикациях и трудностях перевода произведений писателя в Словакии. В стенах гостиницы Мемориальной квартиры Андрея Белого прозвучали доклады, которые можно объединить единой темой – «метафизика Арбата». Это доклады В. П. Троицкого, С. Формикони (Франция), А. Х. Вафиной (Татарстан), Н. Г. Шарапенковой (Россия, ПетрГУ). Целая секция была посвящена «главному» (по слову В. Набокова) роману А. Белого «Петербург» (доклады И. Р. Бабиной, О. Г. Штыгашевой, Ен Ын Пак (Южная Корея)). Доклад С. И. Пискуновой «Символистский роман: между мимесисом и аллегорией» ввел новые аспекты возможной интерпретации романа. К этой конференции была приурочена презентация книги «Андрей Белый.

Символизм. Книга статей» (общая редакция В. М. Пискунова). К памятной дате Д. Г. Санников (сын поэта Г. Санникова) выпустил в свет переписку отца с А. Белым, охватившую 1928–1933 годы. В рамках юбилейных дней открылась выставка «Андрей Белый и Александр Блок в иллюстрациях Кирилла Соколова».

Участники конференции выезжали и за пределы Москвы: в Кучино (г. Железнодорожный) состоялся научно-практический семинар. Завершающий день конференции прошел в Клину, он был связан с посещением Дома-музея П. Чайковского и мест пребывания в Клину Андрея Белого.

Значимость феномена «Андрей Белый» за последние десятилетия, что подтверждает Меж-

дународная научная конференция, утвердилась и прочно укрепилась в современной филологической науке.

Выражаю благодарность М. Л. Спивак, зав. филиалом Мемориальной квартиры Андрея Белого и научному сотруднику Е. В. Наседкиной за возможность участвовать в уникальной конференции, также хочу поблагодарить декана филологического факультета А. Е. Кунильского за поддержку моих научных изысканий.

*Н. Г. Шарапенкова,
кандидат филологических наук, доцент,
и. о. зав. кафедрой скандинавских языков
филологического факультета, ПетрГУ*

■ 1–2 ноября 2010 года на базе Череповецкого государственного университета состоялась III Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) «Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем».

Дискуссии по актуальным вопросам, поднятые в июне прошлого года на II Международной гендерной конференции в Петрозаводске, нашли свое продолжение в стенах Череповецкого государственного университета. В конференции приняли участие более 70 человек со всей России – от Белгорода до Владивостока. Северо-Западный регион был широко представлен как географически (Архангельск, Вологда, Мурманск, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Тверь, Череповец), так и тематически.

С приветственным словом выступили мэр г. Череповца О. А. Кувшинников, председатель Череповецкой городской Думы А. П. Баданина, ректор ЧГУ Д. В. Афанасьев, а также президент «Ассоциации женщин-исследовательниц в славистике» (США) М. Букур. Пленарное заседание открылось выступлением ведущего специалиста в области женских и гендерных исследований Н. Л. Пушкаревой, посвятившей свой доклад сосуществованию двух направлений – эссенциалистского и феминистского – и способам преодоления их противостояния.

В течение двух дней работали 12 секций, тематика которых охватывала широкий круг вопросов, актуальных не только для специалистов по гендерной проблематике, но и для современного общества в целом. Женская и мужская повседневность; брак и семья; способы репрезентации женских образов в России; история образования сквозь призму гендерного анализа; феминистский дискурс; интимная сфера, сексуальность и практики насилия – вот далеко не полный список тем, которые были освещены в рамках конференции. На секции, посвященной женской повседневности,

браку и семье, полемику вызвал тезис об упадке института современной семьи. Часть участников согласилась с данным утверждением и выступили за возрождение крепкой, полноценной семьи, состоящей из супружеской пары с ребенком или детьми. Другой точки зрения придерживались сторонники естественного развития общества и качественного анализа этого института, в котором вопрос о «полноценности» должен решаться не количеством членов в семье, а уровнем благополучия каждой личности.

Участие в работе конференции ведущих специалистов в области женских и гендерных исследований – Н. Л. Пушкаревой, И. С. Клециной, И. И. Юкиной, Н. В. Новиковой, Е. А. Здравомысловой и др. – подчеркивало высокий статус мероприятия. Кроме того, на конференцию прибыл известный российский философ, социолог, антрополог и сексолог И. С. Кон. Всеобщий интерес вызвала прочитанная им лекция о трех революциях: сексуальной, гендерной и семейной. Резюмируя свое выступление, И. С. Кон подчеркнул, что нестабильность современной семьи – свидетельство развития общества, и следует говорить не об отмирании этого социального института, но о его качественной трансформации.

Подведение итогов конференции показало перспективность «женской» темы и актуальность гендерных исследований в России, а также необходимость продолжить обмен опытом путем организации и проведения такого рода форумов на международном уровне.

*Ю. В. Литвин,
аспирант сектора этнологии Института языка,
литературы и истории, Карельский научный центр РАН*

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложении в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи как правило не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – до 5 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – до 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом 6–8 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на двух языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде конечных сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания

и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY

Zhukov A. Yu., Lyallya E. V.

GIC "ELECTRONIC CATALOGUE OF KARELIAN SETTLEMENTS IN XV–XXI CENTURIES"

Summary: The article presents a description of the electronic catalog developed in the framework of RHSF (Russian Humanitarian Science Foundation) project. The electronic catalog of Karelian settlements of the XV century existing today is based on derived maps and multiple written sources.

Key words: Geoinformation systems, historical cartography, history of settlements, history of Karelia, settlements7

Nikonov S. A.

FISHERY ENCAMPMENTS OF KANDALAKSHA PRECHISTENSKY MONASTERY ON MURMANSK SHORE IN XVI–XVIII CENTURIES

Summary: The article is concerned with the issues of Kandalaksha Prechistensky monastery participation (Kola district) in fishing on the Murmansk shore of the Barents Sea in the XVI–XVIII centuries. The author discovered that at the turn of the XVI–XVII centuries, in comparison with the other Pomor monasteries, Kandalaksha monastery was the biggest owner of the fishery encampments on the Murmansk shore. The attempt of the government to carry out secularization of the church property became one of the reasons for the church fishery decline in Murmansk in the first third of the XVIII century

Key words: Murmansk shore, encampments, fishery, loan, monastery, Kola fortress, Kandalaksha monastery16

Tereschenkov L. E.

KARELIAN HISTORY-PARTY ORGANIZATION ROLE IN HISTORICAL MEMORY FORMATION OF REVOLUTION AND CIVIL WAR IN KARELO-MURMANSK REGION

Summary: The article studies the importance of Karelian History-Party Commission (Karistpart) activity in 1932–1937. Its work is viewed as the first benchmark in the study of the revolution in 1917 and the civil war in Karelo-Murmansk region

Key words: October revolution, Istpart, Karelia23

CULTUROLOGY

Okuneva E. G.

"THIRD ERA" OF MUSIC IN FINLAND: AVANT-GARDE AND ELECTO-ACOUSTIC MUSIC

Summary: The history of electro-acoustic music development in Finland is presented. The author talks about the first electronic compositions and their authors, designs of the new musical instruments and establishment of the first electronic music studios. The article also traces gradual changes in the public perception of electronic music in Finland. The key role in electro-acoustic music development is assigned to Finnish avant-garde.

Key words: avant-garde, electro-acoustic music, computer music, Finnish music, electro-acoustic musical instruments.28

PEDAGOGY

Panchenko T. V.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF INFORMATIONAL PROVISION OF PEDAGOGICAL DISCIPLINES

Summary: Theoretical aspects of creating informational educational environment are disclosed in the article. The experience of practical development of electronic resources in pedagogics by the group of teachers and students is described.

Key words: Informational provision, pedagogical disciplines, creating informational educational environment32

Gavrilova A. N.

REASONS FOR POOR ESL WRITING COMPETENCE DEVELOPMENT IN NONLINGUISTIC UNIVERSITIES

Summary: The article discusses possible reasons for the lack of the ESL writing competence in nonlinguistics students. Teaching of methodological, sociocultural and political issues is described.

Key words: Language teaching methodology; writing; writing competence; sociocultural differences; contrastive rhetoric, written/oral culture, nonlinguistic university, the English language38

SOCIAL SCIENCE*Pavlov A. P.***ESSENCE AND DYNAMICS OF ETHOS FORMATION**

Summary: Success of social transformations depends on the actualization of human potential. This potential exists in the form of ethos embodied in the historically developed moral codes and behavioral imperatives, externalized in the patterns of human behavior. Global environment transforms both the ethos developed under USSR and recently formed ethos.

Key words: Living world, ethos, social system, “colonization” of the living world44

PHILOLOGY*Lejis E. I.***DIFFERENT TYPES OF SUBTEXT IN A. P. CHEKHOV’S STORY “STUDENT”**

Summary: On the bases of philological interpretation, the process of the subtext formation in the short story “Student” by A. P. Chekhov is observed. Special attention is given to the interplay of different types of subtext in fiction viewed in its aesthetic integrity.

Key words: Subtext, types of subtext, fiction viewed in its aesthetic integrity47

*Nedbailick S. R., Stikhin A. G., Pavlov V. O.***FUNCTIONAL-SEMANTIC ASPECTS OF NOMINAL CONJUNCTION USAGE IN DISCOURSE TEXTS**

Summary: Name-based conjunctives are one of the most important and expressive types of the discourse-texts connectors widely used in modern English and French languages of different styles as conjunction equivalents. These multi-word complexes provide for the large semantic potential and variability of the functions, close adhesion to primary, adverb and other types of connectors.

Key words: Connector, semantics, discourse, category field, usual, functional integration, sentential, intersentential level, equivalents.....53

*Urenskaya V. V.***PROPER NAMES CHALLENGES IN EPIC TEXT: ORIGINALS AND TRANSLATIONS**

Summary: The article considers various methods of rendering proper names of the epos “Kalevala” into Russian: transliteration, translation, practical transcription. The article defines criteria for the differentiation between proper nouns and appellatives of the epos.

Key words: Epos “Kalevala”, context, translation, proper noun, appellative, concept56

*Tarasova N. A.***NEW NAME IN F. M. DOSTOEVSKY’S DRAFT OF 1877 “JOURNAL OF THE WRITER”**

Summary: The article contains commentaries on Dostoevsky’s unpublished note containing a proper a name, which was not included into the circle of biographic and literary sources related to Dostoevsky’s work. The established name helps to explain the sense and meaning of the author’s art-publicistic reasoning in the draft and in the printed text of “The Journal of the writer”.

Key words: textology, poetics, Dostoevsky’s work59

*Tarasov F. B.***“LEATHER ROBES” AND “WEDDING GARMENTS”: DOSTOEVSKY ABOUT HUMAN TRANSFORMATION**

Summary: The article considers constructive significance of the New Testament texts in Dostoevsky’s representation of the inner life of his heroes. Human earthly belittling is overcome and transformed through kenosis, which has its absolute realization in Christ. This evangelical logic and understanding of a man becomes pivotal in the writer’s artistic world.

Key words: Dostoevsky, text of New Testament, kenosis, transformation, Christ66

PHILOSOPHY*Volkov A. V.***THE BIOLOGICAL ROOTS OF HUMAN KNOWLEDGE**

Summary: The article reflects one of the main tendencies in contemporary epistemology, the so-called «naturalistic turn». Such traditional philosophical problems, as nature and purpose of cognition are discussed from the evolutionary and biological point of view. The author pays special attention to the idea that certain structures of the human mind are innate.

Key words: Evolution, cognition, adaptation, function, innateness, module71

ECONOMICS*Ryabova L. A.***NEW PARADIGM FOR RUSSIAN NORTH: PROBLEMS OF FORMATION AND SOCIAL PRIORITIES**

Summary: The article discusses new aspects of the socially oriented northern paradigm development in Russia. The

most acute social problems of the northern regions and their causes are indicated, priorities and tasks on Federal and regional levels in the sphere of social policy in the Russian North are specified.

Key words: Russia's northern paradigm, social problems, social policy in the Russian North79

Mikhel E. A., Morozova T. V.

INSTITUTIONAL APPROACH TO LABOR EMIGRATION ANALYSIS

Summary: The article presents elements of the institutional approach to the analysis of labor emigration from Karelian Republic. Labor emigration is a complex socio-economic process. It is conditioned by the influence of many factors included into the system of economic, social and political institutions. The results of the analysis can expand the scope of the regulatory control on the regional level.

Key words: Labor emigration, institutional analysis, factors of labor migration88

Evstifeev Yu. M., Rudakov M. N.

DISINTEGRATION TENDENCIES OF INTEGRATED COMPANIES

Summary: Since Adam Smith, the most outstanding scientists asserted that the aspiration to integration and possession of exclusive powers is in the nature of the capital. However, a reverse tendency can be observed in a number of industries, namely, disintegration in the activity of some economic entities. The author of the article tried to determine a theoretical foundation for disintegration processes. Various situations in which oil, gas, or timber companies can apply or use such approaches in their activity were considered.

Key words: Integration, disintegration, management, restructuring93

LAW

Borozdina Ya. A.

CULTURAL COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF BARENTS-ARTIC COUNCIL

Summary: The article discusses legal international questions dealing with the establishment of the Barents European Arctic Region Council (CBEAR). The main tasks of the cultural cooperation within the scope of CBEAR are revealed.

Key words: The Council of the Barents European Arctic Region, the Kirkeness Declaration of 1993, the frontier cooperation, the Conference on Cultural Cooperation of the Barents European Arctic Region (Arkhangelsk, 1998)98

Secretareva T. M.

DOUBLE APPROACH TO HUMAN RIGHTS IN CRIMINAL AND CRIMINAL-PROCEDURAL RELATIONS

Summary: The author of the article studies an important category of "human rights" which is essential to the theory of political science. The author regards the category of human rights not only from a general theoretical point of view, but also in the context of the criminal-procedural relations. A concept of double approach to human rights in that sphere is justified.

Key words: Rights, person, victim, criminal101

REVIEWS

Ponomareva T. A.

The book review: *Markova E. I. Genealogy of Nickolay Kluev. Texts, Interpretations, Contexts.*107

MEMORY

Sevander S.

In memory of the teacher – N. N. Tolstaya109

JUBILATION

To the 85th Birthday Anniversary of M. I. Shumilov111

SCIENTIFIC INFORMATION113

INFO FOR THE AUTHORS115